

УС СЪЗ АЗСА УС СКА
СЛЕЕ БСАК УС АЗБА

КИРНОС С.В.

ДОРОГОЙ СКОРБИ:

КРУШЕНИЕ ОРДЕНА

18+

Степан Витальевич Кирнос

Дорогой скорби: крушение Ордена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39484859

SelfPub; 2021

Аннотация

Тамриэль. Время правления династии Септимов. Страну медленно изнутри начинают терзать противоречия, а внутреннее напряжение продолжает постепенно тревожить сердца граждан. Молодой император, в поисках выхода из проблем, всё чаще обращает свои взгляды и амбиции далеко на восток. В это же время практически никому не известный, древний и покрытый вуалью тайн Орден продолжает неустанно наблюдать за Тамриэлем и его жителями, преследуя по всей стране тех, кто связал себя губительным союзом с тёмными силами. Однако над ним самим навис клинок зловещего рока и не ясно, справятся ли его слуги с бременем, что выпало на их долю. В трудный для Империи и Ордена час начинаются страшные события, что явят миру новую угрозу, до этой поры не ведомую никому. Ужасная партия только готова начаться, силы уже расставлены, ходы просчитаны и кто остановит неистовый шквал грядущего зла?

Содержание

Том 2. Орден	5
Часть первая. Начало начал	5
Глава 1. Заря	5
Глава 2. Трудный путь	24
Глава 3. Дела в Ордене	54
Глава 4. Пришествие	77
Глава 5. Место для клятвы	97
Глава 6. Первое задание	123
Часть вторая. Жизнь изнутри	150
Глава 7. Команда	150
Глава 8. Бремя тени долга	162
Конец ознакомительного фрагмента.	187

Степан Кирнос

Дорогой скорби: крушение Ордена

«Изиди Пожиратель Мира. Словами, чьи кости старше чем твои, мы лишаем тебя места в этой эпохе и изгоняем тебя!»

– Фелдир при битве на Глотке Мира

«Победа в сражении – это самая незначительная победа. Победа без сражения – вот высочайшее мастерство».

– Цурин Арктус

«Первое значение всегда скрыто».

– Вивек

Том 2. Орден

Часть первая. Начало начал

Глава 1. Заря

Южный Тамриэль. Валенвуд. Третья эра, двести семьдесят восьмой год.

Рассветает. Солнце плавно начинает путь с востока, озаряя землю и разгоняя оставшиеся тени сумрака, плавно идя по земле и развивая ночной мрак. Хлад ночи стал постепенно сменяться утренним потеплением. В этой части света утро начинается с лёгкой прохлады, улучшенной умеренным морским бризом, который рвётся ласковыми воздушными потоками с юга, что превращает каждый солнечный день в череду приятных моментов.

На городок опустился свет, отгоняющий мрак и в каждый дом, каждое окно устремились лучи утреннего солнца, развеивая полуночную прохладу. Яркий свет мягко проникает и в окна старого дома, поставленного практически у края поселения, заставляя молодого жильца понять, что ночь скинула с города мрачный покров, и пришло великолепное утро.

Юноша, потирая глаза и через зѐв, стал медленно и лениво просыпаться, скидывая вуаль сна.

Эфемерное, лёгкое полотнище ткани, служившее одеялом, отброшено прочь и свет пал на желтоватую кожу. Житель дома стал подниматься, лениво откидывая светло-золотистые волосы и протирая глаза. Его лицо, вытянутое, с отточено-заострёнными чертами лица обернулось к окну, и нефритовые очи впились в образы того, как небольшой куст бьётся листьями о стекло. Он поднялся с деревянной кровати, смягчённой кусками ткани и набитым пухом чехлом, выступающим в роли подушки. Рубаха, белая как облака, повисла на стройном теле и слегка трясётся с каждым шагом.

Затёкшие от сна конечности несколько сковывают движения, но всё же рвение и бодрость заставляют скинуть ночную сонливость. Под ногами он сразу чувствует холодную шероховатую поверхность, трущуюся о стопы. Это оказался пол, сделанный из досок южносибирского дуба и едва ошкуренный.

Утончённые губы юноши раскрылись, исторгая слова, произносимые чуть грубым голосом:

– Ох, Азариэль, наконец-то наступил этот день – пронеслась на весь небольшой дом мысль, наполненная ощущением грядущего счастья. – Так, а куда я положил свою одежду?

Для юноши это не совсем обычная заря, не такая, как сотни предыдущих, ибо после этой для него наступит иная жизнь, наполненная светом и блистательным долгом, как ему

кажется. Это утро, в мечтаниях парня, ключ к его будущей жизни, которая по его представлению круто поменяется. И он действительно прав – сегодняшний рассвет изменит его жизнь. Радикально.

Он, не тратя времени на все обычные утренние процедуры, кинулся в сторону, в гостиную, где под грузным белым потолком, на столе лежит его одежда. Юноша мгновенно натянул на себя брюки из кожи северного оленя, зиявшие белыми пятнами и потёртостями, кожаный жилет и лёгкие сапоги под колено.

Через секунду Азариэль за пару шагов переместился из просторного зала в тесную кухоньку. Её стены голы, за исключением мест, прикрытых парой шкафов. Из единственного источника света льются солнечные лучи, озаряя кухню. Взгляд нефритовых глаз пал в окно и дальше – на улицу. Парень едва на стол не залез, лишь бы увидеть, кто идёт по улице.

– Ну, где же ты... где? – нервно вопрошает сам у себя парень и отошёл от подоконника, вернувшись в комнату, расстроено приговаривая, усаживаясь за стул за комнатным столом. – Уже должна бы вроде прийти.

«Боги, дайте мне сил», – молвит про себя Азариэль. Юноша думает, что его будущее служение, праведное предназначение, которому он послужит, станет залогом покровительства Девяти к нему. Он надеется, что милосердные боги спасут его от всякой проказы, нечисти и всякого несчастья.

«Милосердная Мара, дай мне своей любви, Талос, укрепи дух мой, Акатош, помоги мне», – молится про себя тихо юноша, однако его душа не чувствует тепла, и как бы его молитва не была сильна, ему кажется, что она не слышима.

Томные ожидания берут верх над Азариэлем, так как день, момент сегодняшний очень важен и не в силах сидеть на месте парень срывается со стула, подходя к стене. Золотистый палец коснулся деревянной балки дома, не покрытой известью, ощутив, как шероховатая поверхность трёт конечность. И тут, целой вереницей на него нахлынули старые, мрачные воспоминания, связанные с ранним детством, проведённым в этом самом доме.

– Ох, отец, если бы только здесь был... если бы ты видел, – тяжело выговорил Азариэль. – Что б этот проклятый...

Но раздался стук, и слова завязли в горле, так и не покинув уст, оставшись только мыслью. Азариэль ринулся к двери и распахнул её. Перед глазами возникла невысокая фигура, торс её утянут светло-красным парчовым жакетом, а ноги скрыты под брюками из сиродильского шёлка, стопы же покрыты чёрными туфлями северной работы, смотря в которые можно узреть черты своего лица.

– Здравствуйте, – раздался низкий сиплый голос и Азариэль окинул взглядом лик незнакомца. – Это вы дали объявление о продаже дома?

Смотря на впавшие тёмные глаза, на ужасный шрам, перекосивший лицо слева направо, на исхудавшее лицо, похо-

жее на обтянутый кожей череп без жизни, Азариэль с трудом вспомнил, что искал покупателя дома.

«Что же тебя так сильно потрепало?» – задался вопросом юноша, поняв, как его дух холодеет при виде изуродованного лица. Он почувствовал, как странное щекотливое ощущение охватило его грудь.

– Да... я... – выдавил из себя Азариэль.

– Ах, – незнакомец коснулся шрама. – Я вас понимаю. Старая травма, и ничего больше. Меня боятся из неё, и я могу понять таких. Но всё же! – встрепенулся босмер. – Давайте перейдём к коммерции.

– Хорошо. Можете пройти.

– А вы быстро нашли возможного покупателя, – заговорил босмер, входя в дом. – И говорили в нашем местном центре жизни.

– Вы про таверну?

– Да, про неё любимую. И даже объявление на доске давали... я удивлён, как её ещё на доски не разобрали.

– Я просто спешу его продать, – Азариэль закрыл дверь и устремился в комнату, вытянув руку и указав на круглый грубый дубовый столик, что встал посередине. – Вот, присаживайтесь.

– Спасибо, – лесной эльф коснулся стула и отодвинул его, занимая место за столом. – А вы собственно не местный?

– Почему вы так решили?

– У вас дом странный... не вписывается в обычную архи-

тектуру этой провинции. Да и ветхий он какой-то снаружи.

– Извольте, – Азариэль сел напротив, за второй стул. – Меня долго не было дома. Слишком долго.

– А где же вы были, позвольте уточнить. – Босмер попытался улыбнуться, но у него получился лишь отвратительный хищный оскал.

– В имперском доме сирот, что в Сиродиле. В шесть лет меня забрали. Десяток лет я там провёл. Слава Аркею, там хоть учителя были нормальные... а то всякое бывает в Империи. Мне повезло.

Мрачное прошлое спровадило юношу из валенвудских земель, оставив дом на волю имперской власти, чьи законы о собственности требуют заботиться и сохранять дом, пока жилец отбыл из него по приказу государства. Именно в этом доме в свои ранние годы он рос и начинал радоваться жизни, но это начало было омрачено трагедией.

– Позвольте тогда узнать, что же с вами случилось? – вкрадчиво спросил босмер, а его чёрные глаза отразили странный отблеск. – Я, конечно, понимаю, что у вас есть нечто личное, но я может, смогу помочь.

– Всё как обычно, всё банально до невозможности. Что получается на стыке войны и политике? Грабёж и бандитизм.

– Простите?

– Своей матери я не помню, отец о ней ничего не рассказывал. Я жил вместе с ним в этом доме.

– А кто был ваш отец?

– Он был распорядителем ресурсов.

– Это из тех, что являются одним из служащих невероятно огромной бюрократической имперской машины, насчитывающих неисчислимое количество чиновников самых разных рангов?

– Да-да,

– А-а, начальник отдела имперского правительства?

– Нет-нет, – поднял руки Азариэль. – он не был одним из членов высшего эшелона этой машины.

– А я понял. Он был простым серым чиновником, выполняющим свою незначительную работу, которая давала ему Империя.

– Именно. Жениться он не успел, поэтому дом после его смерти достался мне. Только на днях подписал наследственную.

– Так что же с ним случилось? – вопрос гостя практически не слышим за пеленой воспоминаний о прошлом.

Юноша не любил вспоминать, как отец оставил его в возрасте шести лет, уйдя по поручению на работе, так и не вернувшись. События тех дней лежат тяжким грузом в сознании юноши, временами заставляя его проваливаться в пропасть меланхолии каждый раз, когда ему кто-нибудь напомнит об этом и в особенности боль доставляют последние слова отца – «Подожди, приду, и я сыграю с тобой, работы сейчас много. Я обещаю. Ты только дождись меня». Они ввергают молодого парня в печаль и рождая тернии у сердца. Тяжёлые

времена, отмеченные дланью серости, медленно освещаются зарей нового дня, и Азариэль чувствует это, уже не ощущая прежнего ликования.

– Его убили, – скудно отвечает хозяин дома.

– Он был хорошим?

– Ладно, нам нечего думать о прошлом, – отведя пальцы от полированной поверхности крышки стола, сказал Азариэль.

– Хорошо. А убийцы хоть наказаны?

– Мой отец погиб от рук местной повстанческой группировки «Сыны Лесов», когда из-за задержки конвоя с повозками решил самостоятельно отнести отчетности по работе в город – Сердце Леса, один из штабов имперской бюрократии на родине лесных эльфов. Как думаете?

– Ну да, они – хитрые воины.

– Проклятая Империя, – выругался юноша и с пущей яростью продолжил, исказив прекрасные черты лица в гримасе гнева. – Проклятые «Сыны» ...

– Да ладно вам, – гость откинулся на спинку стула, сложив руки на груди. – Где ещё встретишь таких воинов? Бьют как «Дикая Охота», а скрываются будто призраки.

Разум Азариэля невольно выволок всё, что знает об убийцах отца. Парень чуть подался вперед, а его уста выдали речь в которой промелькнули искорки злобы:

– Согласен, «Сыны Лесов» это вам не какая-то расфуфыренная бандитская группировка, хотящая получить власть в

Гринхарте и его местности и желавшей как можно больше нахапать и уйти в тень от имперского правосудия. У этих кокл имеются свои мелкие политические мотивы, выросшие на какой-то непонятной и безумной философии... мудрецы недоделанные. Они мечтают о создании вольной местности, где нет государства, где все решается сообща в соответствии традициям... долбаные мечтатели, нанюхавшиеся лунного сахара.

– Да, и для этого, они считают, государство необходимо уничтожить, начиная с его марионеток и деятелей, вроде мелких служащих. Романтика абсолютной свободы, – в голосе гостя пробежал намёк на восхищение группировкой.

– Но это так считается, ибо под самыми благородными мотивами обычно скрываются более прозаичные, алчные и жестокие желания, раздуваемые похотью, гордыней и жадностью богатства. Они как любой клан вырождков мечтают о власти и наживе, а идеи свободы насаждали для низших слоёв клана, что б просто получить фанатичных и бездумных последователей, готовых пойти на всё, ради столь сладких идей.

– Но тогда ради чего всё ими творится?

– Как всегда, – пожав плечами, гостю говорит юноша. – Безумие, жадность, похоть и жестокость, прикрытые благородными «народными» мотивами.

– Откуда такая начитанность и познание? – удивился гость.

– Научили так, – скоротечно ответил Азариэль, вспомнив,

что его воспитывали в доме сирот при отделении военного имперского колледжа. – Хорошие учителя были.

– Но ведь сражаются, же за справедливость, не так ли?

– Они «во имя справедливости» грабили и убивали. – Гневно парирует Азариэль. – Сколько жертвами их идей стало? Какое количество безобидных людей и эльфов, которые просто шли через лес без стражи? – напористо прозвучал вопрос.

– Ну, хотя бы, их удары были одинаково жестоки, беспощадны и столь же коварны, молниеносны. Выжженные мелкие, без следов «Сынов», селения и развороченные караваны – ничего не могло скрыться от лесных «благородных разбойников».

– Вы в этом находите прелесть? – смутился Азариэль. – Простите, но ведь это противно.

– Нет-нет, что вы... я просто удивлён их военным мастерством. По крайней мере цели их благородны. Они действительно желают свободы от имперского правительства.

Азариэль пропустил этот выпад, за который гость может сесть в тюрьму, не обратив на крамольные слова внимания. Его разум поглощён спором, жадной доказать правоту. Он, сотрясая воздух жестикуляцией рук, продолжается напористую риторику:

– Хоть они и говорят о благородных целях, но картина ими содеянного совсем иная, показывая их истинное лицо. Они ведут себя как обычные разбойники, не на йоту боль-

ше, лишь подретушировав свою деятельность красивой идеей лживых, но, как им кажется, священных аспектов новой жизни.

Гость с Азариэлем погрузились в дискуссию. Азариэль стоял на позициях того, что они бандиты и место им на виселице, а Босмер пытался их как-то обелить. Они говорили и том, что «Сынов Лесов» так никто и не мог поймать, как не пытались, так как любая операция их поимки превращалась в погоню за теньями. Ни местная стража, ни имперский легион, ведомый самыми лучшими полководцами, не смогли их загнать в угол или истребить. В последние моменты, перед появлением стражи или регулярных войск они скрывались в тени леса, оставляя лишь после себя сожженные дома, убитых граждан и ореол непонятности, вкупе с кровавым безумием.

Босмер указывал, что они воодушевляют на борьбу всё больше и больше молодых эльфов, и людей. Сыны лесов, силой пламенного слова и красотой удивительной идеологии, распространили влияние практически среди бандитов от Старого Корня до Гринхарта, превратившись в одну из самых опасных местных сил, чьё присутствие от остальных провинций Империя старалась скрыть.

Азариэль парировал тем, что эта группировка сама себе противоречит. Как сказано в одной книге: «Но что есть государство, или иная организация, без собственного устройства?». Их структура крайне интересна и необычна, идя

вразрез с декларируемыми идеями. Местность, находящаяся под их контролем, делится на «Вольные Директории». И каждой «Директорией» управляет «Великое Совещание» – собрание всех взрослых членов этой территории, что принимало все решения сообща. Но это только на словах, ибо над всей Директорией стоит узкий круг людей и эльфов, по сути, они и есть истинная власть этой шайки-лейки. В него входят и идеологические лидеры, главные сепаратисты региона, и главы бандитских группировок. Негласно, порой в полушёпот, их называли «Кругом Сильнейших», который и старался протолкнуть свою волю на «Великих Совещаниях».

Они вспомнили, что от каждой Директории выделялся представитель, и он направляется в штаб «Сынов», где и заседает так называемый «Директориальный Совет», который управлял всей повстанческой организацией и решал основные проблемы. Но, не смотря на их вольные идеалы, во главе совета стоит председатель, который занимается изданием доктрин и созданием новых вербовочных пунктов. Это и является главной издёвкой и двуличием, ибо, как те, кто заявляют о полном уничтожении диктата одной личности, имеют во главе собственного движения даже не группу лиц, а единоличного и харизматического лидера.

– Знаете, – вкрадчиво и аккуратно полилась речь. – У меня был один друг-данмер. Я его даже мог назвать братом, и он придерживался таких же идей что и вы.

– Расскажите о нём.

– Да говорить особо нечего. Тихий, загадочный, но умный и верный идеалам, которым служил. Впрочем, из-за этого мы и разошлись во мнениях... по одной ситуации. Я верю, что мы когда-нибудь снова станем друзьями, но политических идей я менять не собираюсь.

– Политика... к даэдра её! – пронеслось с уст парня, отбрасывая размышления о недобитых повстанцах.

– Согласен. – Одобрительно кивнул гость и перешёл к другому вопросу. – А вы, я так понимаю, решили покинуть эти места.

Воспоминания Азариэля об отце постепенно стали рассеиваться, уступая место сладким мечтаниям о новой жизни, в которую он готовился вступить, и которая была дана немногим.

– Да, я собираюсь покинуть эти славные места.

– А куда, если не секрет?

– Знаете, в раннем детстве я с восхищением смотрел на прекрасных рыцарей в блестящих на солнце доспехах, что были довольно частыми гостями в этом городке, хоть их присутствие, как и само существование не афишировалось имперскими властями, а порой даже и скрывалось, – воспоминания о благородных воинов отбросили мрак с лица парня, оно стало более живым. – Но народную молву так просто не заткнёшь и сказания о могучих воителях передавались из уст в уста, из деревни в деревню, становясь легендарными преданиями.

Азаризель по юному наивно о них размышлял и всегда хотел встать в один ряд с этими благородными воинами, чьи миссии покрыты мраком, а сами воители практически ничего не говорят о целях прибытия. О них мало кто болтал, о них практически никто не ничего знал и после себя они оставляли лишь шлейф неясности и тайн, покрытых сумраком секретов, что и вызывало, сначала у ребёнка, а потом у юноши неистовое желание к ним когда-нибудь присоединиться. Юноша знает и верит, что вся их жизнь наполнена приключениями и славой, которые так и манят пламенный подростковый дух.

Но его мечта начала осуществляться только когда, он смог выйти из дома сирот и, что стало очень редкой удачей – поступить в список кандидатов в Орден. Его мечтания уже заполняли сцены о новой и славной жизни в огромной цитадели Ордена, грандиозные битвы и та вящая слава, которую он получит в них. И, так как он решил перебираться в новое место, было принято решение продать этот дом, юноша практически сразу нашел покупателя для этого дома.

– И вы я так понимаю, уже поступили в кандидаты Ордена? – спросил гость, указав на куртку из чёрной кожи, которая отмечена нашивкой, вместившей изображение клинка на фоне раскрытой книги.

– А откуда вы знаете? – лицо накрыла тень смущения.

– Вон, – гость повернулся и указал на куртку. – Символ Ордена. Таким образом, им помечают тех, кто зачислен в

кандидаты.

– Э-м, даже боюсь спросить...

– Вы не бойтесь! Спрашивайте. Хотя, – босмер устрася улыбно, – я знаю, что вы спросите. Поверьте, долгие годы наблюдение позволили мне учесть некоторые особенности Ордена.

Хозяин дома вспомнил о времени и его нефритовые глаза посмотрели на часы, данмерской работы, отделанные эбонитом и окрашенные в чёрные цвета, на циферблате которых выгравированы сплетения, образующие символ дома Редоран. Он вспомнил, что за ним должна была давно зайти его знакомая, с которой он и намеревался отправиться в путь к Ордену.

– Проклятье, – прошептал Азариэль, выдав лёгкое недовольство.

– Что-то не так? – удивился покупатель.

– Нет-нет.

– Тогда давайте перейдём непосредственно к коммерции, – гость поднялся с места. – Я пройду?

– Конечно, ходите, осматривайте, – осторожно начал Азариэль. – Как кстати вас зовут, а то нам так и не удалось познакомиться.

– Ох, вы правы, – сокрушённо принял покупатель. – Прошу простить меня за то моё поведение, я просто был сильно занят. Меня зовут Фиотрэль эль Анарх. – Ответил покупатель и принялся гулять туда-сюда, расхаживая из одного

края дома в другой.

Несмотря на вольность действия, походка гостя выдаёт в нём осторожность и напряжённость. Он будто заведённый обнюхивает каждый сантиметр дома. Всё время касается стен, будто они мёдом намазаны. У окон минут десять провёл, смотря, как на них выходит улица.

«Вот же собака... вынюхивает каждый дюйм» – озлобленно усмехнулся Азариэль, желая как можно быстрее закончить эту сделку и не вытерпев, раздражённо выдаёт:

– Вы всё, окончили?

– Да, – поднял опустошённый взгляд Фиотрэль, – можно обсудить цену.

– Хорошо, – они оба прошли и вновь сели за стол, став сверлить взглядом друг друга; юноша заметил, что его гость так и не спешил расслабляться, все, так и оставаясь в напряжении.

– Ну, и какую цену вы бы назвали? – спросил хозяин, готовясь к долгим и нудным торгам, которые обычно разводят на эльсвейрском рынке.

На лице Фиотрэля неожиданно скользнула искривленная, странная и зловещая улыбка, больше напоминающая оскал дикого зверя. Он осмотрелся и стал вслух оценивающе рассуждать:

– Одноэтажный дом в целом в хорошем состоянии и показывает умение мастеров и надёжную простоту. Крепкие стены сделаны на славу и могли выдержать не одну бурю или

дерзкое нападение.

– Ах-хах, – рассмеялся Азариэль. – И поверьте, он выдержал.

– Приличный, не прогнивший, не просевший, а твёрдый пол под ногами и не собирался проваливаться и простоит не одно поколение, прежде чем рухнет под тяжестью лет.

– Да-а, сейчас качество – это роскошь, – Азариэль положил подбородок на руки, упарившиеся локтями о стол.

– В доме было прибрано и уютно, хотя не роскошно и богато. Через целые и чистые окна прекрасно видны городские пейзажи, а крепкая рама не позволит им выпасть во время порывистых ветров или даже бурь.

– Истинно! – послышался хлопок в ладоши. – Крыша не пропускает не единой капли во время пасмурной погоды и сделана отличным мастером просто на славу.

– А мебель! Какая мебель! Вы только посмотрите! Я ведь вам его вместе с имуществом отдаю! – юноша простёр руки в стороны, указывая на диван и пару шкафов.

– Мебель годная, дом выглядит крепко, стены в лучшем состоянии, только старовато все немного. Да и роскошью здесь не пахнет. Такое ощущение, что это монастырская келья. – Пытаясь пошутить, закончил гость.

– Да, но какая разница? Тебе нужен дом, мне нужны деньги, – напористо протараторил юноша, желая, как можно быстрее продать этот дом странному босмеру.

Покупатель бросил осторожный и холодный взгляд на

высшего эльфа. Этот взгляд был настолько пронзительный и холодный, как ветер моря Призраков, что Азариэль почувствовал дискомфорт в душе, как его сердце леденит. Он поёрзал на стуле, пытаясь отогнать это чувство, но всё тщетно.

– Как какая разница? – медленной сиплой речью прозвучал вопрос. – Надо всегда знать с кем ведёшь дело, – хладно ответил гость, продолжая буравить своим взглядом Азариэля. – Это же один из принципов свободного рынка.

«Радикал что ли... один из тех, кто за свободу что ли?» – вкралась мысль к Азариэлю, но он мгновенно её отменяет и возвращается к исторически древнему процессу торговли:

– Этот принцип работает по обе стороны коммерции, – парировал юноша, стараясь не выглядеть невежественным.

– Правильно, – Неожиданно для юноши и для крепких стен этого дома мрачно сказал гость, отчего он стал выглядеть ещё страннее. – А ты сообразительный, из тебя бы вышел приличный мелкий торговец на рынке или бюрократ. – Отвесил холодно странную и двусмысленную похвалу Фиотрэль.

– Надеюсь, ты платить мне будешь не комплементами. – Усмехнулся хозяин, подогреваемый желанием как можно быстрее избавиться от этого дома.

– Конечно, ты прав. Я сам не имею привычки торговаться. Считаю это пороком. – Похвалялся покупатель, неожиданно после этих слов замолчав, но уже через мгновение твёрдо и без следов гордыни сказал. – Моя цена это четыре тыся-

чи золотых септимов. – И после этих слов, Фиотрэль достал несколько кожаных мешочков с золотыми звонкими монетами и денежный звон сотряс пространство, а кожа мешком тяжёлым грузом легла на крышку стола. И его жакет перестал оттягивать, принимая более нормальный вид.

– Вот так вот, даже торговаться не будем? – сделав довольную ухмылку, спросил юноша.

– Мне нужен дом, тебе нужны деньги. Холодно ответил покупатель, при этом искажив гримасу, попытался натужно и неестественно улыбнуться.

Азариэль пытался понять своего гостя, но это ему не удаётся. Фиотрэль постоянно меняет поведение, отчего делался слишком странным – то он заботливый коммерсант, то бездушный рационалист. Рядом с ним юноше неудобно. Постоянно душу знобит странным холодком, как будто он сидит рядом с маньяком или преступником, у которого с разумом не всё в порядке, но Азариэль отгонял всякие мрачные мысли, ибо чувствует, что ему уже пора.

Руки юноши простёрлись в сторону, будто он хочет заключить в объятия гостя, но это всего лишь жест приличия. Звонкий голос сию секунду раздался и заполнил дом:

– Что ж, добро пожаловать, как говорится! Дом теперь полностью ваш, только сходите в местное представительство имперской канцелярии и подтвердите, что владеете им, – при этом Азариэль прихватил деньги со стола и положив бумагу, подтверждающий право собственности, нарисованное

на веленованной бумаге.

После чего он пошел к сумке, лежащей у входа, куда вбито всё необходимое, кинул туда деньги, вскинул её на плечо и, окинув взглядом свой старый дом, поспешил покинуть уже не свою собственность.

Новый хозяин дома тщательно осматривал помещение, в котором он находился, с явной осторожностью и нетерпимостью, будто ожидая, когда Азариэль уйдёт.

– Прощай, – кинул юноша, вскинув руку, после чего открыл дверь и вышел из дома, ускорив шаг, желая, как можно быстрее попасть на остров.

– Прощай. – Холодно сказал ему вслед Фиотрэль и скрылся во мраке помещения за дверью.

Вот так, с рассветной зари, с самого раннего утра и необычной продажи старого дома начинается история, превратившаяся в долгий полёт длиною в целую жизнь, не раз решившая судьбу целого мира, который множество раз оказывался на краю гибели, хотя и сам этого не знал. Так началась история, «по милости» императора оставшаяся за гранью забвения и сгинувшая в веках.

Глава 2. Трудный путь

Полдень.

Утро давно минуло и солнце во всём своём величии си-

яет в зените, одаряя валенвудские земли ласковым тропическим теплом, дарующим чарующую погоду. В лицо дует теплый, не жаркий, мягкий и спокойный ветер, обволакивая лик и заставляя трепыхаться каждую волосинку на голове. Жара практически не ощущается, её почти нет, разве только гнетущая теплота едва даёт знать о том, что юг, ибо старанием морских ветров, воздух не становится горячим и сухим. Листья деревьев спокойно шелестят, одаривая пространство изумительным звучанием лестного шороха, словно бы это музыка, звучание живой природы, которое так дорого всем босмерам. Всё спокойно и не предвещает ничего особенного.

Город абсолютно тих, лишь могли встретиться пара людей или эльфов без дела слоняющихся по немногочисленным улочкам небольшого селения. Но в основном в городе ни души, все его жители, то ли работали, кто-то пил в местной таверне, ставшей после поместья управителя центром жизни, а некоторые отдыхали дома.

Невысокие ворота остаются позади юноши, облаченного в куртку из кожи и он, минует небольшую защитную стену – чистый декор, не способный защитить от разумного нападения. Обшарпанные, изъятые временем ворота остаются за спиной молодого высокого эльфа, который медленной походкой выходит под своды лесной чащобы. Отовсюду слышится стрекотание птиц и доносится щебетание экзотических пернатых, создающих причудливую лесную симфонию.

Нефритовые глаза на подтянутом лице обращаются обратно, в сторону города, лежащего подле высоких лесов. Парень чувствует некую тяжесть, странный груз, повисший на душе и омрачавший столь солнечный день.

– Боги, дайте мне сил, – слабый голос срывается с уст и Азариэль снова хотел бы взмолиться божествам, только его прошения всегда отдавались на алтарь нечто холодного, несуществующего.

Кандидату в неофиты Ордена тяжело покидать эти спокойные места. Такого бремени не было даже, когда он выходил из дома сирот, не было, когда он и дом продавал, но сейчас тяжёлые цепи печали ложатся на шею. Хоть он здесь провёл не столь много времени в своей жизни, но здесь прошло его раннее детство, первые шаги им сделаны были тоже здесь, и слово первое в этом городке парнем было сказано. Место, где началась его жизнь, тяжким грузом воспоминаний давит на душу молодого эльфа и уход ложится тяжким бременем на сердце юноши.

– О Акатош, – взмолился Азариэль, наивно полагая, что боги ему помогут. – Сколько времени утекло... милосердная Мара, даруй мне покой. Талос, укрепи душу мою, Зеннитар, дай мудрости.

Но, решив скинуть пелену уныния и подумав о будущей жизни, о новых, как он грезил, великих свершениях, и о том, что он уже стал кандидатом в ряды Ордена, Азариэль попытался унять горечь расставания с родным местом. Юноша

истинно думает, что его ждёт новая жизнь, полная славных и прекрасных моментов и с собой он должен брать не печаль и апатию, а рвение к необычному пути. Он устремляет взгляд в тень лесной чащобы и холод печали его чуть отпускает, уступая место манящему зову из прекрасного будущего.

Взглянув на городок с уже практически сокрытой в закромах сердца печалью, он пошёл прочь от него, оставив за плечами и своё раннее детство и тех немногих знакомых в этом городке, которые ему помогали встать на ноги.

«Теперь всё будет по-новому» – Твердит Азариэль себе, наставляя на славное путешествие.

Его путь пролегает через лес к лазурному берегу океана Падомейк. Юноша, оставив город позади, начал идти по старому пути, ведущим сквозь лесную чащу к полусгнившей и давно заброшенной пристани, у которой стоит не менее развалившаяся лодка, что доставит его южнее материка – на остров где и располагается Цитадель столь славного и полускрытого Ордена.

Он начинает путь в полном одиночестве, как в древних сказаниях о забытых странниках, в одиночке прошедших все дороги в Тамриэле и изведавших его уголки. Юноша один вступил на старую дорогу, и никого в этот момент рядом с ним не было, даже самых близких знакомых, которых тоже зачислили в кандидаты Ордена.

Но прежде чем углубится под своды огромного леса, парень свернул направо от дорожки и направился в приземи-

стое одноэтажное здание, скрытое под тенью от кроны деревьев. Сколоченная из старых досок постройка темна и не покрашена, едва покосилась, чем вызывает впечатление, что тут старая заброшка. Но это не так, поскольку у старой двери прибита покошенная и исчернённая косыми царапинами вывеска, на которой написано «Старый Великан».

Ладонь Азариэля коснулась двери, и со скрипом кусок старого скайримского дуба со скрипом отворился, давая гостю войти вовнутрь. Сразу же с порога нос парня пленили ароматы жаренного мяса вкупе с нотками душистого хмеля, кружащие голову. Эльф пошёл дальше, проходя через порог и ступая аккуратно по ступеням. Он бросил взгляд налево и увидел парочку местных пьянчуг, усевшихся за грубыми пошатанными столами и стульями, которые после нехитрой работы проводят досуг и пропивают заработанное. Свечи и факелы, хаотично расставленные по всему помещению, вечером создают томную атмосферу заведения, но сейчас освещение исходит от солнечных лучей, пробивающихся через узкие окна слева.

– «Старый Великан», ты никогда не меняешься, – с легко проскользнувшей улыбкой сказал юноша.

Двери этого всегда были открыты для всех, и он готов был принять любого, будь то усталого путника, рабочего после тяжёлого труда или алчного наёмника, ищущего временный приют.

Местный бард, голосистый лесной орк в пышно-выцвет-

ших одеждах, горланит во всё горло, испытывая струны лютни на крепость и вот он снова поёт:

– Песня о паладине, – прохрипел полупьяный менестрель и запел:

Коли же буден труден, жесток и горек мой путь,
Коли же лютует на тропе разбойник иль монстр лесной –

Не убоюсь я дороги своей, уйдёт из души ужаса суть,
Не знаком мне страх, покуда святость со мной!

Грозный ветер будет мне нипочём, и беды минуют меня,
Доселе я верен доброму делу и слову святому.

Служителя нечисти, бандита иль монстра лихого примет
земля,

Когда встречусь я ними и предам мечу золотому.

В строках песни, рождённой из мелодичного хрипа орка, Азариэль нашёл особое вдохновение. Ему кажется, что эти строки именно про него и его славное дело. Он молча смакует каждое слово песни, рисуя великолепные картины того, как сложится его жизнь в Ордене.

– Ну, здорова, Азариэл! – торжественный возглас вернул юношу из размышлений в таверну.

Взгляд очей юноши метнулся вправо, и он увидел чело-

века, прокричавшего радостно его имя. Это высокий лысоватый нордлинг с широким округлым лицом, нацепивший на себя старый фартук из плотной ткани. Его серая рубашка покрыта пятнами алкоголя и жира, брюки почти не сходятся на большом животе, возвращенном на пиве. Голубые глаза, исполненные добродушием, смотрят на юношу, а широкие ладони распротёрлись в стремлениях заключить парня в объятиях.

– Приветствую, Ульффрик! – Отсалютовал с улыбкой альтмер и позволил себя обнять мужчине; несмотря на высокий рост эльфа этот нордлинг оказался намного выше, и юноша чуть было не утонул в его тёплых объятиях.

– Ты как, в порядке? Не забыл того, что тебе было говорено?

Приятное чувство объяло душу Азариэля и ему вновь тягостно прощаться с домом. Ну как можно бросить всё, если тут такие друзья, которые могут его поддержать, могут помочь.

– Да, – отступил Азариэль и вышел из-за барной стойки, встав напротив владельца таверны, – всё помню, что ты говорил. Остерегаться «Сынов» и не вступать с ними в конфликт.

– И то верно. Только осторожничай, а то тех аспидов как тараканов развелось.

Азариэль положил ладонь на барную тряпку, давай её подбрасывать над деревянной поверхностью, забавляя себя и попутно разбавляя тишину вопросом:

– Что ты можешь мне рассказать?

– Всё, что душеньке угодно-то. От новостей в имперской политике до последних сплетней в городишке-то.

– И какие изменения в политической обстановке?

– Да ничего особенного-то. Ох, а ты слышал, что собираются на север швырнуть два отделения? Мне наш начальник стражи шепнул.

– У нас и так воинов не хватает на борьбу с лестной чумой, а они ещё у нас солдат забирают. Скоро нас всех тут перебьют недобитки лесные, – выпалил Азариэль с мрачным лицом, хлопнув по столу. – Ну ладно, хватит о них разговора. Ты не знаешь, когда мои ушли?

– Да конечно знаю-то, – потирая стакан, стал отвечать корчмарь, – они отправились ещё утром. Только вот меня вопрос изводит – что ж ты с ними не пошёл?

– А я покупателя ждал. Вчера у таверны его представитель сказал, что всё тот объявится днём и поэтому...

– Полно, – поднял руку трактирщик, остановив Азариэля, – понимаю. Как там, кстати, новый Имперский Управитель? Не слишком тиранит-то?

– Ты же лучше знаешь. Я не особо погружён в вопросы денег. Да и первый налог кто за меня заплатил? Сам помнишь, без твоей помощи мне тяжко пришлось бы.

– Да-а-а, беда с тобой-то. Ну, тогда с тебя прилично взяли. Вот же шельмец. Крохобор!

– Странно это слышать от старого легионера, – усмехнул-

ся Азариэль, сев за стул у стойки. – А как же служебные годы и лояльность?

– Ой, – отмахнулся Ульффрик, – что с этой лояльности-то? Ну, служил в легионе, так знаешь, сколько я повидал таких кровососов, которые за септим удавятся?

– Верю-верю. Много.

– Но ладно, чего зашёл? Собрался всё-таки в Орден? Знаешь, и это правильно, – Ульффрик скрылся под стойкой и поднялся вновь с двумя коричневыми рюмками и бутылкой, внутри которой болталась мутная жидкость. – Вот станешь рыцарем или кем там... да произведёшь эту чуму лестную. Народ честной только спасибо тебе скажет.

– Согласен, – прошептал Азариэль смотря на то, как Ульффрик разливает в глиняные чарки мутную жидкость.

– Ну, – протянул Ульффрик парню рюмку, – помянем-то твоего отца, Наафара. Хороший был мужик.

Азариэль поднял вместе с корчмарём чарку и поднёс её к губам. По горлу потекла тёплая, но не обжигающая жидкость, отразившаяся душевной лёгкостью и ощущением свободы.

– Что это?

– Вино из Скингарда. Только вчера привезли, – Ульффрик вытер большой палец о живот и снова заговорил. – Вот жалко твоего отца. Всегда готов был помочь, однажды меня выручил, когда была эта чёртова проверка. Эх, думал точно трактир отберут бюрократы поганые, но Наафар выручил.

– Да-а... я к сожалению, его почти не помню.

– Ну, ничего, – тяжёлая ладонь Ульффрика легла на плечо Азариэля. – Он сейчас в лучшем мире. Храни его Аркей, но нам нужно думать о живых.

– Это точно.

– Как там дедушка Рафаль? Пережил твой отъезд... он же тебя ещё малого помнил, и полдетства с тобой просидел. Ох, как он радовался, когда ты вернулся из дома сирот-то, как радовался-то!

– Всё в порядке. Он даже подкинул мне денег на дорогу вместе с напутствием: «Не спусти жизнь в отходное место, как первое Нордское Королевство – могущество».

– Ох, и тонко же подтрунивает наш дед... не каждый-то поймёт. Ты кстати, как сам? Готов отправляться?

– Ух, – с грустью вздохнул юноша и его лик сделался мрачнее пасмурного неба. – Трудно конечно, тут и Рафаль и ты, да и ещё пара знакомых найдётся. Но что поделать? Такова жизнь и все мы рано или поздно должны решиться на поступок, который изменит нашу жизнь. Потом всё будет нормально.

– Э-э-э, только не думай, что всё будет так легко. Тебя ждёт трудная жизненная дорога.

– Это я понимаю, – склонил в кивке голову Азариэль, – кстати, а ты не видел Аквилу? Мы договорились с ней встретиться у тебя.

– Она ушла утром, вместе с остальными. Я их видел-то и

могу точно сказать – она отчалила.

Азариэль ощутил лёгкий укол обиды у сердца. Его бросило и в жар, и в холод одновременно, а в груди почувствовалось некое давление. Обида, замешанная на унынии. Его, несомненно, опечалила эта новость, ведь он её так давно ждал и хотел, чтобы они вместе пошли к Цитадели. Но больше всего его пугает мысль о том, что она может встретить кого-нибудь из «Сынов Леса», хотя эта дорога под усиленным патрулем и редко на ней можно увидеть даже лесных тварей, нежели разбойничье отребье.

– Да ладно тебе, – пихнул по плечу Азариэля корчмарь, – и какой резон в том, что она твоя хорошая знакомая? Ну, подумаешь, она первая, кто с тобою сдружилась? Всё будет в порядке, она же под присмотром вашего рыцаря. А он стоит десяток лесных скотин. Так что всё в порядке.

Угрюмой улыбкой ответил Азариэль и с его уст сошли медленные слова, как у охваченного меланхолией эльфа:

– Я понимаю. Но всё-таки... я знал её ещё до того, как меня забрали в дом для сирот. Она первая, кто меня встретил.

– Да полно тебе будет. Ничего смертельного не случилось-то. Вот когда я на службе попал в окружение маркартских ричменов, этих кровожадных оборванцев, вот тогда самое-то было так грустить как ты.

Слова не дошли до ушей Азариэля, потерялись среди бури мыслей, и корчмарь опустилс я вновь под барную стойку и вновь разогнулся, держась на этот раз за спину, ворчливо

приговаривая:

– Ох-о-ох, моя бедная спина. Старость не радость.

Эльфийский взор привлёк длинный вытянутый свёрток, и юноша незамедлительно спросил:

– Что это?

– Знаешь, ты парень хороший, умный, смелый, – грубым голосом говорит владелец таверны, и тёплое ощущение от похвалы берёт дух юноши. – Я хочу отдать тебе оружие. Мне оно не зачем, но тебе точно понадобится-то. – Завидев грядущий протест гостя, корчмарь строго, но с лёгкой толикой веселья упредил. – Так, и не думай отказаться от него. Это, как там его... от чистого нордского сердца тебе.

Буквально пара лёгких движений рукой и перед юношей лежит длинный вытянутый предмет, покрытый немногочленными пятнами ржавчины и в свете солнца едва поблёскивающий.

– Э-э-это клинок? Древний артефакт? – Азариэль тут же метнулся к оружию, став его пристально разглядывать.

– Можно и так сказать.

Перед глазами друзей лежит сверкающий, почти отчищенный от ржавчины полторный клинок строго прямой формы, с крупным фальшлезвием, отчего меч чем-то становился похож на фальшион, но и сохраняет черты палаша. По-видимому, это была попытка совместить суровый стиль древних нордов с дизайном хартлендских эльфов. Азариэль коснулся лезвия, и странный кусачий холод до боли впился в

его пальцы сию секунду, пробежав по руке крупнейшим морозом.

– Ай! – потряс тут же ладонью юноши, оттянув руку от лезвия.

На навершии клинка сияет камень, напоминавший старый фиолетовый аметист весьма грубой работы, будто его несурово били тесаком. Но камень странно сверкает, как будто из него шёл эфемерный, потусторонний свет. Лезвие клинка покрыто странной и непонятной гравировкой, изображавшей растительный орнамент, вкупе с чем-то холодным и зимним, как метель.

– А откуда у тебя этот меч? – Азариэль поднял взгляд на грубое лицо корчмаря. – Такой клинок может быть только работы северных народов древности. Не из кургана ты ли его утащил? – подкалывая, прозвучал вопрос.

– Почему сразу утащил-то? – Ульффрик оглянулся и полущёпотом продолжил. – Мёртвым оружие ни к чему. Я его просто нашёл. Позаимствовал у далёких предков, храни Талос их души.

– Так как всё было?

– В своё время я служил в славном имперском легионе, и проходили они свою службу в самой северной провинции – в Скайримере.

Ульффрик поведал Азариэлю, что их отправили в ночной патруль по границам донстарского холда, блюсти порядок и выискивать бандитские лагеря, что могли близко располо-

житься к городу, ожидая момента, когда можно будет поживиться и в патруле они наткнулись на древнюю нордскую крипту. Она не была столь огромна как Саартал или Лабиринтиан. Это было низкое куполообразное возвышение над землей с дверцей у входа. Так как один из сослуживцев смог вскрыть дверь в крипту они проникли в старую и древнюю гробницу. В крипте ничего не оказалось, похоже, это была обычная гробница, приспособленная для не богатых особ или же маленький семейный курган. Солдаты там нашли всего несколько вещей, вещей домашнего быта. Но в одном из сундуков, будущий корчмарь сумел найти этот клинок. Когда он достал его из сундука меч был запылённым, старым и покрытым ржавчиной, но этот камень всё так, же эфемерно и мистически светился, по словам Ульфрика.

– А сослуживцы? – спросил Азариэль среди рассказа.

– А они что? Нашли значит-то всякой меди в виде колец да браслетов. А у меня был тот самый меч. Не пофартило им тогда с имуществом – разве что пара серебряных монет чего-то стоили.

– И что было дальше? – заинтересовался Азариэль, положив подбородок на ладонь и упарившись локтём в барную стойку.

– А что дальше?! – Ульфрик развёл ладони в стороны. – Полный капец дальше, вот что! Представь себе, когда ночью в старых руинах, где пахнет как в отходнике, слышится крик-тение и топот. А затем ещё и появляется житель гробницы,

у-у-х, страшный как сморщенный зад, а глаза пылают синим пламенем.

– Другр!?

– Да, и вот этот другор кинулся на нас, размахивая топором. Мы его кромсали в капусту, а ему пофигу! Он на нас пёр как пьяный тролль, и думали, что всё, конец нам. Хонрику даже руку эта сволочась рассекла.

– И как же вы его победили.

– Кочан отрубили. И тварь рухнула. У-ух, не хотел бы я больше встретиться-то с этой сволочью.

Рассказ заворожил Азариэля и даже вдохнул в него часть солдатского романтизма, не осквернённого военной хозяйственной рутинной. Он никогда не встречался ни с кем в настоящем бою и тем более с жуткими созданиями Тамриэля. Верх его боевого опыта составляли постановочные сражения на деревянных мечах, устраиваемые стражей.

– Держи, этот клинок теперь твой, – протянув меч, вымолвил корчмарь.

Юноша не стал отказываться от такого подарка, лишь поблагодарил своего знакомого.

– Я рад принять подарок, честно. Такое оружие... я не забуду этого. – Выдержав паузу, Азариэль решил попросить ещё кое-что. – Можно какой-нибудь еды? С собой. Я просто не знаю, как всё может сложиться.

– Конечно. Хлеба и сыра, думаю достаточно. – Заворачивая в платок еду, согласился трактирщик и подал свёрток

парню.

– Спасибо тебе огромное, за доброту, – еда тут же оказалась заброшена в сумку. – Храни тебя Акатош. Прощай.

– Э-нет, – Ульффрик вышел из-за барной стойки и крикнул куда-то в противоположную часть зала. – Мортифайнэ, посмотришь-то за «Великаном»? Я скоро ворочусь.

– Хорошо! – с поднятой кружкой послышался ответ от какого-то местного высшего эльфа, в старых поношенных одеждах чёрного цвета, помогающего Ульффрику в трактире.

– Ты куда? – поинтересовался Азариэль.

– Провожу тебя. А то боязно мне, – прихватив старый железный топор, с лезвием в форме полумесяца, местами покрытый оранжевыми пятнами, Ульффрик покинул «Великана» вместе с парнем.

Сразу за трактиром лежит лишь глухой лес и старая, практически заросшая тропа, через которую и лежит его путь. Юноша, войдя в зелёную чащобу, представленную растительной стеной, всё дальше шёл в лес по старому пути, медленно пробираясь сквозь дебри. Под сводами старого леса несколько боязно и страшно, но Азариэль без страха, со щекотливым ощущением неизвестности встал на неведомую стезю, которая постепенно пропадает в лесной чащобе.

– Спасибо тебе, Ульффрик, – говорит Азариэль, входя в прохладные объятия леса. – Мне приятно, что ты решил помочь.

– Я рад помочь, только идём молча, дабы не привлечь по-

гань лесную.

В древнем и густом лесу для Азариэля было что-то пугающее и одновременно веющее надеждой... он походит на преддверье к новой жизни. Все помнили, что надо, держатся старого пути, ведь все леса в этом регионе просто кишат бандитами и сепаратистами всех мастей, как ночная кухня тараканами.

Лес, несмотря на привлекающую таинственность, спокоен и прекрасен. В воздухе витает приятный запах коры деревьев, полностью наполнявший лёгкие свежестью и душистым ароматом. Звонкие трели птиц, что прекрасным пением заполняют ухо, наполняют пространство изумительным лесным перезвоном. Спокойно играют пернатые, напевая звонкие мелодии, и интересной и необычайной и интересной игрой завораживают слух. Солнечные лучи, смиренно и приятно падают через кроны деревьев, гармонично поливая рассеянным светом лес. Повсюду, где только можно было, подобно дорожному ковру, расстилалась лесная зелень и мхи, аромат от которой приятен и обворожителен.

Азариэль уже более уверенно шагает по древнему пути и становился менее напряжённым, ведь рядом с ним по земле шуршит большой защитник, с которым не так боязно идти сквозь дебри. Его нос ловит странные, но в то же время прекрасные ароматы. Сладость и душистость рвётся ему в ноздри, заставляя восхищаться благоуханиями этого леса. Вся мягкая и приятная обстановка леса, что своим разнооб-

разием и красотой ласкает душу, успокаивает нервы парня, даря ему прекрасные лесные пейзажи.

Азариэль хрусти ветками и сотрясает листву подошвами сапог, думая, какова будет его будущая жизнь. Слава и похвала правителей само собой часть будущего. Богатства и достаток? Да, оно тоже будет, так как слава влечёт за собой и могущественных покровителей, от имперской аристократии до легатов и промышленников. Он перешёл от грёз и сладострастных мечтаний к собственным воспоминаниям, повествующих о том моменте, когда он действительно сделал первый шаг на пути в Орден.

Это было таким же солнечным днём. В том самом маленьком селении, где и было его детство, Азариэль с друзьями прогуливались по городишку, весело обсуждая все, что только можно было, когда грянула радостная и тяжёлая новость. Тут размеренное и непроницаемое городское спокойствие разорвал громкий звон горна, возвестивший о важности события.

Ребята сразу ринулись к источнику пронзительного звона, скинувший покров привычного спокойствия. В горн трубил один из рыцарей-глашатаев, и, прибежав, юноша увидел, что на нём были прекрасные латные доспехи, выполненные из митрила и эбонита, блестящие под ярким солнцем. В сверкающих латных перчатках был сжат свиток белоснежной бумаги.

Люди, подошедшие к нему, выражали своё восхищение

совершенным воином, и постепенно возле рыцаря собралась целая толпа. Когда большинство людей столпилось возле великолепного воителя, рыцарь лёгким жестом развернул свой свиток и стал читать, сотрясая пространство глубоким и выразительным голосом:

– По великой милости Регента Ордена, засим объявляется, что наступил час для жатвы новой крови и наша воля требует, чтобы наследники правящего поколения принесли кровавые и клятвенные печати, присягая на верность стражам мирового порядка. – И убрав свиток, он стал разъяснять собравшимся, зачем он пришёл сюда. – Я принёс вам благую весть. Нашим славным и великим Орденом проводится набор в неофиты и вестник, который отберёт достойнейших, чтобы подобрать сильных телом, здравых умом и крепких духом юношей, и девушек, для того, чтобы они хранили этот мир.

И началось. Тот рыцарь был всего лишь глашатаем, ведомым приказом своего господина. За ним, буквально через час прибыла целая коллегия из магов, орденских учёных или профессоров и других рыцарей. Так же, как и клинок испытывают огнём и холодом их три дня пытались сломить самыми различными приёмами и проверками, что должны были отсеять слабых, недостойных и выявить наиболее подходящих. На их выбор были самые различные испытания: от долгого бега до проверки в осведомлённости в самых разных науках. И на третий день, на фоне кровавого заката, те, кто

смог превозмочь первую ступень на пути к славе стояли на коленях и праздно устало произносили речь – клятву кандидата. Когда последние слова присяги были сказаны и губы сомкнулись, то тогда один из магов их благословил на посещение Великой Цитадели, а рыцарь приказывал им явиться через неделю в обиталище Ордена, что станет финальным испытанием, пускай им и велено идти с одним из воителей. И после всего этого, никто из рыцарей или магов больше не появлялся в городке. Они исчезли словно тени, растаяли подобно миражу, оставив за собой лишь неясность.

Азариэль шёл и всё время размышлял, не считаясь со временем, что мысленно и сокращало его путь. И по мере размышлений путь через лес близился к своему завершению, уже сквозь более редкие деревья виднелись лазурные воды океана Падомейк.

Но не всё оказалось так хорошо, как хотелось бы. «Милосердные» боги решили напомнить парню, что это мир вечных войн, опасностей и горестей, а то всё добро, которое творится в нём не столь долговечно и быстро сменяемое на битву и скорбь.

Внезапно смолкли птицы, и в лесу установилась абсолютная тишина, а где-то в стороне послышался хруст веток, что отозвалось в душе юношу резким холодком. Рука парня инстинктивно, подражая воинскому навыку, метнулась к клинку, висевшему на поясе. А Ульфрик поднял топор, встав в боевую стойку и ожидая врага.

Из тени леса, с обнаженным наперевес клинком, сиявшим стальной лентой у бедра, вышел высокий человек, по телосложению наверняка нордлинг, а может и рослый имперец. На нём красуется крепкая кожаная куртка зелёного цвета, стопы и голени обтягивают короткие сапоги, а лицо, как и злые намерения, скрывает капюшон и маска, из-под которых только сияет нездоровый блеск карих глаз. У него странная внешность, будто он носил некую форму, присущую целой организации, сразу стало понятно, что это был определённо один из «Сынов леса».

– Ох, ещё одни марионетки Империи. Ну, сейчас польётся ваша кровь – с угрозой вышел человек.

– Пошёл прочь, лесной пёс! – гаркнул Ульффрик.

– Кто ты? Давай разойдёмся миром, – дрожа голосом, предложил юноша, не желая вступать в бой с повстанцем.

– Ха, миром?! – неожиданно вскрикнул сепаратист. – Между свободой и тиранией не может быть мира! Вы всего лишь рабы государства, скоро ваш родной городок будет сожжён нами до своего основания. – Желая испугать парня, с нетеатральной угрозой твердил бандит. – А теперь, рабы, вы отдаёте мне все, что есть, на благо народного движения, или умрёте. – Угрожая клинком, сказал «Сын».

– Иди к даэдра, психопат несчастный!

– Ты безумец. Пойми это. Твои идеи не принесут добра, – по простоте душевной пытается переубедить юноша бандита, но в ответ лишь зловещее молчание.

Юноша только сейчас понял, что всякие разговоры с ним бесполезны, ибо этот сепаратист всего лишь один из обычных бандитов, которые хорошо обработаны лживой идеей «свободы», а оттого они становились ещё опаснее, ибо переставали видеть всё остальное. Ему было бесполезно, что-либо говорить.

Но Азариэль даже и не думал, что время испытания его умений, момент первой настоящей битвы наступит так скоро. Его сковывает самый настоящий страх – ноги не хотят двигаться, словно по венам разлился свинец, а руки немеют, мысли предательски путаются, отходя на второй план и давая волю инстинктам. Он знает, что выживет либо отступник, либо они. Но мир, где царят войны, где за гранью реальности таятся полчища демонов, сдерживаемых только драконьими огнями, не знает мягкотелости и милосердия. Азариэль понимает, что нужно делать, словно готовился к этому, рука эльфа робко коснулась рукояти интересного меча и дрожащими пальцами попыталась обжечь его. А Ульффрик тем временем занёс топор на коротком древке для атаки, приготовившись к битве.

– Ну что ж, – грозно прорычал бандит, и его пальцы сжимаются на деревянной рукояти длинного клинка. – Вы сами выбрали свою участь. – И сомкнув уста, быстрой походкой пошёл к юноше, готовясь нанести свой удар.

Но путь преградил Ульффрик, с диким рёвом бросившийся на врага. Его топор рассекает воздух, но не попадает во

врага и метнулся обратно, чтобы совершить рубящий удар. Противник отпрыгивает назад, и его рука опускается за пазуху. Через секунду левая ладонь бандита ослепила ярким сиянием, окутавшим её морозным вихрем. Ещё секунду назад в пальцах был зажат бумажный свиток, но воля заклинателя неумолима, и он рассеялся, уступая место сокрытой в нём магии. Ульфрик попытался отступить, но сию секунду поток сверхбыстрой холодной энергии сорвался с пальцев и кулаком напористого ветра отшвырнул норда прочь.

– Аха-ха! – зловеще расхохотался мятежник и указал на эльфа острием меча. – А теперь ты!

Парень ощутил невероятный страх, ужас, который стнет в жилах. Азариэль помнит несколько приёмов, которыми его обучил знакомый стражник, ещё он припоминает советы старого легионера, а также он научился нескольким финтам, которые смог увидеть у рыцарей в те дни. Но всё же юноша слишком молод и неопытен для того, чтобы стать равным фехтовальщиком даже для городской стражи.

Страх битвы отпустил Азариэля перед самым моментом удара, когда сталь понеслась к нему, желая напиться крови, уступая место инстинкту самосохранения. Первым нанёс удар сепаратист. Юноша умело ушёл от стального блика, ушедшего в землю, потом сделал выпад, но его удар был отбит резко поставленным блоком. Нордлинг нанёс колющий удар, но после того как его укол встретился с прохладным лезвием древнего фальшиона, он отпрыгивает, хрустя ветка-

ми и листвой. Выйдя в стойку он в прыжке атакует. Азариэль ощутил всю силу удара, которая его едва не опрокинула и пятится назад, пытаясь ударить, и его лезвие уходит в сторону, открывая торс. Бандит это видит и плотным мечом отстегает попытку закрыться мечом, попутно впечатав своё плечо в грудь эльфа.

Азариэль падает на землю, ощутив резкую боль, подминая листья и шурша ими, хрустя ветками, ползёт назад. Бандит начал подходить к лежащему альтмеру, готовясь его добить и обобрать во имя «благородных» целей, смакуя каждую секунду. Но юноша, неожиданно для противника, сумел нанести упреждающий удар в плечо, который выполнен просто инстинктивно, уже за гранью понимания действий.

Эффект оказался не предсказуем. После того как кончик клинка погрузился в плечо, камень на навершии мистически сверкнул, и место, где хладная острая сталь вошла в плоть покрылась инеем, область вокруг раны мгновенно побелела, словно её пронзил дикий и неестественный холод.

Юноша тут же всё понял, быстро проведя в своём уме логический ряд: рана, холод – зачарование.

Магия, нанесённая на клинок, нанесла страшное увечье: порез возле места прокола начал отмораживаться, превращая некогда тёплую плоть в безжизненный лёд. Кожа потрескалась вместе с плотью, что нашло отражение в неистовой боли, пробежавшей волной по всему телу.

– А-а-а-а! – проорал мятежник, сжав раненое плечо.

Азариэль выдернул клинок, не окропив землю кровью, ибо она стала льдом и от уровня адреналина, резко подскочил, занимая боевую стойку, снова готовясь к бою.

Нордлинг, постанывая и держась за рану, медленно попытался назад, но на его пути оказывается камень, незначительный булыжник. Бандит споткнулся, выронив своё оружие из рук. Азариэль, увидев, как непонятный камень дал ему шанс на победу быстрой молнией метнулся к противнику.

Острие клинка вознесено над лежащим «Сыном Леса» и перед тем как нанести последний удар мрачные думы окутали разум Азариэля, стянув волю к действию. Это были обычные мысли того, кто ещё не наносил добывающий удар... умерщвляющее действие. Рука нордлинга уже нащупала клинок, пальцы сжимаются постепенно на рукояти и вот-вот он покончит с парнем. Юноша понимает, что сейчас решается его судьба... или он или повстанец.

Но тут в его разум неконтролируемым потоком, словно по желанию неизвестных сил, пробрались старые воспоминания, которые решили исход боя. Вспомнив отца, вспомнив прошлое, подумав о будущем, Азариэль сжал так крепко обеими руками меч, что ощутил, как в его золотистые пальцы впивается рисунок и ржавчина рукояти. Острие меча рвануло вниз и прорезало плоть, впилося в тело, прошив его в области сердца и насадив его как кусок мяса на шампур.

Хруст костей, треск расплзающегося льда и стенания

нордлинга ужасной агонией души донесли до души юноши, ознаменовав победу в своём первом бою. И первой мыслью пришла пустота... слишком много свершённого для такого молодого возраста.

– Олаф! – тут из-за деревьев вынырнул другой повстанец, ниже ростом, скорее всего босмер, облачённый в такие же одежды, только в его руках покоится композитный лук.

Заметив, как меч Азариэля торчит из тела друга, мятежник истошно завопил:

– Я убью тебя падаль дрянная! – враг за мгновение ока положил стрелу на тетиву и приготовился выстрелить; сердце Азариэля сжалось, а лучника окружила тёмная вуаль, ноги вот-вот подкосятся от больно-трепетного чувства скорой смерти, которая ещё секунда и принесётся со стрелой.

Но спасение пришло в самый последний момент. Из-за спины мятежника появился Ульффрик, рассекающий топором тетиву лука. Нить лопнула и стрела пала на землю, избавив Азариэля от неминуемой гибели. Нордлинг мгновенным ударом локтя заставил врага пошатнуться, а затем размашистым ударом топорща рассёк «Сыну» ключицу. Ещё удар и лезвие грубого оружия выбило душу из повстанца ударом по голове, отчего тот спустя секунду рухнул на землю, расплывшись и его капюшон спал, обнажая острые уши.

– Вот холера лесная! – разразился криком Ульффрик.

Азариэль ощутил удар по голове, но, то не холодное прикосновение оружие, а нечто иное, рождённое в нём самом.

Ноги самовольно подкосились, боле не подчиняясь парню, перед глазами всё поплыло и очертания чумазого образа трактирщика рассеялись, смешались в единую картину с природой.

Пальцы Азариэля сжались на мече, когда он рухнул на труп повстанца, чтобы не дать себе упасть в обморок. «Всё это, всё это происходит не со мной. Этого не может быть» – завопил разум эльфа в тот момент, когда чувство пролитой крови ударило в голову похлеще угольного вина.

– Эй, парень, ты чего. – Ульффрик моментально подбежал к Азариэлю, но тот не ощутил, как трактирщик к нему прикоснулся.

Юноша ушёл полностью в себя, практически потеряв связь с внешним миром – он не чувствует, как его держит друг, как воздух наполняется железными ароматами крови, которые были бы так милы любому вампиру.

– Ты только дыши! – кричит корчмарь, но звуки смешались в единый поток, отошедший на третий план сознания, оставив место потоку мыслей – «Всё это не со мной. Это не реально».

Спустя пару минут тяжёлых вздохов и борьбы с состоянием на грани обморока Азариэль шевеля отяжеленными губами, хрипло вымолвил:

– Я... я... не думал... что путь... такой трудный... будет, – бешено продыхаясь выдал слово за словом Азариэль.

– Тебе нужен покой. Отдохни. Тебе кровь ударила в голо-

ву.

Корчмарь, старый легионер оказался прав. Спустя десять минут вернулась насыщенность красок и полнота звуков, Азариэль уже вытирал клинок, осмотрел труп своего поверженного врага, взяв из вещей убитого врага только необходимое – пара монет, да старый серебряный медальон с растительным орнаментом. Ржавое оружие повстанца осталось лежать рядом с ним. Азариэль взял помимо вещей и посеребренный кинжал, на котором сияла красивая гравировка: три дерева, а под ними подпись на тамриэлике – «верные дети».

– Ты как? – Азариэль поднял взгляд нефритовых очей на человека и увидел утёртое от грязи и крови лицо друга, который продолжал говорить. – Ничего, в первый раз бывает тяжело. Всё будет хорошо.

Азариэль не стал задумываться о том, что сделал. Он знает, что это естественное состояние после первого убийства живого мыслящего существа. Но тот человек был обычным бандитом, не знавший пощады, и заслуживал такую судьбу, с первого взгляда.

– Не осуждай себя, – всё продолжает Ульффрик, встав напротив юноши и говоря, стараясь быть не громче трели лесных птиц. – Ты всё сделал правильно. Просто живи дальше.

– Поскуды, – тяжело вымолвил Азариэль. – Тварь лесная.

– Соглашусь с тобой – говорит корчмарь. – Да, все они лихой народец-то, и всех их должна ждть плаха.

– Ну, давай тогда прощается.

Ульффрик прижал к себе Азариэля, и его кожаная куртка закрипела, а сам юноша вновь чуть не утонул в объятиях нордлинга.

– Храни себя, Азариэль.

– И ты не пропади, Ульффрик.

Парень развернулся и пошёл, слыша, как позади хрустят ветки и шуршат листья. Приняв суровую правду как должное, юноша продолжил свой путь, на который и так потратил значительное количество времени.

Азариэль спустя пару мгновений уже шёл по песку, раскидывая сапогами песок и чувствуя его мягкость, ощущая, как лёгкий ветер обволакивает приятной прохладой его лицо, а мелодия прибоя ласковым шумом нежит ухо. Но юноша решил не проводить пары минут в наслаждениях райской обстановкой пляжа, ибо видит впереди только остров, на котором раскинулась Цитадель. Он видит очертания деревянных досок, сколоченных в лодку.

Стоило только приблизиться к лодке, как тут же отдало сыростью и дурным амбре сгнившей рыбы, однако для эльфа это не стало преградой. Юноша, со всех сил налегая на хрупкие вёсла, пересёк водную гладь, не отвлекаясь на время. Толчок на вёсла, ещё один и ещё... и так, пока днище не пристанет к золотистому песку иного берега. Вода в океане тепла и приятна, самое то для купания или отдыха. Стоит полный бриз и, смотря на небо, становилось очевидно, что

солнце уже вышло из своего зенита, и земля скоро начнёт остывать.

Во время плавания он постоянно думал, о том, что случилось в лесу, не в силах избавиться от прилипшего потока навязчивых хмурых мыслей. Это было некое ощущение, лишённое осознания. Странное. Мутное. Оно вызывает дискомфорт в душе, заставляя вечно думать и рассуждать о содеянном поступке, но через какое-то время Азариэль отмахнулся от мыслей, как от надоедливой мошки, и продолжил путь, выкинув их центра внимания.

Юноша через пару часов гребли доплыл на старой лодке и шагнул на остров – его лёгкий сапог, сшитый из лёгкой тонкой ткани, погрузился в песчаные берега. Всё золотистое побережье острова покрыто песком и интересными ракушками, которые хрустят под ногами с каждым шагом.

– Одна тропа и столько... безумия, – бормочет себе под нос Азариэль.

Вечернее время вот-вот начнётся Главная башня цитадели, возвышавшаяся над всем островом и видневшаяся над кронами деревьев, облицованная плитами чёрного мрамора, «полыхает» и тонет огне уходящих лучей. Однако резкий мужской голос оборвал созерцание на главное строение Ордена, и чувство неожиданности дрогнуло парня.

– Ну, наконец, ты здесь. – Послышался низкий мужской голос, переполненный сдержанностью и строгостью. – Почему так долго!?

Азариэль оглянулся и его лик, приковало зрелое и мужественное лицо рыцаря, чей доспех сияет в лучах скорого заката и являет произведение воинского искусства. Юноша с бессилием смог вымолвить лишь одно слово, ибо слишком тяжёл оказался его путь:

– Ремиил...

Глава 3. Дела в Ордене

Этим временем. Цитадель Ордена.

Глубокий тяжёлый вдох предопределил не менее каторжную реплику, несомую с угловатых уст высокого нордлинга, сказанную голосом крепким:

– Вы же понимаете, мы не сможем этого сделать, госпожа Архимаг. Вся разведка под контролем Совета Владык, а для него нужды рыцарей – приоритетные.

В небольшом кабинете две фигуры. В свете небольшого прямоугольного окна у письменного стола высится прекрасная девушка и, кажется, что её белые одежды сотканы из золотых лучей солнца. Худое тело окутано свободным нарядом – мантией белого цвета, на которой переплетаются листьями и стеблями золотые узоры растений. Длинные золотистые волосы, сквозь которые пробиваются остроконечные уши, аккуратно ложатся на хрупкие плечи. Отточенные утончённые и вытянутые черты лица, вкупе с восхитительными свет-

лыми очами, делают даму по истине прекрасной.

– Ариан, – мягко заговорила девушка, опустив руки к бу-
мажкам на столе. – Ты же понимаешь, что Магическому Ан-
клаву необходимо узнать положение тех масок, которые но-
сили ересиархи драконьих культов.

У створчатых светло-синих дверей на девушку смот-
рит мужчина глазами широкими, смахивающими на тём-
ные-тёмные топазы. Его волнистый волос ниспускается до
шеи, окаймляя суровое трапециевидное лицо. Подбородок
украшен чёрной бородкой, а на «живых» щеках прогляды-
вается старая ссадина. Чёрная усиленная короткая кожаная
куртка, под которой белая рубаша, облегает стройное тело
вместе с штанами из кожи и сапогами до колен.

– Моя госпожа, я рад вам помочь, но у меня банально свя-
заны руки. Вся орденская разведка служит рыцарским нуж-
дам. Я, конечно, сегодня могу рассказать о ваших требова-
ниях представителям Совета, но не более того.

Девушка тяжело оглянулась. Её кабинет – небольшое по-
мещение, где по углам распаханы диковины со всего Тамри-
эля – двумерские механические часы в одном, в другом
планетарная схема Нирна, третий полон полкой с магиче-
скими светильниками; у стен за столом расположились два
книжных шкафа, набитых редкими томами, на стенах карты
континента и отдельных его частей, располосованных свет-
ло-алыми пометками.

У самого входа на кресле, обтянутом чёрной кожей рас-

положился высокий черноволосый человек, защищённый крепкой изукрашенной золотом серебристой пластиной, под которой выются насыщенные синие одеяния. Он смотрит исподлобья и взгляд его тяжел и вселяет уныние.

– Айк’Аран, оставь нас, пожалуйста.

В ответ человек мгновенно поднялся, отдал кроткий поклон и поспешил на выход со словами:

– Как скажите, госпожа Архимаг. Да и пора мне на собрание.

Как только створчатые двери характерно стукнули, обозначив закрытие, мужчина спросил:

– Как ему новые обязанности Главы Магического Круга? Да и с его прошлым...

– Пока присматривается, – спокойно ответила девушка. – Мне не важно, кем он был, но очень приятно, кем стал. Не совсем легко управляться с двадцаткой лучших чародеев, но он справится. Он хоть и человек, но у него получится.

– Расскажи, – присаживаясь за кресло, и наблюдая за тем как, альтмерка садится за трон у стола, заговорил мужчина. – Как обстоят дела в Анклаве?

– Ох, не так хорошо, как бы хотелось, честно, признаться.

– А что же случилось? – с еле заметной толикой душевности прозвучал вопрос. – Не скрывай, поведай.

– Сенат Анклава требует от меня, чтобы я дала ресурсы и попросила выделить пару рыцарей на поиски масок жрецов драконьих. Ты даже не представляешь, какая сила кроется в

этих артефактах.

– А ты?

– Мне нечего им сказать. Все ресурсы в руках Владык, право отправить рыцарей на задание тоже ими контролируется.

– То есть твоё «неофициальное» задание по поиску информации о масках было зря? – наиграно обиделся Ариан. – То есть всё, что я добыл, останется просто каракулями на пергаменте?

– Можем мы ещё что-нибудь придумаем. Думаю, Совет Владык будет снисходителен к требованиям Сената Анклава. По крайней мере, я представитель интересов Сената и ко мне прислушаются, – без дрожи в голосе высказала эльфийка.

Ариан позволил себе сдержанную усмешку.

– Скажи, кто утвердил тебя в чине Архимага? Совет или Сенат?

– Волею Совета.

– Владыки имеют над тобой больше власти чем Сенат, и ты больше служишь их интересам, чем нуждам Сената и всего Анклава, – отчеканил Ариан и встал с кресла. – Или ты скажешь, что это ни так?

Архимаг лишь кратко кивнула в знак согласия.

– Алитиа, ты умная эльфийка, ты должна понимать и смириться, какой цели служит Орден.

– То-то от тебя добром смирением несло, Совет не дал

добро нам добыть то кольцо Сокрытия.

– Ой, забыли про это! – наигранно завозмутился Ариан, отмахиваясь. – Не было этого. Подумаешь, хотел получить артефакт, с кем не бывает.

– Ариан, – края утончённых губ искривились в лёгкой милой улыбке. – А где твоя вечная маска сдержанности?

Ариан улыбнулся, скинув покров вечной суровости. Он подошёл к картам на стене и обратил взор тёмных глаз на западный регион, где пески стали ковром для нескончаемых караванов, а в южном городе-страже творятся чудеса.

– Помнишь Хаммефрелл? – шепнул мужчина. – Как всё было в Сентинеле?

– Да, – спокойствие на лице девушки уступило место умилению. – Там было прекрасно.

Ариан провёл подушечкой пальцев по металлической стрелке часов и приблизился к девушке. В его ладони блеснуло что-то оттенком золота и ярким светом драгоценного камня. Он трепетно поднял руку эльфийки, тепло, обьяв её ладонью, и надел украшение на левый мизинец и в свете солнца заблестало рубиновое сердце в оправе золотого саммерсетского витиеватого кольца.

– Спасибо Ариан, – обрадовалась Алитиа и её счастье отозвалось теплотой в сердце и светом в очах. – Ты где его обрёл?

– Я купил его в Алиноре у тамошних ювелиров. Говорят, что для эльфов кольца с их родины таят особую силу.

– Это сказки и ты, как Префектор Агентуры Ордена, должен это знать.

Ариан хоть и был достаточно ловок, не смог или не хотел заметить, как альтмерка прильнула к нему, и ощутил, как теплота её тела, её души греет его. Он готов утонуть в приятной атмосфере момента, продолжить её обнимать и соприкоснуться поцелуем.

– Не нужно, – отстранился Ариан, делая шаг назад и мрачной тенью выскальзывая из объятий дамы, что вызвало у него самого колкую холодную сердечную боль. – Ты же понимаешь.

– Да, – неимоверная тяжесть бьёт из каждой буквы. – Кодекс Ордена запрещает.

В душах обоих будто померк свет нахлынувшей волной печали. Молчание, неловкое и болезненное окутало разумы двух душ, и чтобы его развеять мужчина спрашивает:

– Что ещё нового в Анклаве?

– Регент требует, чтобы нужды рыцарей обеспечивались без очереди, а также Совет закрепил право Магистра Рыцарей на личный суд любого брата или сестры. – Спокойный плавный голос девушки дрогнул от недовольства. – Работа Магического Анклава издревле была союзной рыцарям, но теперь нас попросту подминают. Наша сила в гармонии «Путей Служения», так почему же «Путь» рыцарства хочет себя возвысить?

– Тише, Алитиа, – забеспокоился Ариан. – Ты же знаешь,

что сила Ордена в единстве, так не будем же причиной раздора. Ладно, мне пора идти.

– Ступай, собрание тебя ждёт. И... береги себя.

– Спасибо. Ты тоже себя береги.

Раздался хлопок створчатых дверей. Ариан один в длинном коридоре, уложенным пёстрым ковром, а на потолке маленькие люстры, концы которых увенчаны сиянием магического пламени.

Мужчина пошёл вперёд, забежав взглядом по дверям, которыми усеяны стены коридора. Он находится в Академии, месте сосредоточения магической силы Ордена, но это место напоминает ему какую-нибудь имперскую канцелярию, набитую чиновниками. И всё же здесь есть прекрасные лаборатории и маленькие дендрарии, небольшие питомники с диковинными тварями и библиотеки, в которых полки ломятся от древних томов и новых изданий. Но большая часть немаленького здания отдана кабинетам для обучения неофитов Ордена и личной работы множества чародеев. Некоторые кабинеты в одно время и комнаты, в которых живут братья и сестры по магии.

Ариан сжал от недовольства губы. Сенат Анклава и подчинённый ему Магический Круг делают всё, чтобы сгубить дело магов прошлого, потворствуя безумным требованиям Совета Владык. Но в то же время Ариан успокаивает себя мыслью – «Единство Ордена и защита Тамриэля важнее личных мотивов. Если так нужно Ордену, значит, так тому и

быть».

Мужчина проходит все этажи и оказывается на высоких ступенях Академиона. Позади него высится огромное прямоугольное здание, с которого свисают и колышутся стяги Ордена – золотое геральдическое солнце на багровом полотне. Три шпиля, исходящие от Академиона венчаются острой крышей, словно утыкающиеся в небеса.

Перед Арианом открывается просторный широкий внутренний двор, сжатый высокими исполинскими стенами, что толще даже великих укреплений Солитьюда и Имперского Города. Огромные стенные бастионы образуют прямоугольник, углы которого венчаются массивными Донжонами, смахивающими на отдалённую меньшую копию башней столицы Скайрима. Внутренний двор умощён длинными каменными дорогами, рассекающими море подстриженной зелени, а в центре, посредине внутреннего двора, раскинулся огромное фонтанное изваяние искусства. Даже обычный фонтан воплощает богатство Ордена. Памятник роскоши сделан из дорогого мрамора, начищенного до блеска и похож на свечение луны, а золотая и серебряная отделка сверкают подобием обликов далёких звёзд. Грозные изваяния четырёх грифонов напоминают о долге, чести и благородстве Ордена. От фонтана исходят четыре дороги, ведущие в разные стороны Цитадели и ставшие обозначением сторон света, символизируя крест.

– Ох, Орден.

Ум мужчины на секунду обратился к памяти и истории. Орден... это действительно старый и древний Орден, корни которого, к сожалению, потеряны в бесконечной круговерти исторических событий. Мало кто знает о нём, ещё меньше известно об его истории, ибо даже никаких свидетельств о его существовании в первую эру не найдено... официально. Хотя считается, что история Ордена уходила корнями именно во вторую эру, когда впервые стали поговаривать о странных воинах с неизвестным предназначением, приходящих, как рассвет и растворяющихся в сумраке мира, как утренние тени. Говорят, что его создал один из товарищей Пелинала Вайтстрейка, как память о великом рыцаре, желая продолжить дело соратника по защите рода людского от возможности стать рабами тёмных сил. Но имя создателя неизвестно, однако приближённые к императору учёные говорят, что этот Орден был создан ещё первыми людьми в Тамриэле со времён прихода нордов с Атморы, по указанию лидеров древних переселенцев.

Ариан шагнул вперёд, стуча каблуком по камню ступеней и переходя во двор. Его путь пролегает в Арсенальные Палаты. Его глаз выхватил образы всех зданий понемногу. Слева от Великого Шпиля раскинулся ряд – Академион, Кельи Неофитов и Кухонные Залы. Место жительства новичков Ордена выглядит неброско и даже скупое – огромная трёхэтажная постройка, выполненная в северном имперском стиле – холодный серый камень возводится в толстые стены

с простыми окнами, над которыми поставлена черепичная тёмная крыша.

Мужчина идёт дальше и перенимает взгляд на то, что по правую сторону от Великого Шпиля. Ромбовидная двухэтажная постройка, с шестью гранями. Она построена из массивных белых мраморных блоков, отравленных насыщенной зеленью, а окна представлены рамами тёмного латунного матового плетёного металла. Вход видится небольшим арочным проёмом, сдавленным массивными стенами. Ариан вспомнил, что за такой простотой, оттеняющий айлейдским стилем, кроется могущество и невероятная сила. Это – Зал Трофеев, за стенами которого собраны все добытые за годы поисков артефакты, и столько, что любой начальник хранилища оружия Империи лопнул бы от зависти. Но явление этого здания скорее вызвало в душе Префектора отторжение и неприязнь, нежели радость. Они – защитники Тамриэля от всякой скверны, а не коллекционеры. Слуги Ордена неустанно бродят по всему континенту в поисках неисчислимого множества реликвий и мощи познания, которые могут не просто оказаться не в самых добрых руках, но повлиять на ход истории или качнуть весы не в сторону Империи. В душе Ариан понимает, что эти артефакты и трофеи помогают лучше узнать сущность великого врага, а также многим вещам просто не следует оставаться в миру, но всё же он хотел бы, чтобы сундуки, набитые кольцами и ожерельями, ящики с мечами и бронёй были отданы прочь.

Вся мелочь, скопленная за долгое время войны против губительных сил, оседает в подвалах Зала Трофеев.

Ариан проходит мимо Великого Шпиля. Его великолепие нельзя выразить обычными словами, ибо они скудны, а величие неопишимо, это самое настоящее произведение искусства, заточённое в камне и роскоши. Он, грозно возвышается над всеми остальными сооружениями, как фанатичный стражник, несущий караул, показывая, где находится власть. Но Ариан не замечает его изящества и стиля, которому подражают практически все постройки, исполненные в неполном айлейдском стиле, как в Имперском Городе, ибо Великая Цитадель отстроена на месте старой разрушенной крепости саличей, как говорят сами учёные Империи, которых попросили рассказать о тех местах... неофициально. Для мужчины это обыденность, и он лениво смотрит дальше, примечая Горячие Кузницы. Четыре этажа омрачённого салатной зеленью белоснежного великолепия, на котором красуется симметричный растительный орнамент. Окна намного шире и больше, радуя глаз широкими арками, укрытыми растительными переплетениями латуни, покрывшими решётками стекло. Оттуда доносится звон молотов и наковален, давая понять, что именно тут собраны лучшие мастера, днём и ночью исполняющие повинность службы у кузницы и верстака. Горячие Кузницы стали цехом по производству оружия и брони для Ордена, аппетиты которого стали непомерны.

Но Ариану нет дела до других зданий, поскольку за три

десяток лет службы их вид стал привычен. Его взгляд прикован только к одному изваянию. Пятиэтажное огромное здание, изогнутое в форме полумесяца и достойное зваться дворцом. Центр первого этажа исчез, сменяясь на широкий сквозной проход, где громоздятся два ряда колонн, ведущий прямо к угловому Донжону, образуя с ним своеобразный задний двор. Это и есть Арсенальные Палаты, где четыре этажа это помещения, где собраны лучшие достижения мастерства Ордена. Броня и оружие стали главным украшением полок и витрин Палат, а подвалы набиты множеством экземпляров всего необходимого, чтобы можно моментально заменить утраченную или разбитую вещь.

Ариан не идёт поглазеть на результаты доброго исполнения повинности Ордена. Он подходит по правую сторону к воротам, распложенным и слева и справа от большого прохода. Моментально он находит лестницу среди мраморно-бледных коридоров, сияющих развешанным оружейным изяществом.

В конце своего пути, на пятом этаже, Ариан находит здоровое свободное квадратной формы помещение. Его стены чисто-голубы как светлые небеса Тамриэля, а в воздухе витает приятное ощущение фимиама. Каблук стучит о чёрные плиты гранита в которых Ариан видит отражения себя и обстановки вокруг. Два длинных резных стола, отполированных до такого блеска, что на их крышках слабо виднеются очертания оконных рам, поставлены параллельно друг дру-

гу. В конце линии столов, посредине них, сидя на роскошном троне, выбитым из розового мрамора сидит данмер. Его чёрные волосы убраны в хвост.

– Проходите, – раздался шершавый голос тёмного эльфа.

– Да, мой лорд, – поклонился Ариан и занял место за столом, где сидят восемь членов Ордена, чей высший статус в Ордене подтверждает кроваво-алая мантия с большим капюшоном.

На другой стороне расположились главы Ордена в разношёрстном одеянии, численностью в шесть душ. Ариан цепким взглядом выхватывает и Айк'Арана, которого он видел в кабинете Архимага. Следом за ним глаза выцепили мужчину бретонских кровей в зелёном, как луга Сиродила, парчовом дублете, налегающим на расшитые серебряными нитями свободные штаны, покрывающие хорошие туфли.

– Мы можем начинать? – нетерпеливо спросил мужчина в зелёном костюме, устремив взор медовых очей на данмера и искривив черты прямоугольного лица в слабо выразимом недовольстве. – Господин Регент.

– Подождите, мы скоро начнём, Беритор.

Глава ордена только что ответил представителю интересов мастеров Ордена, служащих «Кузнечной Повинности», а именно представителю тамошнего Директората – органа управления всем мастерским сообществом, состоящим из трёх лучших кузнецов. Ариан окинул снисходительным взглядом Беритора, считая его нетерпеливым гордецом, веч-

но желающим что-нибудь вытянуть из Совета Владык.

– Я понимаю, мы ждём ещё одного, но извольте, милорд, семеро одного не ждут, а нас здесь уже шестнадцать!

– Тише Беритор Анжуа, – Регент немного поднял голос. – Ожидайте.

– Воно оно как, – возмущённо заговорил коренастый кучерявый русоволосый нордлинг в светло-жёлтой плотной рубахе, усиленных штанах и грубых сапогах. – Значится ему просто немотствовать, а мне мзду выписали в иной раз.

Ариан кинул взгляд на говорящего человека. Его взгляд отразил в сознании образы Старосты Деревни, которая простерлась за пределами Цитадели. На северо-западе острова раскинулись уголья ферм и хозяйств, снабжающих Орден провиантом, и над маленьким селением поставлен Регентом Староста, который управляет от его имени.

– Вы, Фрокки, в прошлый раз стали бранью облили Комтура Прислуги.

– Так это дело не срамное! – на эти слова было хотел возмутиться Комтур – плюгавый мужчина с чёрной нечёсаной копной волос, и большими яркими глазами, добавляющими жалости к образу высшего эльфа. Под одежду он выбрал серые мешковатые штаны, выцветшую рубаху, утянутую ляжками.

– Тише, а то снова выпишу штраф, – и обратив взгляд на Комтура глава Ордена продолжил. – Можете быть спокойным, Нильфааро.

Грядущий спор и возмущения оборвали приближающиеся звуки стука подошв. Комтур оставил выпад Старосты без ответа, поскольку погрузил разум в дела прислуги, которой он заведует. Ариан же мельком вспомнил, что под власть Комтура попадает все души, призванные обеспечивать ежедневную хозяйственную сущность Ордена. Работники и уборщики, повара и посудомойки, а также прочие – все они тоже отдают долг Ордену, и Комтур следит за тем, чтобы это делалось добросовестно, а их нужды удовлетворялись как можно быстрее.

Ариану пришлось отвлечься от Комтура, переведя взгляд на того, кто входит. Перед Регентом стоит прекрасного образа воин – его лицо отражение красоты. Изящные утончённые черты лица скрашены чёрным густым волнистым волосом, а на собрание смотрят чистые, как слёзы неба, глаза, сияющие меркнувшим васильком. Пластинчатая броня переливается благородными оттенками пурпура, окружающим золото геральдического солнца. Толстые мифриловые перчатки и сапоги так же украшены фиолетовым пурпуром и отделаны золотистой окантовкой мерклого металла двумеров. Воротник же покрыт ярким пёстрым мехом белоснежной скайримской лисицы, переходя в плащ из шкуры северного медведя. На бедре слабый лязг издаёт клинок, закованный в ножны и видно лишь его рукоять, увенчанную рубином.

– Брат Люций! – безрадостно обратился Регент. – Как ваше задание в Морровинде?

Прекрасный воитель отдал глубокий, наполненный смыслом, поклон и, выпрямившись, ответил. С полно-живых губ, налитых алым, губ понеслась насыщенная мелодичная речь:

– Всё исполнено мой лорд. Почитатели еретического культа были уничтожены, а вместе с этим и достигнуто спокойствие в Шигораде.

– Позвольте! – встал Айк'Аран, подняв руку. – Мой лорд, я не хочу ставить под сомнение вашу светлую волю, но зачем было нападать на тот культ? Конечно, я не против... утопить в крови какую-нибудь богопротивную секту, но на этот раз...

– К чему ты клонишь, чародей? Объяснись, живо! – напал один мужчина, объятый в красную мантию.

– Владыко Иерарх, те данмеры поклонялись Святой Магии, если верить донесениям, и нападать на них не было никакой нужды. Да, в то же время, они сильно мешали Трибуналу в распространении веры, – высокая стойкая речь мага сменилась на обвинительный подкол. – Вы решили забрать хлеб у тамошней инквизиции?

– Это не ваше дело, Архонт Магического Круга, – надменно шипит Иерарх. – Задания – это дело Совета Владык. Мы делаем всё во имя блага Ордена!

– Наш Орден занимается войной с истинной тьмой, с великим врагом! Мы не можем позволить себе гоняться по пустошам за всякой шушерой, как цепные псы! – Ариан перевёл взгляд на человека, поднявшего волну возмущения, и с почтением отпустил лёгкий кивок его словам; это Магистр

Рыцарей, на его плечи ложится простая бежевая тканевая накидка, скрывшая рубаху и простые штаны, с сапогами; его лицо имеет очертания треугольника, выточенного из камня, украшено золотистыми волосами, а глаза сияют как два янтаря.

– Господин Аларих, а вам то, что беспокоится? – язвительно заявил один из Иерархов. – Вы Магистр Рыцарского Крыла и ваше дело направлять души воителей и вести их в битву.

– Уважаемые Владыки, я не имею ничего против вашей светлой воли и истинно верю, что она ведёт наш Орден, но почему мы занимаемся обслуживанием интересов провинциальных властей и Империи? Культы, мятежники... почему мы всё реже выходим против тьмы. Рыцари начинают роптать.

– Так напомни об их долге! – рявкнул Иерарх. – Они – рыцари и обязаны служить Ордену в его миссиях.

– Тиш-тише! – потребовал Регент, отстранённо смотря на рыцаря. – Мы собрались здесь не для взаимных упрёков. Отвечая на ваш вопрос, Аларих, вчера к нам явился курьер от канонрива Скайвотча. Там объявилась секта каких дагонопоклонников.

– Лорд Регент, – прозвучала речь, полная осторожности от Иерарха. – Я хочу напомнить, что задания утверждаются Советом Владык... и вами конечно. Коллегиально. Так что повременим.

– Так! Давайте вернёмся к делам, – отстранился Регент от Иерарха, переведя внимание на покорно стоящего воина. – Рыцарь Люций Лирион, вы были приглашены на Малое Собрание Двуглавого Совета для прослушивания ваших требований касательно создания некой Ложи. Вы можете объяснить свои требования? Да и, Совет Владык, где Лорд-Коммандер стражи? Он же вам подчиняется, так скажите, где он ныне пребывает?

Рыцарь покорно поклонился в сторону «Левой Головы» Совета – восемь Иерархов, и подчинённая им разведка в лице Префектора, приняли его поклон. Совет Владык курирует всю агентурную сеть Ордена, дабы более мудро и ответственно подходить к самой главной миссии и смысла существования – распределение ресурсов в Ордене. В его руках всё – получение материальной помощи от Империи и провинций, взимание натурального оброка с крестьян, управление вещами, которые вышли из-под молотка мастеров и созданные в кропотливых трудах чародеев и учёных. В их исключительной компетенции заключение разовых торговых договоров, управление островом, издание Циркуляров, регулирующих внутренний быт, а также осуществление правосудия.

Люций клонится в сторону шестерых членов Ордена, образующих «Правую голову». Эти души призваны представлять интересы разных «Путей Повинности» внутри Ордена. «Кузня», «Доблесть» и «Знание» – вот три истребователя, чьи нужды должны удовлетворяться Иерархами. Им в ве-

дение Кодексом отдано ведение операций по искоренению тьмы в Тамриэле, объявление времени жатвы, воспитание неофитов, управление «Повинностями» в своей компетенции.

Ариан заметил, как рыцарь проскользнул неодобрительным взглядом по черноволосому высокому крупному мужчине, чьё лицо отражает суровость самой тяжёлой повинности Ордена. В своё время Гранд-Паладин, вождь двенадцати самых сильных рыцарей, нарекаемых паладинами, холодно ответил взглядом карих глаз.

В конце концов, Люций поклонился Регенту. Ариан с печалью отметил в памяти, что тот, кого называют главой Ордена, слаб в полномочиях. Да, он – живой символ Ордена, воплощение его идеалов и славы, но реальной сильной власти, достойной королей и императоров у него нет. Регент ответственен за связи с внешним миром, председательствует в Совете Владык, где обладает приоритетным голосом. Общая координация действий, а в особых случаях и полномочия верховного главнокомандующего. Для Ариана, человека служащего интересам Совета, больно видеть слабый пост регентства, ибо он должен быть символом могущества Ордена, а не его податливости.

– Благородные господа, мой лорд, я пришёл к вам, чтобы изложить светлые идеи, которые собирался предоставить ещё до похода в Морровинд. Так вот, моя цель – объединить все «повинности» Ордена в единой воле и святом ра-

венстве, – гордо задрав подбородок заявил рыцарь.

– Вы желаете, чтобы мы и наши нужды были равны нуждам неофитов, крестьян и прислуги? – прозвучал надутый вопрос от низкорослого седого мужчины с вольными образами лица, на котором красуется имперская туника цвета малины, такие же распрекрасные штаны и туфли. – Чтобы мы – учёные были равны в потребностях слугам?

– Нет-нет, господин Комрат, речь идёт совершенно не о них. Я говорю о создании некоего сообщества... Ложи, где неофиты и рыцари, маги и учёные, мастера теряли бы командные статусы и привилегии «Повинностей».

– А к чему нам это? – спросил Магистр.

– Да затем, что Крыло Рыцарей уже достало! – вспыхнул представитель Директората. – Я ничего не имею против рыцарей, но позвольте. Почему мы без продыху куём и куём, а вся слава труда достаётся рыцарству? Почему рыцари могут использовать труд мастеров без должного благодарствования и почтения? Почему к нашим требованиям не относятся так серьёзно, а рыцарские нужды стали перед Владыками приоритетными?

– Нам нужно быть сдержаннее, – заговорил Айк'Аран. – Не давайте недовольству пускать трещины на нашем равенстве. Но всё же, возмущения мастеров не лишены оснований, ибо даже магам приходится ощущать на себе тяжесть.

– Но это наши обязанности, – встал высокий человек, с которым Люций встретился взглядом, поправляя чёрную, как

сажа рясу. – Мы должны их нести с честью, и преодолевая.

– Господин Гранд-Паладин Йорик, мы бы рады, да только мастера ропщут, – надавил Айк'Аран. – Да, я не спорю, что единство – это наша сила и мудрость в том, чтобы хранить мир между братьями и сёстрами.

– И?

– Я и мой брат по Академиону – Комрат, могут вам рассказать, как нужды магов и учёных остаются неудовлетворёнными. Оборудование, магические одеяния, вещества, реагенты, боевые рясы – и ещё многого нам недостаёт. – Мужчина опустил орлиный нос к полу, собираясь мыслями, и вот снова голосом глубоким говорит. – Не требуйте от нас невозможного. Мы не можем сопровождать рыцарей в их походах, варить зелья и проводить исследования, ибо не, потому что у нас нет желания, а в силу того, что мы не обеспечены.

– Но больше всего изматывают привилегии рыцарского сообщества, – взял надменное слово Комрат. – Не думаю, что учёные Ордена долго будут терпеть эту ситуацию.

– Какую? – тягостно выдохнул Регент. – Почему же раньше никого это не беспокоило?

– Какие привилегии? – нахмурился Комрат. – Примат на исполнение требований, примат на получение награды, примат на первоочередное обслуживание. Мне ещё назвать привилегии?

– Рыцари призваны служить Тамриэлю мечом и доблестью, а не заниматься милосердсвоанием внутри Ордена! –

по зале раздался смачный хлопок ладони Магистра об стол. – Мы – оружие с душой, а посему всё, что сложилось в Ордене необходимо для рыцарства, как хорошему клинку угод.

– Тише братья, – спешит тихой речью призвать к спокойствию всех Торуг. – Не дадим злобе и соперничеству нас поглотить.

– Призвание... рыцари... – усмехнулся Комрат. – Сколько заданий вы выполнили против тьмы за последний месяц? Пять? Десять? А может Магистр нам расскажет, сколько по воле Совета было исполнено прошений от имперского правительства и провинциальных властей по ликвидации угрозы их правлению?

– Ты о чём, брат?

– О том, Аларих, что наш Орден теряет своё праведное предназначение, изложенное мудростью предков, – ответил Айк'Аран. – Орден Святого Магнуса создан нашими далёкими предками для войны против мрака, великого врага или шестнадцати ересей – называйте их, как хотите, важности в сем нет разницы. Но что мы делаем сейчас? Мы сражаемся во имя интереса власть имущих, и святой долг вскоре станет второстепенен.

– Всё делается во благо Ордена. – Слышится заявление Иерарха.

– Вот видите! – приторно воскликнул Люций, широко разведя руками. – Вы слышите себя! Почему все «Пути Повинности» готовы поесть друг друга как тля листья? Да, вы ска-

жите, что я утрирую. Пускай будет так, добрые господа. Я же стремлюсь к тому, чтобы наши новые братья и сестры из числа неофитов избежали будущих ссор... большинства из них. Моё желание – создать место, где каждый мог без привилегий и чинов быть свободным и свободно общаться с братьями и сестрами. Мой лорд, уважаемый Регент, дайте мне такую возможность, и я погашу все конфликты внутри Ордена и сделаю его крепким, как сталлгрим или мы повторим события прошлого, что прогремели шестьдесят лет назад.

Ариан внимательно наблюдает за ситуацией, молча и не высываясь. Он уподобился тени, дабы не выказывать себя и сосредоточенно взирает на Регента. Вид главы Ордена вселяет в сердце грусть и меланхолию, а осознание тяжести его бремени обуревают дух грузом тяжести долга. Он скован цепями кратких полномочий, но это не самая страшная причина, из-за которой можно предаваться унынию, которое нашло маску безнадёги на лице Регента. Распри, споры и накипевшие упрёки, рождённый из глубины души, потерявшей смысл, стали обыденностью для Ордена и в тёмное время, когда брат спорит с братом, Регенту выдалось править. Раньше огромное количество угроз и вечные войны, жертвы и дух братства скрепляли ряды Ордена, а теперь же они больше прозябают в диспутах и политиканстве.

И в стремлении хоть что-то сделать, дабы сохранить Орден на долгие лета его глава идёт на шаг, предложенный рыцарем. Он готов пожертвовать и временем, и ресурсами ра-

ди будущего Ордена, хотя Ариан находит его шаг слишком опрометчивым. И вот Регент раскрывает уста, неся речь шороховатую и тихую, как напев пепельных бурь кимерита:

– Я как председатель Совета Владык, с одобрения Совета, заявляю о том, что ныне выносятся следующий Вердикт: Ложь быть. Её ресурсное обеспечение мы обсудим завтра после приёма неофитов. Всё, собрание окончено.

Глава 4. Пришествие

Тот же день. Закат.

Вокруг царит полная гармония, способная ввести человека в состояние покоя и медитативной сосредоточенности. Мягкий шум прибоя ласково играет с шелестом изумрудной листвы целой гряды высоких деревьев, раскинувшихся практически у пляжа. Песок золотистым берегом устилается на самом краю острова, столь мягкий будто кажется, что это перина. Цветовое разнообразие этого славного места красивой картиной врывается в разум, будто здесь сотворена некая магическая иллюзия, от которой солнце не слепит глаз, а все гаммы и оттенки стали мягче и приятней.

Но грубый низкий тенор сотрясает пространство и акустическая целостность, создаваемая прибоем, листвой и пением птиц, разлетается ту же секунду, уступая холоду мужского голоса:

– Ты где так долго был? Я тебя жду здесь несколько часов.

На песке стоят две фигуры, разбавляя пляжный пейзаж. Первая – высокая, в куртке из кожи, чьи светло-золотистые волосы едва развиваются на мягком ветру. Широкими скосами глазами он взирает на человека. Белокожий мужчина, с серым волосом и лёгкой щетиной, устремил взгляд глаз, схожих с двумя озерцами серебра, на юношу. Его лицо сурово, словно выточено из каменной породы, с квадратными очертаниями.

– Я два десятка лет служу Ордену, и такое случается редко, – снова доносится шероховатый голос человека, нашедший отражение в чувстве стыда у эльфа. – Как мне рыцарю на это реагировать, а Азариэль?

Юноша поднял повинный взгляд и ощутил, как отблеск доспеха саданул ему лёгкой болью по глазам. Прекрасные доспехи рыцаря отражают яркий свет, ловя на себе массы лучей постепенно уходящего солнца. Цельный нагрудник изукрашен золотистым символом геральдического солнца, безумно пылающим ослепительным огнём. К торсовой части брони прикреплена короткая доспешная юбка, сделанная из пластин металла. Сапоги, поножи, перчатки: всё блестит на солнце, словно начищенное серебро. Броня отделана дорогим эбонитовым орнаментом, с наплечников, через нагрудник и до поножей покрывавший доспех, расчертив чёрными линиями его серебристый покров. Но больше всего внимание привлекают качающиеся на ветру ленты веленовой бу-

маги, печатями прикреплённые к доспеху.

– Простите господин Ремиил, – с трудом открыл уста парень, извинительно заговорив, – сначала задержался в таверне, а потом... там... проблемы в лесу. – С нескрываемой подавленностью ответил юноша. – В лесу... там...

Ремиил кинул возмущённый взгляд на своего будущего неофита, сверлящий укором. Ему не понравился такой мягкий и невнятный ответ, и он хотел знать подробности, заставляя отчитаться парня, как рядового:

– Что случилось? Выражайся яснее, – с твёрдостью потребовал рыцарь. – Ты не тряпка, а кандидат в ряды Ордена, так будь достоин этого звания.

Сначала Азариэль молча взирает на великолепного высокого воина, чей только один вид мог предать воодушевления или подавить волю, испугав, но потом всё же более мрачно и опустошённо даёт медленный ответ:

– В лесу я нарвался на бандита. Между нами завязался бой. Это меня несколько и задержало.

Ответ, лишённый эмоций, перечисление фактов, несколько ни удивил Ремиила. Он множество раз видел подобное состояние, и не в какой-то мере рад, что Азариэль его испытал сейчас, а не во время первой вылазки. Ремиил окинул взглядом юношу и увидел, что в ножнах покоится меч с неумело затёртыми следами крови. Он склонил голову в каком-то принятии причины опоздания, и его широкие сухие уста донесли не скрашенный эмоциями голос:

– Что ж, прими моё поздравление. Лучше раньше, чем позже. Я тебя понимаю парень, – несколько по-отечески заговорил рыцарь, пытаясь в голосе имитировать сожаление, хотя речь всё так же груба.

– Да ладно. Он был обычным бандитом. Он заслужил смерть, – пытаясь до конца выдавить сожаление за содеянное, хладно вымолвил Азариэль.

Тяжёлая рука рыцаря легла на плечо юноши, чуть сжимая его и сильное прикосновение облачённых в сталь кончиков пальцев, отдалось неприязненным чувством.

– Да ладно тебе. Конечно, убить кого-то для некоторых это как комара прихлопнуть, но тебя я вижу это... выбило из себя. Соберись парень! – воскликнул рыцарь и его звонкий вскрик встряхнул до секундной дрожи Азариэля, а всякий шум прибоя стал не слышим за таким ором. – То была тварь лесная, заслужившая смерти. А теперь пошли, а то только тебя не хватает, чтобы завершить акт Пришествия. – Договорил Ремиил и устремился прочь с берега, направившись в лесные кущи, зелёным кольцом взявшие в окружение обиталище Ордена.

– Акт Пришествия? – спросил Азариэль и побежал за Ремиилом. – Что это?

Входя в зелёную зону и оставляя за спиной светлые песчаные берега, рыцарь дал ответ:

– Между кандидатом и неофитом есть несколько стадий. Клятва крови, которую вы давали на закате – первая. Акт

Пришествия – это вторая стадия, когда все кандидаты приходят в Цитадель. И третья будет завтра.

Услышав всё, что можно от немногословного рыцаря Азариэль продолжил путь рядом с воителем в полной тишине и видом поникшей фигуры.

Ремиил бросил краткий взгляд на юношу, который плетётся прямо за ним по узкое поросшей дорожке. Он всё ещё видит в парне печаль и растерянность от произошедшего неожиданного боя, первой пролитой крови, а это всегда оставляет отпечаток тяжести на сердце.

«Ох, какое же слабое нынче поколение вышло. Совсем изнежились», – стал ворчать про себя рыцарь, не желая смотреть на то, как юношу с аппетитом поедает апатия этого вечера, постепенно растворяя его душу в яде уныния и слабости. Ремиил хочет видеть перед собой юношу, которого не грызёт чувство унижения, ибо сам вид такого парня отвратителен для старого воина.

«Что же ему такое сказать, чтобы поднять духом. О Мара милосердная помоги мне!» – взмолился рыцарь. – «О точно. Он же после клятвы так и просил».

– Да, кстати, – сказав полные исцарапанные губы, толи в неприятии мягкости, то ли в улыбке заговорил Ремиил. – Я встретил и проводил твою знакомую через лес как ты и просил, можешь, не беспокоится. С ней всё в порядке.

– Спасибо вам, я этого не забуду, – с некоторой толикой покорности и благоговейности вымолвил юноша.

– Заплатишь, и будем в расчёте.

– Что? Как так? – обеспокоился Азариэль.

– Успокойся, – улыбнулся Ремиил. – Ты ничего никому не должен. Я же не Иерарх какой-то, чтобы с тебя драть монеты.

– А вы платите что-то?

– Мы ничего не платим, согласно Кодексу. Да, в Ордене есть сборы вроде «имущественного» с жалованья с мастеров, магов и учёных, но у рыцарей привилегия – мы освобождены от этого. Ну ладно, пойдём уже.

Для Азариэля новость о том, что его старая знакомая, подруга детства добралась без пришествий, это отрадные вести. Тягость крови отлегла от сердца и даже дышаться стало полегче, прежняя меланхолия стала отступать, приводя юношу в нормальное состояние.

Путь до ворот прекрасен. Мягкий и непринуждённый шелест зелёных листьев приятно гармонирует, смешиваясь с прекрасными и неповторимыми трелями лесных беззаботных птиц, что распевают песни дни напролёт, будто бы это праздные гимны. Этот замечательный оркестр наполняет ухо, заставляя забыть обо всех тягостях брэнного мира, унося своей гармонией звуков в далёкий мир мечтаний, который в это время разгорался в душе любого, кто ступит на эту землю. Азариэль слышал мелодии птиц и раньше, и в Сиродиле и на юге Валенвуда – всюду их щебетание красиво, однако не способно заморозить ухо. Но здесь, на этом острове всё иначе – симфонии сокрытых под ветками лесных музы-

кантов столь прекрасны, что Азариэль чувствует, будто вот-вот поплывёт. Он не видит дороги и идёт куда-то в сторону, полностью погружившись в напев, и только жёсткий хват рыцаря выбил его из музыкального плена:

– Соберись! Мы уже сегодня пару кандидатов едва не потеряли из-за птиц.

– Простите господин, – голос Азариэля полон потерянного воодушевления, – но эти песни... так прекрасны. Ничего нет лучше в подлунном мире.

– Это магия сынок. Наши чародеи специально создают такие иллюзии, чтобы обезвредить всякий сброд. Соберись, ты же кандидат!

Азариэль взял себя в руки и упёрся взглядом только в протоптанную неширокую дорогу, рассекающую лес светло-жёлтой витиеватой полосой, стараясь больше не слушать коварное пение.

Лес вокруг Цитадели приятен и прекрасен, наполняя глаз десятками наполненных колоритом и насыщенностью оттенков деревьев, кустов, листьев и множества трав. Лесистая местность, взращённая на острове перед Великой Цитаделью, стала бы настоящим прибежищем для людей искусства, что непременно хотели бы отразить это природное великолепие на холстах и повесить произведения искусства в имперских галереях, дабы они радовали глаза граждан империи. А музыканты с жалким подобием пытались бы повторить те звуки и природную песнь, что неповторимым кон-

цртом каждый день пленила бы сотни имперских граждан, так пристрастных к искусству.

По пути Ремиил ещё раз пояснил юноше, который опять начал восторгаться лживым великолепием, что фантасмагория красоты создана искуснейшими профессорами, сотворившими специальные зелья для земли и магами, поработавшими здесь с иллюзией, создав такую обстановку, пленившую разум слабовольного представителя любой расы Тамриэля, будь это последний гоблин из грязных пещер Сиродила.

Солнце уже постепенно начинает садиться, завершая дневной путь и оставляя небосвод, уступая место надвигающемуся фиолетовому и тёмно-синему мраку, который заботливо и нежно окутает земли, пока его вновь не разорвёт первый брезжащий светом луч. Но вот уже показали огромные деревянные резные ворота цитадели, знаменовавшие могущество и стойкость, возле которых собрались несколько так приятно и сильно знакомых лиц юноше.

– Что вы здесь делаете?! – возмущённо криком спросил Ремиил и, не остужая своей гневной и напорной риторики, продолжал. – По Кодексу и специальным указам Регента вы должны сейчас находиться в своих казармах и не совать носу отсюда до завтрашнего утра. Кто вам позволил выйти?!

Ребята, ошеломлённые, взирали на надвигающуюся из леса грозную и высокую закованную в блестящие и прекрасные доспехи фигуру, не в силах что-либо ответить, ибо такой напор и неожиданный нападок рыцаря сковал их язык.

– Ну, где внятный ответ, будущее Ордена? – не убавляя пыла и напора, буквально допрашивая парней, продолжал Ремиил.

– Мой господин, – послышался зов со стороны и через мгновение перед всеми возник среднего роста эльф, чья кожа цвета тёмного вулканического пепла, а глаза сияют багряными углями Роковой Горы, облачённый в обычную железную броню стражи с несколькими повязанными на наплечнике алыми лентами. – Они соизволили такое ярое и чистое желание встретить своего друга, что прим-чародей Бальтазар разрешил им под мою ответственность остаться здесь. – Спокойно пояснил стражник.

– Вы должны помнить, что только рыцарство Ордена имеет право отдавать подобные приказы. Ни маги, ни учёные, ни мастера, а только рыцари.

– Но...

– Кастелян Башни, они, как представители Ордена должны сами учиться отвечать на вопросы, заданные им старшими. Это понятно? – риторика Ремиила не убавляла в грозности.

– Да, мой господин, – почтенно согласился эльф.

– Прекрасно, а теперь, Кастелян, можете возвращаться к своим обязанностям.

– Есть, мой господин.

После чего Ремиил развернулся к ребятам и укоризненно бросил взгляд, порицательно и расстроено цокая, качает

головой, при этом, всё же дав им возможность пообщаться, кинув скудную фразу:

– Не более пяти минут.

Все поняли, чего от них требовал грозный рыцарь, отошедший в сторону не желая видеть или слышать их разговора, в котором нет места воинской суровости или почитанию традиций рыцарства.

Юноша окинул взглядом тех, кто пришёл, чтобы его встретить. Приятелей Азариэль встретил в разные периоды жизни, став им верным другом и отличным товарищем. И они в нём увидели вовсе не наполненного самолюбием и гордыней высокого эльфа, какими было большинство представителей этой расы, а прекрасного приятеля, готового прийти на помощь и выручку.

– Ну, здравствуй Ахмат, – Азариэль крепко сжал смуглую руку высокого и жилистого редгарда, с отточенными чертами лица и глазами цвета ржавчины, на котором повис жилет из толстой ткани, рубаха и чёрные штаны, утянутые короткими сапогами.

– И тебя рад видеть, друг мой. – На худом лице, на тонких губах проступила тёплая улыбка. – Долго же ты сюда добрался!

– Ничего, добрался же!

Азариэль вспомнил, что этого человека встретил совсем недавно на одном из праздников, где им пришлось поучаствовать в кабачных картёжных играх, что и объединило их.

А затем они вдвоём стали одними из участников орденской «Жатвы» и вместе прошли.

Ахмат отступил в сторону, давая юноше поздороваться с остальными.

– Приветствую, Готфрид! – Азариэль озорно ударил ладонью по предплечью, облачённому в ткань.

– Привет, – малословно ответил рукопожатием высокий и светловолосый нордлинг, который знал Азариэля ещё с детства, поглядывая на эльфа взором ледяных глаз. – Ты как?

– Я в порядке. Спасибо.

Нордлинг, чьей первой родиной стал старый и могучий город Брума, а после переезда семьи Гринхарт, знаком с парнем очень давно. Однако лучше всего Азариэль с ним познакомился во время того, когда городская стража искала себе помощников в возможной обороне городка от сепаратистов. Капитан стражи зачастую проводил тренировки населения, и во время этих обучений двое юношей смогли друг друга лучше узнать.

– Тебя тоже рад здесь видеть! – доносится возглас от невысокого короткостриженого черноволосого парня, в серых бесцветных свободных одеждах, повязнувших мешком на человеке.

На этот раз поздоровался Азариэль с низкорослым имперцем, с простым овальным лицом, переселившийся в эти края с одной деревне в западном Сиродиле. Этого имперца зовут Тиберием. С ним юноша познакомился во время од-

ного из культурных вечеров в их маленьком и неприметном городке.

– Ну, здоров. Как же приятно тебя встретить, – два товарища едва приобнялись и с хитрецей в тёмно-синих глазах Тиберий отступил, пропуская Азариэля.

Спустя пару секунд раздался приятный голос девушки:

– А вы, видимо, Азариэль?

Юноша обернулся, не зная, кто его окликнул, отчего сердце слабо дрогнуло. После мгновения он увидел, как из-за Готфрида чёрным обликом промелькнула высокая фигура. Азариэлю показалось странным, что на девушке чёрная ряса, подпоясанная кожаным ремнём.

– Ох, боюсь, я не знаю вас, – с волнением заговорил Азариэль, смотря на то, как к нему царственной походкой подходит высокая девушка, с осиной талией и длинным чёрным волосом, развивающимся на лёгком ветру прекрасными локонами. Её лицо, с треугольно-вытянутыми очертаниями – отражение изящества. Они встретились взглядами, и парень испытал неловкость, мимолётное замешательство от того, что смотрит прямо в широкие очаровательные тёмно-синие глаза. Они такие же холодные как Море Призраков и такие же пленительные.

Дама приблизилась, и нос Азариэля уловил явные, кружащие голову, ароматы духов розы.

– Мне о тебе рассказал Тиберий, – смущённо говорит девушка.

– Тиберий, – повернулся к юноше Азариэль. – Кто это?

– Это Лира, – ответил Тиберий, пока Азариэль и девушка вцепились друг в друга взглядами. – Моя подруга из Марброка. Тоже попала в ряды Ордена.

– Приятно познакомится, – Азариэль решил выказать себя перед девушкой и поднял её бледную ладонь, слегка приложившись губами. – Лира из Марброка.

– Полегче Азариэль, – усмехнулся Тиберий. – Не смущай нас.

– Ой, ох, – замешкалась Лира, видимо от непривычки подобного поведения, а её мраморно-чистое лицо покрылось приятным багрянцем. – Не нужно было.

– Ничего страшного, – отпустил руку Азариэль. – Ты, Лира, слишком приятный человек, чтобы такого не, не сделать.

От таких слов девушка смутилась и припустила взгляд к земле, а Азариэль шагнул дальше.

Последней, кого он знал, последней, кто был ему другом, оказалась невысокая бретонка. Азариэль в огромной толпе мог заметить её прекрасные золотистые волосы и необычайные округло-острые черты лица, со светло-голубыми, как небесная лазурь глазами, взгляд которых завораживает душу. Её одежды – чёрное тряпичное платье, с курткой поверх.

– Как же я счастлив тебя видеть, Аквила, – улыбнулся Азариэль. – Ты нормально добралась?

– Конечно, – чуть полноватые уста раскрылись, неся чуть грубоватый женский голос. – Всё было хорошо? Ты дом свой

продал?

– Да продал.

– Как там Ульффрик? Всё торгует разведённым пивом?

– Ладно тебе, каждый выживает, как может. А он не самый плохой человек... не самый плохой... чудесный, я бы сказал.

– Это так...

– Кстати, спасибо тебе, что вчера сходила со мной к отцу. – Отягощено вспомнил день прежний юноша.

– Не за что. Он был хорошим эльфом. – Аквила еле-еле усмехнулась. – Помню, как в детстве он нас с тобой кормил эльсвейрскими конфетами с апельсиновыми дольками.

– А помнишь, как он подарил тебе котёнка?

– Конечно, помню, – радостно заговорила девушка. – Я его тогда Гюнтером назвала.

– Да. Я на следующий день помогал его тебе с дерева снять.

– Эй! – напомнил о себе Тиберий, уперев кулаки в бока и наиграв недовольный вид на лице. – Мы тут тоже есть!

Азариэль и Аквила едва-едва рассмеялись, увидев напыщенный вид своего товарища. Все друзья знают друг друга, ибо всегда поддерживали общение и жили в одном городке. И когда во время «жатвы» все попали в Орден, их радости не было предела, потому что и всю оставшуюся жизнь, если конечно её ничто не оборвёт, они будут вместе.

Парни и девушки несколько минут стояли вместе и тепло переговаривались, при этом так активно пустились в об-

суждение, что невольно привлекали внимание стражи кто-нибудь с высоких стен да норовил взглянуть вниз и посмотреть, откуда такой пространный галдёж. Говорили они буквально обо всём, что произошло за последние дни и в особенности как добрались до Цитадели Ордена.

Всё это время рыцарь нервно посматривал на них, понимая, что этим общением они нарушают одно из старых правил Ордена – акт Пришествия должен был уже быть выполненным. Однако сию секундно старого рыцаря посетили тёплые воспоминания молодости, когда он сам ещё был неофитом. «Эх, сколько же я тогда правил нарушил? И как меня не выставили?» – подумал Ремиил, обуздывая чувство пунктуальности и ворчливости. Однако всё же время неуклонно шло, закон есть закон, а ночь уже готовилась вступить в свои полноценные права, а значит, больше ждать нельзя.

– Но ладно, хватит! Нам пора в ваше будущее жилище. Давайте за мною, – строго потребовал Ремиил, оборвав весёлые разговоры.

Все беспрекословно послушались грозного приказа старого рыцаря и молча, последовали за ним, идя в Цитадель, за который их ждёт новая жизнь. Они буквально за пару мгновений приблизились к огромным, не вмещавшим взгляд вратам, исполинским и гротескным, тяжёлым и монументальным. Главные ворота сделаны из нескольких сортов дорогого дерева, усиленные стальными укреплениями, украшены красивой и искусной резьбой – растительным орнаментом,

с серебряной окантовкой, отчего на солнце они истошно сияют, ослепляя взгляд. Но некоторые части врат исчерчены странными словами на непонятном языке и один взгляд на удивительные символы угнетает разум и режет глаз. А надвратное помещение исписано красивыми литаниями, призывающие к силе, выдержке, вере и мужеству, как и заповедывают догматы Ордена, так и требуют от его слуг.

– Стража, открывайте ворота! – запрокинув голову, крикнул Ремиил. – Живее!

Через несколько секунд копошения наверху старые механизмы издали металлический стон и звонкие кряхтенья. Через пару мгновений огромные ворота распахнулись, а массивная решётка, выкованная из закалённой стали, расположившаяся за ними, без скрипа поднялась и впустила гостей.

Ребята впервые вступают за массивные и неприступные стены Великой Цитадели славного Ордена и чувство достоинства, и предвкушение славы грядущих дней сладким тёплым ощущением разлилось по душе. От представшей красоты и сияющего великолепия у вошедших неискушённых парней захватило дух.

Яркие серебряные звёзды уже начинали сиять на тёмно-фиолетовом небосклоне, став глашатаями скорой ночи. Огромный и внушительный нефритовый купол главной башни устремлялся в звёздное полотно, постепенно теряясь в нём, и производится впечатление, что массивный шпиль подпирает саму небесную твердь. Главная башня настолько

огромна, что казалось, будто она просто обязана проломиться под своим весом и уйти под землю, но земля держит её, не давая сокрушиться такому великолепию.

Здания и постройки Цитадели поистине изумительны и прекрасны, став воплощением красоты и могущества, что воплощена в нефрите и камне мастерством древних зодчих – стены, отполированные до блеска, штандарты и знамёна, свисающие у входов, отделка из золота, блистающая дороговизной и роскошью Ордена.

В основном все постройки, в том числе и главная башня, собраны у южной стены, будто показывая сплочённость всех звеньев Ордена и доказывая их неразрывную взаимосвязь, которая на протяжении многих лет вела к процветанию и славе. А так же это позволяет создать пространство для огромного внутреннего двора, масштабы которого заставляют потонуть в пустоте и красоте его. И практически в каждом окне горит свет, знаменуя, что это место живо и ведёт свою беспрестанную работу по защите всех жителей Тамриэля.

Где-то ходит прислуга, исполняющая свои бесконечные обязанности по поддержанию жизни Ордена и функционирования Великой Цитадели – уборка, стирка, готовка и многое другое, с виду обыденное, но рутинно важное. Все рабочие и слуги одеты в обычные старые выцветшие одежды, с множеством заплаток и швов, как и подобает обычным рабочим, не искушённым в праздных нарядах.

По внутреннему двору Цитадели ходили и немногочисленные высокие рыцари, облачённые в безупречные сияющие доспехи которых свисают клятвы на веленовой бумаге, а на самих начищенных доспехах написаны славные литании и катехизисы. Но большинство грузных фигур, чьи образы схожи с рыцарскими, облачены в бежевые лёгкие туники, утянутые кожаными поясами. Не всё же время ходить в тяжелой броне.

На стенах вечное бдение несут стойкие и неразговорчивые стражники, чьи невзрачные доспехи и серые лики отражали долгие годы тягостной службы на стенах и полях одних из самых страшных неведомых сражений всего Тамриэля. Хоть это, и обычные стражники с не самой лучшей бронёй и искусным оружием, но когда этого требовала обстановка, они вставали плечом к плечу вместе с магами, рыцарями и паладинами лицом к лицу встречая самые отвратительные и ужасные кошмары, таившиеся даже за пределами обыденного понимания.

Но, несмотря на вечное движение и работу всех членов великого Ордена всё источало определённое и необычное спокойствие и медитативное сосредоточение. Отполированные до блеска нефритовые стены являют нечто гипнотическое, вкуче с размеренно покачивающимися знамёнами, что как маятники – туда-сюда. Ароматы благовоний – душистые и сладкие, забиваются в нос и расстилаются по организму, даруя умиротворение. Посматривая на меланхоличные знамё-

на, ворожащий блеск стен и ощущая, как с каждым вздохом его тело перестаёт гудеть от усталости и наполняется мотивами лёгкости и воздушности.

«Иллюзия» – подумал про себя Азариэль, но его размышления и созерцания великолепием обстановки были прерваны грубым голосом:

– Это ваш новый дом, неофиты. Теперь вам в нём провести остаток всей своей жизни, что очевидно, я думаю. – Разбавив свой голос вдохновлённостью, высказался Ремиил и добавил. – А теперь пройдёмте в казарму. Вас там, наверное, уже ждут.

Кандидаты вместе с рыцарем пошли сквозь весь двор Ордена. Благоговение и трепет наполняли молодые души юношей и девушки, и особенно размышления о том, как они станут рыцарями или могущественными чародеями, как переберутся жить в шпиль и как им доверят священный меч. Они с восхищением и надеждою взирали на великолепные и монументальные здания Ордена, зная, что в каждом из них скрывается их будущая судьба или славные деяния.

Они подошли к огромному двухэтажному зданию, ставшему жильём для десятков поколений учеников и неофитов, беззаветно преданных Ордену. Раздаётся лёгкий, практический не слышимый скрип и отворив крепкую деревянную дверь, окантованную холодным железом.

– Вот, – тяжело выдохнув начал Ремиил. – Раньше здесь могло расположиться две целых роты. А сейчас вас здесь

чуть более шестидесяти... эх, вырождается ваше племя. Скоро вообще будет некого брать.

Азариэль почувствовал, как ностальгия прорывается в голосе своего будущего наставника и, похоже, ест его. В словах Ремиила явно и ощутимо просачивалась тоска по былым временам, когда неофитов было больше. Рыцарь тяжело выдохнул и сказал последнюю фразу на сегодня:

– Отдыхайте, завтра будет много дел. Отдыхайте.

После того как слова, обременённые тяжестью были сказаны Ремиил покинул казарму неофитов, плотно закрыв дверь.

Ребята оказались в весьма скудном на обстановку здании. Стены из серого камня, полы из тёмных досок и больше ничего, кроме кроватей да тумб для личного пользования. Внутри вид полностью контрастирует по сравнению с тем, какое великолепие снаружи. «Величие на показ, внутри – аскеты» – подумал Азариэль, пытаясь разгадать загадку контраста, но его внимание было привлечено иным.

В помещении повисла странная и неловкая тишина, сдавившая сердца. На вошедших юношей и девушку пристально смотрели ещё пятьдесят семь будущих верных служителей Ордена, пришедших сюда намного раньше.

Азариэль оглянулся и увидел, что большинство кроватей и мест никем не заняты, а второй этаж вообще пустует. Похоже, что во время этого набора, нашлось очень мало готовых собой жертвовать ради мира или крепких, умных и ловких представителей рас Тамриэля. Теперь он понимает ту тя-

жесть и ностальгию в голосе рыцаря, хотя даже и не представляет её глубину.

На них смотрели пристально, будто на каких-то пришельцев, которые нарушили священный покой этого места.

– Что встали как вкопанные, проходите, будем знакомиться. – Развеяв тишину, прозвучал чей-то звонкий и задорный женский голос.

Парни, Лира и Аквила быстро заняли свободные места, разложили пару собственных вещей и принялись знакомиться с остальными, кто прибыл сюда ранее.

Все быстро скучковались в одном углу постройки и стали слушать долгие и занятные истории как они помогли Ордену, или с какой доблестью и оценками прошли коварные испытания. Многие рассказывали, как сложно им было, но они превозмогали и выдержали все свои нагрузки. В этих рассказах просачивается столько похвальбы и гордыни, что рыцари, услышавшие это, возмущённо бы прервали этот концерт самовозвеличивания.

Глава 5. Место для клятвы

Следующее утро.

Тишина и спокойствие опустились вместе с ночью на южные края Тамриэля, но зиждется заря нового дня, а значит, наступает и время для новых свершений. Цитадель Ордена

– чреда величественных строений, сокрытая под покровом сумрака, медленно выступает из ночной вуали, являя себя миру. Миру, который должен будет отдан скоро на защиту юного поколения, если на, то появится воля Владык.

Всю ночь юные ребята проговорили о будущей жизни в Ордене, наполненной, как им казалось, приключениями и подвигами, которые будут отражены во всех летописях Империи и воспеваться менестрелями Сиродила или бардами Скайрима. Каждый поделился своим виденьем будущего своей жизни в Ордене, преждевременно наполняя её массой элементов, в которых читалась ребяческая гордыня и бравада,двигающая молодым поколением. И это было понятно, ибо каждый хочет достичь вершин славы и величия вкупе с невероятным могуществом, ибо такова природа большинства рас Тамриэля. Но никто не знал, что все эти чувства в буквальном смысле слова с пристрастием выбиваются в Ордене, потому что враг может смутить любого его пороками, а наиболее могущественные создания способны были страсти против самой Империи, что естественно нежелательно.

Так как они ещё не пребывали в статусе полноценных неофитов, то они могли хоть до утра не спать. Но, всё же вняв внутреннему благоразумию, они отошли ко сну посреди глубокой ночи в два часа и поэтому сейчас никто из них даже не спешит вставать, пребывая в объятиях сна.

Солнечный диск медленно встаёт, начиная верный и неизменный испокон веков путь по небосводу и разгоняя ночной

сумрак, который покорно уступал место свету и будущему дню.

Тёплые и игривые лучи яркого и брезжащего солнца осторожно, можно сказать с опаской, проникают в Казармы кандидатов Ордена, развеивая полуночный мрак и прохладу здесь стоявшую и безгранично властвовавшую. В воздухе витает ещё ночная и сырость, и странная прохлада, но они стали медленно прогреваться.

Все мирно прибывали во сне и видели приятные сновидения о своей будущей жизни и воплотившихся в надеждах и несбыточных грёзах. Кто-то даже дико сопел, но это не мешало ребятам приятно проводить время во сне в своих тёплых постелях. Никто не ожидал и тем более не хотел подниматься со своих нагретых мест.

Старая, но надёжная и испытанная временами дверь со стоном металлических петель отворилась, и вместе со звуком скрипа в Кельи проник свежий прохладный воздух, пронёсшийся по Казармам Неофитов. Лёгкое касание уличного холодка пробежалось по коже каждого спящего в этом месте.

На пороге казарм показался невысокий, чуть выше среднего роста человек, вошедший сюда уверенно, будто бы делал это каждый день. Его лицо перекошено глубоким шрамом, проходившим от левой части лба через нос и сходящийся к губам, пересекавшим всё лицо, став подобием печати, знаменующей деяния воина и говорящие о тяжести победы. А его тёмно-седые волосы на затылке завязаны в хвост

и скинуты на спину, чтобы не мешали.

Он тяжёлым взглядом окидывает помещение, посмотрев на мирно спящих будущих неофитов Ордена. И никто не мог углядеть той ностальгии и тяжести в глазах рыцаря, которая легла мрачным грузом на его душу. «Как же мало вас стало» – с печалью подумал рыцарь. Но быстро сбросив с себя медленно подступающие оковы непотребного чувства, и спрятав глубже воспоминания, он приступил к исполнению порученного ему задания.

В помещение подались ещё два человека – воина, облачённых в доспехи из тёмной кожи и несущие огромные тарелки, переливающиеся светом золотистой латуни.

– Подъём! – Во всё горло крикнул вошедший рыцарь и отмахнулся, чтобы воины ударили в инструменты. – Вставайте, живее!

Дикий звон страшным эхом пронёсся по всей казарме, а слова вырвали всех из своих приятных сновидений, став лучше утреннего бодрящего ведра холодной воды.

– Убрать свои места. Живо! – кричал вошедший рыцарь. – Шевелитесь сонные мухи!

После того как грозные и внезапные приказы рыцаря прозвенели подобно грому в месяце Восхода Солнца (феврале) – все повыпрыгивали со своих мест, стараясь как можно быстрее их убрать. Мешканий было не избежать, ибо сон до конца не развеялся, что весьма сильно сказывалось, так как юноши и девушки постоянно путались в своих действиях и вели

себя, как туча мошек.

Азариэль, прежде чем сумел дотянуться до одежды и ощутил напористое тёплое прикосновение, оттолкнувшее его от тумбы. Нордлинг пронёсся возле него, будто экипаж и едва не снёс парня, но юноша устоял на ногах и, несмотря на шум канители, и переговоров смог призывы рыцаря:

– Живее! Живее!

После того, как места, представленные кроватью и личным шкафчиком, были убраны, на всю казарму, если не Цитадель, раскатом грома прозвучали следующие команды:

– Что встали как стадо!?! Одевайтесь в свои лохмотья! Живо!

Азариэль кинулся к одежде, которую он кинул на кровать. В обще суматохе и карусели лиц он пытался попутно выискивать лики друзей, но всё тщетно. Юноша оставил попытки найти товарищей и принялся натягивать одежды. В конце концов, все кто здесь находятся рано или поздно станут ему приятелями.

Стоило большинству облачиться в разношёрстные наряды, в которых вчера пришли кандидаты, так рыцарь, разворачиваясь и устремляясь к выходу, громогласно кинул:

– Как только оденетесь, выходите на улицу!

Взгляд Азариэля метнулся к выходу и, определив, куда идти, сам поспешил выйти из казармы. Он вышмыгнул из широкого дверного проёма и занял место напротив грозно смотрящего воина с обезображенным лицом, почувствовав,

как холодок страха пробежал по спине при виде человека. Оливковые глаза рыцаря, в которых читается глубокая какая-то тоска, разглядывают выбегающих на улицу. Грубое холодное лицо обращено к казарме. Недельная щетина покрывает отягощённые морщинами щёки рыцаря.

Многие ребята боялись поднять голову на рыцаря, покорно склонив их к груди, а те, кто всё ж смотрели на слугу Ордена, увидели, что он одет не в прекрасные и сияющие доспехи, как подобает благородному воителю, а его одежаниями стали потрёпанные кожаные сапоги и тканевые одежды зелёных выцветших цветов.

– Я приветствую вас, – с лёгким хрипом заговорил рыцарь. – Вот так вот теперь будет начинаться каждый ваш день, только намного... намного раньше. То, как вы сегодня встали, меня не порадовало. Вы были как стадо сонных баранов. Вы должны быть быстрыми и собранными, если хотите здесь остаться. Я, ясно выражаюсь? – Закончив выражать недовольство, грозно спросил рыцарь.

– Да господин, – хором монотонно и слабо послышался ответ.

– Я не слышу!

– Да господин! – Уже более чётко и громко ответили кандидаты.

– Вот и славно, – речь рыцаря не изменилась, оставаясь такой сухой и безжизненной; он занёс руки за спину, оставив их у поясницы. – Моё имя – Туриил. Завтра всё уже будет

по-другому, по-иному, чем вы можете представить. То, что вы прошли Жатву говорит о том, что вы всего лишь пригодный материал. Вам ещё предстоит стать теми, кто станет защищать этот мир. И я приложу все усилия, чтобы либо выкинуть слабых, либо сделать из вас достойных братьев и сестёр. Прежняя жизнь окончена! Ясно?

– Да, господин Туриил! – послышался хоральный ответ.

– Да и на будущее. Юноши будут спать на втором этаже, а девушки на первом. Сие приказ понятен?!

– Да, господин!

Вне Келий по коже Азариэля сразу пробежала утренняя прохлада, вконец развеявшая все остатки сонного состояния. Юноша направил взгляд чуть дальше, за пределы лица Туриила и взору предстаёт прислуга, исполняющая нескончаемые обязанности, рыцари, спешащие на тренировки и новые задания, переданные командирами, и стража, ставшая навсегда щитом Ордена, неусыпно бдящая за порядком. Распорядок жизни мало чем это отличается от имперского форта.

– Встать в два ряда! Живо! – неожиданно скомандовал Туриил и Азариэль замешкался в исполнении приказа.

Ребята на удивление не растерялись и быстро встали спинами к своим казармам, приготовившись к исполнению новых приказов.

Туриил окинул холодным строгим взглядом шестьдесят кандидатов. Выражение его взгляда напоминает то, как

смотрит опытный воитель на новобранца – видя в нём своего будущего соратника, которого нужно добыть из новопривыкшего пушечного мяса.

– Завтра вы подниметесь ещё раньше, чтобы смогли умыться и привести себя в порядок, а то нам здесь ещё чумы не хватало. Теперь вам придётся походить за мной, чтобы уяснить, что и где находится. – И совершив лёгкий кивок, Туриил хрипло сказал. – В арсенал.

Им пришлось идти через всю Цитадель, топчась по её умящённым камнем широкими дорогами, рассекающими весь внутренний двор.

– Азариэль, – сквозь строй юноша услышал обращение и сделал пару шагов назад, оказавшись в самом его конце.

– Да, Лира, ты звала меня?

Возле Азариэля идёт милая статная девушка, с изумительно красивым лицом. Всё та же чёрная ряса не идёт Лире и Азариэль сказал бы ей это, но только смущается от одной мысли, что его слова могут обидеть эту девушку, а поэтому просто, сам не зная почему, радостно смотрит на пышный чёрный волос Лире и её гордую статью.

– Азариэль, а что это вчера было? – с прорывающимся ропотом прозвучал вопрос. – Я н-никогда такого не встречала.

– Это такое приветствие, Лира, – улыбнулся Азариэль. – А как ты жила до Ордена, что ни разу ни встречала подобного?

– Да я была помощницей при местном чарошее в Марброке. Матушка и отец работали в таверне, а меня отдали обу-

чаться, потому что я магией владела.

– То есть ты маг?

– Нет, – сохраняя странную мало ощутимую дрожь, говорит девушка. – Я только учусь, хотя мне это помогло попасть в Орден.

– И что же ты делала у него?

– Всякое разное. Приготовление простейших микстур, несложное колдовство и уход.

– За кем?

– У него был такой хороший пушистый зверёк. Он его звал маленьким злокрысом и говорил, что на севере они больше бывают.

– Ох, – удивился юноша. – Кстати, раз мы в одном Ордене, скажешь, чем увлекаешься? Что тебя интересовало до... Ордена?

– Ну... как сказать...

– Говори, как есть, я тебя пойму.

– Я очень любила книги про Маннимарко, но ты не пойми меня не правильно. Я не поддерживаю его речей и мнения.

– Я тебя понял. Тебе просто нравится искусство некромантии.

– Да, что-то из подобной темы, но я не практикую подобного.

– Может быть, мы с тобой Лира ещё поговорим об этом. В более подходящей обстановке.

– Правда? – прозвучала удивлённая радость.

– Азариэль, – вмешалась Аквила. – Тише, а то мы скоро подойдём.

– То п-подруга? – трепетно спросила Лира. – Или...

– Хорошая подруга, – успокоил девушку Азариэль.

Приближение к Горячим Кузням ознаменовал плотный запах раскалённой добела стали и аромат горящих углей в кузнях и плавильнях. И через некоторое время они подошли к прекрасной постройке бледно-зеленоватого оттенка.

Уши Азариэля поймали звон ударов молотов и отзвуки наковален, превращавшихся в единую кузнечную мелодию.

Туриил приложившись плечом, отворил массивную чугунную дверь, и всех обдала густая волна запаха пота и металла, вкупе с невероятным жаром, ударившим напористым потоком в лицо, словно это проход в план «Мёртвые Земли». Многие от того неожиданного сочетания даже поморщились, но всё же пошли за рыцарем в арсенальные «печи».

Первый этаж оказался вытянутым широким помещением, с полом выложенным плитами камня, где очень мало наковален и печей. Вместо них на стенах, облицованных белоснежным мрамором на полках и витринах висит оружие. Взгляд Азариэля приковали ряды ятаганов и мечей, скиммитаров и топоров, причудливых копий и алебард, которые слабо мерцали в десятках оттенков цветов. Кузнечная магия вкупе с зачарованием колдунов окутывает достижение мастеров еле зримой аурой.

Азариэль вместе со всеми заглянул в пластины доспехов

и щитов. На ребят тут же посмотрели их же отражения, переполненные восхищением и удивлением, в начищенных до блеска, прекрасно и красиво выполненных латах.

Оружие и броня сделана так, что могло пройти сотню битв, но вряд ли затупится или сломается. Конкуренцию этому оружию и броне могло составить только даедрическая экипировка, скованная чёрными кузнецами самого пламенного и жестокого из планов Обливиона.

Но ещё большее впечатление на неофитов произвели крупные коренастые представители всех рас, чья кожа блестит от пота, отражая огоньки пылающих углей в кузницах. Волосы каждого мастера коротко подстрижены, а бороды абсолютно сбриты, ибо даже малейший волос в кузне мог подпалиться и провалить процесс создания совершенного оружия.

– Здравствуй, Тури, – все поспеши посмотреть на хозяина реплики, и увидели, как далеко со второго этажа по винтовой лестнице спускается крупный лысый орк, в одежде из кожи; его торс скрыл толстый фартук, ноги покрыты брюками и сапогами.

– Здравствуй, Мор-гро-Локир. – Дождавшись, пока орси-мер подойдёт, отсалютовал Туриил, встав напротив мастера, который оказался на голову выше рыцаря.

– Что тебе понадобилось здесь? Опять со стенами воевал и повредил меч? – широкие клыки орка чуть отступили, а губы изобразили подобие улыбки.

– Эх-х, когда это было? Года четыре назад... а ты мне всё припоминаешь, – рыцарь поднял руку и указал пальцем на тёмно-зелёное лицо орка. – Лучше вспомни, как ты морозную соль с обычной перепутал. Я думал, твой язык будет уже не спасти.

– Ой, да ладно, – широкой рукой отмахнулся Мор-гро-Локир и повернул широкие тёмные глаза на ребят. – Я смотрю, вы молодняком обзавелись.

– Да и мне нужны доспехи.

– Пройди. Они лежат под тем столом. Только вчера их подлатал лично. – Подняв полностью руку, туго вытянув её, и молотом, что был в руке, указав на верстак, рядом стоящий, под которым покоились деревянные ящики.

– Спасибо. Буду должен.

– Кстати, ты, когда мне вернёшь тридцать монет? Ты неделю назад мне обещал их отдать, – потребовал мастер, прекрасно зная, что есть дружеский долг. – Я жду с нетерпением. Да и прошу, не нужно вспоминать про рыцарскую привилегию.

– Точно, по Кодексу – «каждый член ордена не из рыцарства должен рыцарю простить долг менее в сто пятьдесят септимов, если рыцарь того попросит».

– Мы же друзья и давай без этого, – губы орка разошлись в тёплой улыбке, оскалив крупные клыки. – Вот вас за эти привилегии и не особо любят в Ордене.

– Да верну, не бойся. Давай, мне некогда. Мне нужно уло-

житься в срок. – Быстро и уже отходя от своего друга, прощался Туриил.

Эта ситуация весьма насмешила Азариэля, но только своей радости он не подал, постаравшись как можно быстрее её подавить и сохранить серьёзность на лице.

Тем временем рыцарь достал несколько больших сундуков, сколоченных из светлой древесины, с металлической окантовкой и тут же открыл их, предоставив на свет несколько комплектов брони.

– Вот, молодая кровь, в этих доспехах обучались и тренировались несколько поколений до вас. Разбираем по размеру. Не брезгаем. Хотя они и пролежали в этих сундуках несколько десятилетий, вон мастер говорит, что их починил и подлатал. Надеюсь, что они не развалятся после первой тренировки на полосе препятствий.

– Господин Туриил? – прозвучало обращение от одного из будущих неофитов.

– Я порожу прислугу отослать вам ящики. Сегодня вечером сможете всё осмотреть.

Азариэль внимательно всмотрелся в броню. Доспехи представляют собой полный комплект крепкого кожаного тряпья, скомканного и обмотанного вокруг сапог. Да, эта была серая крепкая кожаная куртка, одеваемая поверх старой серой рубахи, бесцветные штанные из грубой мешковины и кожаные сапоги с низким берцем. На доспехах не одного железного элемента ни было, не говоря уже о крепких пласти-

нах.

Азариэля удивил этот контраст. Всюду висели прекрасно выполненные доспехи из самых дорогих материалов со всего континента, а они первые годы отслужат в неброской, выцветшей и серой экипировке, едва ли способной выдержать удар кухонного ножа. Вся антитеза отразилась в душе парня неким стыдом, будто он в рваной одежде стоит посреди императорского дворца, собравшись просить милостыню. Но он быстро, буквально за несколько свыкнулся с тем, что ему несколько лет придётся проходить в этой броне и смирился с обстановкой.

– Мор-гро-Локир! – крикнул через Горячие Кузни Ремиил и ткнул на одежду кандидатов. – Тебе нужно, что подобрать в печи или кузни для жара? Можешь использовать это тряпьё.

Слова, брошенные с иронией, вызвали глубокое негодование в душах ребят, постепенно готовое вылезти наружу. Но рыцарь почувствовал напряжение, ощутил его душой, бурлящее в душах будущих неофитов, и в одно мгновение решил пресечь его:

– А теперь запоминаем! – рявкнул Туриил, сделав своё и без этого мрачное лицо ещё серьёзнее. – Как сказано в кодексе: «Неофит должен с честью и мужеством превозмогать каждое лишение и утрату, даже самую незначительную или несоизмеримо огромную». Это я к чему? – Задал неожиданно риторически вопрос рыцарь и тут же сам на него отве-

тил. – Ваши вещи – это памятники прошлой жизни, которые вы оставили за стенами и к которой никогда не вернётесь. Они сгорят, так же как и ваша старая жизнь. Привыкайте к лишениям, которые вас ждут, – приостановись, осмотрел стоящих перед собой неофитов и напоследок кинул. – Вам выдадут новую одежду. А теперь за мной.

Чувство обиды или оскорбления не тронуло души Азариэля. «Если таков путь к будущей славе, то я выдержу его» – подумал юноша. После преподанного урока и лекции о силе воли они быстрым шагом направились к прекрасному зданию, окутанному странным, но прекрасным голубым сиянием. Перемахнув стройной колонной через двор, они попали в высокое здание, где уши молодого высокого эльфа наполнились странным гулом, похожим на мелодичное пение.

Это Академион, от крыши которого ввысь бросались три высокие острые башни, которые подобно стрелам устремились к небосводу, стараясь оторваться от земли и покорить небесную твердь. Чем-то он напоминает сказочный замок, в котором должна жить некая миловидная особа, но действительность иная – тут собраны страшные знания и одни из самых сильнейших магов.

Неофиты с осторожностью зашли в Академион, ставший сосредоточением необычайной мудрости и удивительного состояния спокойствия, поселявшиеся в душах от странного, но приятного запаха зажженных благовоний. Потом им пояснили, что маги являются виновниками этого свечения

и прекрасного спокойного состояния. Но помимо ароматов благовоний в прекрасных помещениях стеной витал запах алхимических ингредиентов.

Синие стены Академиона отделаны серебром во многих местах, а там, где не было благородного металла, красотой и изумлением блистают прекрасно исполненные фрески, повествующие о долгой истории Ордена, уходящей в неизвестность.

Туриил привёл неофитов в небольшую, но уютную на все возможные ощущения аудиторию, выкрашенную в синие и голубые цвета. В ней все цветовые схемы приятно гармонировали не вызывая неуютного для глаза контраста. Любое ощущение на коже становилось настолько приятным, что любой порез в этой комнате мог показаться лишь лёгким поглаживанием пера. Все запахи стали жутко желанными для носа, вечно ищущего идеального аромата. Звуки стали не громкими, заботливо ласкающие ушную раковину мягко проникая в голову. Здесь можно слушать любого часами, даже самого неграмотного и тупого гоблина, который пытался бы выговаривать слова на эльфийском, причём скрипя своим голосом как гвоздь по стеклу.

– Это... такое ощущение, что мы в Этериусе... – Ошеломлённо говорила одна из девушек.

– Нет. Это всего лишь иллюзия, в сочетании с ароматами некоторых трав, что действуют на мозг, – раздался грубый мужской голос, внезапно возникшего за спинами высокого

человека в синем балахоне, который тут же провёл рукой, объятый зеленоватым сиянием. После того, как сияющая рука мага закончила свой путь многие из приятных ощущений просто спали, прекратив обманывать все органы чувств.

В душе Азариэля повисла некоторая тоска, вызванная несколько таким наглым обманом чувств, сколько тем, что эта прекрасная иллюзия спала, оставив пустыми, все пять органов. А из-под тёмно синего капюшона продолжила идти речь:

– Видите, как легко было ввести вас в смятение. Ваш враг непременно попытается воспользоваться вашими слабостями в душе и тем более страстями. Вы должны быть подготовлены к любой иллюзии и тем более, всегда с опаской, достойной параноика относиться ко всему приятному для ваших чувств. – Вновь заговорил маг, поняв то смятение, в которое впали неофиты. – Но это ладно, а сейчас поговорим об основном.

После чего, в аудиторию зашли несколько аккуратно одетых в дорогие и роскошные, какие только носит аристократия Сиродила, костюмы профессоров и таинственно облачённых в синие балахоны магов.

С ними была долгая беседа, ибо представители Академии пытались вложить крупицу того света, которым сами обладали в души новичков, наставляя их на истинный путь, и стараясь предотвратить возможное падение во мрак.

Они не стали говорить обо всём, как можно сильнее кон-

центрируя внимание и время на духовном костяке Ордена. Нескончаемый разговор шёл о главных доктринах и догмах организации, в которую пришли ребята. Беседа была о верности, чести, вере, силе, воли и справедливости, которую пытались вложить самые мудрые представители всех рас со всего Тамриэля.

Но сколько медленно не текло время, пришёл момент пойти туда, где будут произнесены самые важные слова в жизни молодых кандидатов и принесены самые крепкие и нерушимые клятвы.

Туриил двинул всех в главную башню Ордена, именуемую «Пик Света», что стала сосредоточением силы и власти, неустанно охранявшей от зла весь континент. Ворота башни поражают красотой, что ещё сильнее воплощается в совершенстве, предоставляя себя сияющему лику солнца. Прекрасная резьба и искусно выполненные резные фрески на массивных воротах производили впечатление, и показывали богатство Ордена. Врата усеяны недорогими, но красиво гранёными драгоценными камнями: гранатами, топазами и аметистами, образующие незамысловатые рисунки или просто инкрустированные для красоты.

Старый рыцарь провёл вовнутрь башни, в Великий Шпиль, и неофиты обомлели от красоты, что во всём великолепии предстала перед ними в виде неимоверно огромного помещения. Азариэль узрел, что всюду стоят огромные золотые канделябры, сделанные в стиле замысловатых

и мистических растений. Отовсюду исходит мягкий потрескивающий звук горящих свечей на канделябрах. Внутри стены были сделаны из дорогого чёрного мрамора, начищенного до поразительного блеска, отчего он стал подобен зеркалам, в которых смогли увидеть свои изумлённые лица ребята. Плиты чёрного, как обсидиан, мрамора отделаны дорогой позолотой, усеянные уже драгоценными камнями: сапфирами, изумрудами и бриллиантами, которыми были образованы сложные и красивые символы.

Местные музыканты из прислуги исполняли могучую органную музыку, что своим безумным хоралом придаёт этому месту ещё большее могущество, завораживающее сердца, вкупе с наигранной грозностью.

В башне витает запах дорогих благовоний, завезённых сюда с самых дальних краёв Тамриэля. И эти благовония буквально дыму наполняли всё помещение башни, словно это храм, который окурило множество жрецов.

Холл, разделённый на два яруса, великой башни потрясающ: настолько огромный и просторный, что в нём без труда могли поместиться несколько сотен воинов Императора. Ровно по центру холла начинался второй ярус, на который ведут две лестницы, что примыкали, прям к стенам башни и образовывали полукруг. В самом конце холла, что был, практически не видим, по бокам, ближе к самой дальней задней стене, виднелись две двери, выводящие на винтовые лестницы, позволявшие перемещается по этажам монументального

Пика.

На втором ярусе посреди, у возвышающейся на полметра трибуны, стоявшей у самого края, их ожидает странная высокая фигура. Азариэль смог узреть только светло-пепельный лик существа, который возвышается на втором ярусе и его утончённое треугольной формы лицо. Рядом с ним возвышается целая череда фигур в совершенных доспехах, сияющих ртутным сиянием, чьи черты Азариэль не в силах различить.

– Рыцарь Туриил, – прозвучало помпезное обращение от высокой фигуры. – Ты привёл к нам новообращённых?!

– Да, господин Регент!

– Так пускай же они преклонят колени в почтении перед великим будущим! Пусть склонятся перед днями грядущей службы!

– Кандидаты! – скомандовал Туриил и его голос разнёсся эхом по всем уголкам огромного холла. – Преклоните левое колено!

Азариэль, склоняясь, сумел осмотреть того, кто стоит на вершине и понял, что это и есть руководитель всего здесь. По его приказу они прошли Горячие Кузни и Академион, что является частью ритуала, в конце которого они преклоняют колено. Для главы Ордена это обыденность, простая процедура инициации, но не для парней и девушек, впервые узревших такую пышность и помпезность наряду с величественностью.

Вид славного предводителя Ордена внушает покорность, робость и в тоже время невероятно вдохновляет, вселяет в молодые души светлые чувства. На нём красуется безупречный доспех – панцирь-нагрудник, украшенный на котором раскинулись солнечные лучи геральдического символа, выполненные из лунного камня; плечи закрыты широкими наплечниками, ноги закрываются пластинчатой бронёй и сапогами и весь комплект доспех выкован из блистающего мифрила. Броня отражает практически все огоньки свечей и блеск драгоценных камней, на котором прикреплены не менее шести литаний и клятв, краска чьих букв впиалась в веленевую бумагу. И он отражал такое большое множество огней, что складывалось впечатление, что Регент сияет неземным светом, льющим из самого Этериуса, и делало невозможным рассмотреть его доспех более детально.

Лицо самого Регента скрыто за мраком поднятого забрала тяжёлого барбюта, а на вершине шлема покачивается прекрасный красный плюмаж из дорогих перьев.

Рядом с Регентом возвышается знамя – кроваво-алое полотнище, на котором покоится изображение солнца. Древко изрисовано аэдрическими символами и удерживается в сиятельной латной перчатке регента.

– Господа рыцари и чародеи, мастера и профессора, сей души прошли испытания Жатвы, так достойны ли они стать младшими братьями и сёстрами великого Ордена!?

Азариэль только сейчас смог разглядеть, что по бокам от

него, в паре сотне метров есть две возвышенные трибуны с противоположных сторон. За ними на толпу будущих неофитов смотрят четыре представителя главных повинностей Ордена.

– Да, славный лорд и Регент Ордена! – с трибун послышались одобрительные реплики. – Мы рады принять новую кровь в наши ряды! Пусть их души и сердца укрепятся и бьются в унисон! Пусть высшие силы сохраняют их дух от развращения на праведном пути! Пусть их разум не погрязнет во мраке и всегда будет полон света! Орден приветствует их!

– Мои братья-неофиты, – вдохновенно и сотрясая пространство радостью в голосе, праздным позывом, обратился Регент. – Вы сегодня вступаете в новую жизнь, которая свяжет вас навсегда с Орденом. Теперь вы – воплощение того света, что выжигает мрак по всему Тамриэлю, бережно охраняя его народы. Сегодня вы примете ту клятву, которую не имеете права нарушить. Орден теперь это ваша жизнь и никакой иной жизни у вас больше нет. Отныне вы воплощение нашего вечного девиза, что вёл нас сквозь самые мрачные века нашей истории. Так будьте достойны этого девиза! – Торжественно воскликнул Регент. – А теперь преклонитесь, чтобы стать связанными клятвой.

Четыре фигуры, чьи тела окутаны шёлком красных балахонов, вышли из-за Регента и достали молитвенные свитки. С их уст, невидимых из-за тени капюшона на весь зал раздались слова клятвы, которые благословенным хоралом раз-

летелись по всему холлу и тронули душу каждого юноши ли девушки:

– Во имя сотен народов Тамриэля и Ордена я клянусь не ступать с выбранного пути.

Азариэль громогласно вместе со всеми повторил слова, чувствуя как тепло величия и сопричастности к нечто великому, ласкает его дух.

– Мы самолично и беззаветно присоединяемся к священному воинству Ордена и, давая суровую клятву, обещаем хранить обет добровольного и строгого послушания, верности, доблести, честности и прямоты.

В едином порыве и глубоком душевном трепете все повторили слова.

– Коим обетом мы показываем твёрдое и несомненное желание посвятить любое мастерство на благо Тамриэля и не против него. Обязуюсь любить и защищать моих братьев и сестёр до самой смерти и клянусь сражаться со всеми возможными угрозами народам всего Нирна.

Губы больше полусотен юношей и девушек исторгают слова, сказанные в унисон, которыми навсегда приковывают себя к Ордену.

– Клянусь не приносить иных обетов более не одному другому обществу, магами или рыцарям, что не служат Ордену. Клянусь не присягать на верность ни одному государству или культуре, в верности оставаясь лишь перед Орденем.

Азариэль с товарищами вторит тому, что сказали иерархи

и с пением в сердце повторяет священное слово.

– Пусть континент разорвут тысячи государств, я обещаю обнажить свой меч и обратить разум против тех, что станут нести мрак тьмы и станут угрозой неисчислимым народом Тамриэля. Обещаю лицом к лицу встретить самые отвратительные кошмары и не устрашиться их. В этом перед всеми, на этом собрании присутствующими, громко клянусь чтить данное обещание! Если я нарушу эту клятву, то пускай меня, постигнет справедливый и суровый суд Ордена!

Все с душевным трепетом и состоянием величайшего духовного возбуждения в душе благоговейно повторяли слова, проговорив клятву, подобно боевой литании, отчего зал будто наполнился молитвенным звучанием.

– Встаньте! Подниметесь с колен! – обратился Регент. – Вы больше не кандидаты, вы неофиты Ордена! Вы – молодая кровь, вы его будущая сила, слава и воля. Радуйтесь, ибо сам Акатош смотрит на вас сейчас!

Азариэль ухватил взглядом как четыре иерарха отошли назад, а их место заняли три другие фигуры.

– Вы будете не одиноки в своём просвещении. За сим я назначаю вам четырёх господ, которые поведут вас через тернии к славе.

Первый шаг сделал высокий подтянутый человек, чьи черты лица отражали сглаженный многоугольник, а глаза небесно-голубой расцветки. Его тело стянуто кольчугой, выкованной из посеребрённого мифрила и укутано в пурпурный

плащ. Регент отклонил правую руку и произнёс:

– Господин Люций!

За ним шаг вперёд сделал высокий нордлинг с седыми волосами и закованный в прекрасный доспех, что Азариэль видел ранее:

– Господин Ремиил!

После него в сторону неофитов шагнул тёмный эльф, тело которого скрыто под кожаной плотной курткой, сияющих светло-ледяными пластинами сталгрима.

– Господин Охтхере! – назвал последнего Регент и продолжил. – Они ваша путеводная звезда, что укажет правильный, верный путь, если вы собьётесь с него! Отныне они – ваша опора и господа, ответственная за вас. Главные командиры, начальники и отцы! Так ступайте же с ними на первые испытания!

После сказанных речей наставники повели своих неофитов на учебный плац, что располагался в восточной части острова. Плац представлял собой огромную, практически не вмещавшую взгляд тщательно отчищенную площадку, где одна треть занята учебными боевыми манекенами и расчищенной землёй, а две трети предназначены для полосы препятствий, где предстают перед взором самые различные преграды: от окопов, до двухметровых стен. Для неофитов настало время для их первой тренировки.

Из прямоугольного окна небольшого помещения, расположившегося в структуре высоченной башни, и неофиты, и

их наставники выглядят как муравьи. С высоты птичьего полёта пара глаз смотрит за тем, как юноши и девушки неумело проходят полосу препятствий под строгим взглядом командиров.

– Зачем мы всё это делаем? – вопрос ниспал с прямых губ данмера, одетого в чёрный балахон, утянутый кожаным ремнём. Он стоит прямо у окна и устремил взгляд вдаль. – Через десяток лет кто-то из этих юношей и девушек станет рыцарем, магом, мастером или учёным, всё зависит от способностей. Ну, а кто по слабее, в стражу уйдёт с наёмниками напополам. Но не проще ли сразу собирать наёмников или армию Империи для решения проблем? Это ведь быстрее.

– Вы глава одного из древнейшего и могущественного сообщества. – Раздался позади голос рослого человека, лицо которого светло и отмечено татуировкой дракона, а щёки и подборок ниспускают белую бороду. – Вам лучше знать.

– Ну, ты только посмотри на них, – пепельно светлая ладонь указала на тренирующихся неофитов. – Посмотри, они даже не знают, с чем им предстоит встретиться.

– Мы – слуги Императора и нас не волнует во имя каких высоких идеалов биться. Если он приказывает, значит, так тому и быть.

– Вы то да.

– Почему вы спросили. А как же клятва? Та, которую дали вы. Дали новообращённые. Разве она ничего не стоит?

– Слишком тяжкое бремя, который не каждый выдержит.

вает.

– А-а-а... вы им не сказали, что место клятвы не сказывается о её качестве? Печальнее всего, когда те, кто должен быть выше всех падают так низко, что аж становится страшно. Ну ладно, давайте обсудим, что предлагает наш император.

Глава 6. Первое задание

Спустя четыре дня. Двенадцать часов дня.

– Во имя долга и Тамриэля, во имя света и супротив тьмы мы обнажим наше оружие! Мы будем верными Ордену и станем другом каждому, кто пойдёт против сил тьмы! – такими словами начали говорить шесть десятков парней и девушек, преклонив колена и принимая участие в орденской мессе.

Азариэль, выставив перед собой длинной простой меч, сжав его рукоять в ладони, и стоя на одном колене покорно читает слова молитвы. Над ним возвышается сводчатый потолок, нависший над неофитами в десяти метрах и цепляющий на себе причудливую многоярусную люстру с сотней маленьких свечей, ныне не зажжённых. Сладкий запах ладана бьётся в нос юноши, окутывая лёгкий пути приятным ароматом сильных благовоний.

Губы юноши едва дёрнулись в уколе боли. Он и ещё шесть десятков товарищей пришли в орденскую капеллу после тя-

жёлтой тренировки и мышцы слабо постанывают да ломаются. Его тело скрыто под кожаным доспехом – панцирь, поножи и сапоги до колен скрывают под собой бело тканые рубаху и штаны. Сапоги защищают ноги прямиком до колен, а высокий накладной кольчужный горжет скрывает светло-золотистую кожу горла. Отточённое и удлинённо-треугольное лицо парня уставлено в пол, в знак почтения и преклонения перед святыми словами, розными паладином-капелланом.

– Именем Акатоша мы благословим себя на великие подвиги! – ребята повторили эти слова за паладином.

Азариэль едва приподнял глаза и заметил, что капеллан стоит далеко от него, у небольшой деревянной трибуны, вставшей на ярусном малом возвышении. Он выбрал под одежду ритуальный стихарь цвета ночи, перед ним на трибуне раскрыт молитвенник имперского культа, а в руках зажата цепь, на конце которого небольшой золотистый горшочек, чьё горлышко выливает клубы сладкого дыма. Кадило капеллана постоянно содрогается, выпуская облачко за облачком и всё сильнее наполняя большущее помещение сладостным пьянящим ароматом.

– Пускай Мара нам даст милость, а Стенндар подарит милосердие в борьбе тварями тьмы.

Юноша монотонно шевелит губами и проговаривает слова молитвы, отвлекаясь на образ стен. Они выполнены из серого и холодного камня, как и вся капелла «Яркого Света».

– Во имя мира и сохранения Тамриэля от скверны мы от-

вергаем шестнадцать страшных ересей, имя которым – даэдра.

Слова сказаны Азариэлем, и он вновь вернулся к созерцанию стиля капеллы. Храм выполнен в смешанном стиле сурового Скайрима и более мягкого Сиродила. От северной провинции он взял серость, простоту и монументальность, а культура сердца Империи подарила ему образ, черты внутреннего устройства.

– Слава павшим воинам в битве со страшной скверной! Слава паладинам и рыцарям, слава воинам и неофитам, отдавшим свои жизни на алтарь жизни!

На этот раз слова сказаны не паладином, а голосом тяжёлым, грубым, порывистым и чуть хриплым. Азариэль увидел, что рядом с капелланом стоят два помощника из числа наставников юных неофитов. Их одежды – такие же ритуальные стихари, только чёрного цвета, а лица скрыты под масками-черепами.

Азариэль узнал того, кто говорил слова. Это наставник Ремиил. За то недолгое время, что юноша провёл в Ордене он смог узнать рыцаря лучше. Мужчина прекрасно знает все аспекты жизни Ордена и отличается требовательностью, странно сочетающейся с независимостью. Уходя на мелкие одиночные задания, он мог пропасть на месяцы из Цитадели, странствуя по Империи и помогая всем нуждающимся, из-за чего несколько раз объявляли погибшим, но потом привыкли к этому поведению. Юноша усмехнулся про себя, когда

вспомнил, что Регент дал ему задачу по надзору за молодым, надеясь, что это хоть как-то усмирит независимость и свободолюбие Ремиила, за которое Регент не раз грозился понизить рыцаря в стражники.

– Слава мёртвым последователям науки и магии, не отдавшим души на растерзание тьме! Мы славим их имена и подвиги. Прими Аркей их во царствии своём!

Следующий наставник имеет такую же одежду, что и Ремиил. Азариэль по наполненному дрожью и силой голосу узнал мага Охтхере, тёмного эльфа. Тот, раскрывая тайну своего неэльфического имени, говорил, что воспитан нордами. Он отличался отменным познанием в магических науках и часто помогал фермерам на полях, меняя погоду, однако, по его мнению, это были лёгкие фокусы. Перед неофитами он показал силу, когда показательно сжёг пиратский галеон, столь опрометчиво заплывший в окрестные воды.

– Так помянем же тех, кто сейчас в царстве Аркея и ушёл, туда исполняя святой долг! Вечная слава павшим! – громогласно объявил капеллан и отступил назад, давая помощникам вынести две больших золотых чаши и поставить их на каменный стол, который стоит перед кафедрой.

За спинами помощников и капеллана, за трибуной распахнулись двери, которые несут на себе символику золотистую дракона. Оттуда вышли два иерарха, несущих на платах чистый белоснежный хлеб. Через секунду они положили душистое сдобное изделие на алтарь перед кафедрой и скры-

лись за дверями, закрыв их.

Тем временем помощники капеллана разожгли пламя в фонарях, и повесели их на шесты, устремившись в сторону. Свет, льющийся из узких, но длинных окон падает прямоком на серединную линию храма, словно разделяя его пополам. Из-за этого дальние стены капеллы, её углы остаются во мраке, но помощники рассеяли его, встав туда с фонарями на древке, уподобившись безмолвным стражам, оберегающим храм от всякого сумрака.

Капеллан принёс большую латунную кастрюлю и выставил её на середину алтаря. Пронзительный звон прикосновение металла и камня словили уши Азариэля в тот момент, когда нефритовые глаза уставлены в пол. Юноша понял, что месса подходит к завершению и его сердце наполнилось трепетанием от священности действия.

– Это – душа бытия! Они наполнит сосуды ваши жизнью, когда тело ваше ослабнет от хворей или ранений! – сверкнув ослепительным золотом чаш, высоко поднял капеллан ритуальную посуду и резко перевернул; по стенам кастрюли кроваво-красным отблеском расплескалась жидкость и заполнила её.

– И мы изопьём её! – благоговейно воскликнули неофиты.

– Это – сущность бытия! Она наполнит мышцы и тело ваше силой, когда усталость или хандра коснётся туловища вашего! – в пальцах паладина быстро исчезли просфоры, став мякишем и размешавшись с жидкостью в кастрюле.

– И мы изведем его! – радостно воспели юноши и девушки.

– Так подойдите и наполните чарки ваши, дабы плоть и кровь бытия были с вами в самый нужный момент!

Азариэль поднялся. Он чувствует, как его душу переполняет гордость и пьянящее ощущение возвышенности, явившиеся то ли от участия в мессе Наполнения то ли от благоговений. Он с лёгкостью и одухотворённым выражением лика протягивает сосуд – небольшой цилиндрический флакончик, куда тут же капеллан налил зелья. Прежде чем забрать его паладин потянул Азариэлю золотую статую дракона, к которой юноша приложился устами. В тот момент, когда золотисто-бледные губы коснулись благородного металла, парень ощутил тепло, небывалое ощущение приятности на душе.

Как только флакон наполнился, для парня обряд окончен, и он поспешил покинуть капеллу. Его шаг размашист и лёгок, а длинный волос трепещется при быстрой походке. Через пару мгновений он преодолел толпу неофитов, желавших получить свою порцию напитка, десятки метров, отделявшие его от входа, и оказался на крыльце. Юноша согнулся в лёгком поклоне, отдавая почтение богам.

Алхимики из Академиона битый час вываривали зелье и пекли хлеб из чудных ингредиентов, чтобы потом всё это было освещено и соединено в храме на мессе Наполнения. Во второй раз Азариэль участвует в таком таинстве, посвящён-

ном Акатошу и его дарам, каждый раз молодой эльф чувствовал гордость и светлую радость от таинства.

Юноша посмотрел на небо и обрадовался, увидев, что ни тучки, ни облачка на светлом лазурном полотне нет. Лишь солнце продолжает поливать этот мир светом и теплом.

– Вот зараза, – на крыльцо вместе с ним вышел низкорослый едва кучерявый имперец в такой же броне, что и высокий эльф. – Как же мне это осточертело, – скривив овальное лицо в гримасе недовольства, прошипел юноша. – Ну почему в Академионе нельзя всё это сделать. Без глупых ритуалов?

Азариэль усмехнулся, постаравшись скрыть полученный укол от обидных слов друга и попытался его убедить в обратном:

– Тиберий, ты – неофит Ордена и должен отдаваться всем его традициям. Эта капелла построена специально для обрядов и в её таинствах мы едины. А без единства никак.

– Не люблю я это, – буркнул Тиберий, убирая бутылку с зельем в кисет на поясе, старательно пихая поглубже. – Я не желаю находиться на глупых и бесполезных ритуалах. От них пользы, как от автомата милосердия. Я – воин, и не вижу смысла в глупых и надоедливых махах руками.

– Без веры мы все пропадём, друг мой, – еле-еле тень улыбки коснулась губ Азариэля, – без неё нам всем наступит конец. Я сам не чувствую... силы в тех обрядах, но надеюсь, что боги мне помогут её почувствовать. Ей отведена роль цемента, который скрепит наше братство. Помнишь, как на

недавней мессе говорил сам Регент?

На крыльцо поспешили выйти другие ребята, и Тиберию пришлось чуть помяться, обождать, пока они спустятся с двадцати ступеней и дадут юноше выговориться.

– Эту капеллу, – имперец небрежно ткнул рукой в строе-ние позади себя, – возвели не так давно, а сколько религиоз-ного бреда успело с нами свершиться. И ради каких бредо-вых идолов четыре дня назад её открыли?

– Ой, всё в порядке и не так плохо, как ты думаешь. Я ду-маю, что её открытие в день нашего прибытия – это знак, с воодушевлением произнёс высокий эльф, чем вызвал гнев-ный укор товарища. – Всё во имя веры.

– А что мне это вера? Разве я, самодостаточный человек, нуждаюсь в подражании тем, кого не видел? Я не нуждаюсь в поклонении Девяти.

– Ну, ты же в нашем городке говорил, что природе стоит отдавать поклоны, не так ли? – Усмехнулся юноша, похлопав друга по плечу. – Или ты забыл, как спорил с одним клири-ком? О Мара, бедный бретон. Я думал ты его за природу пор-вёшь на части прям на площади.

– Ну а что он? – пожал плечами Тиберий. – Мне удалось видеть сприггана... воплощение духов природы. Я его ви-дел... своими глазами... дух природы. И поэтому я верю в её силу. Или ты скажешь, что культ босмеров – брехня?

Азариэль на секунду вспомнил, что культ Девяти Орденом был принят после воцарения Тайбера Септима и его вознесе-

ния, как говорили им историки. До этих пор в Ордене исповедовались монотеистические доктрины Единого Бога, перенятые у Алессианского ордена, но забытые Орденем, который стал всё больше сближаться с властями Империи. Удивительно, но с той поры Орден становился всё более привязан к... Империи и её интересам.

– Ну а чем вера в Девять хуже культа природы босмеров? – поразмыслив, спросил альтмер.

– Она ослепляет. Мы – платим дань церкви Империи и ради чего? Чтобы нам за септимы продавали молитвы и фокусы?

Снова на крыльце оказалась толпа неофитов и один из них, светловолосый и низкорослый, прежде чем сойти с последней ступени лестницы, окликнул Азариэля:

– Азри, нам сейчас куда?

Юноша машинально выдал ответ:

– Никуда.

– То есть?

– Сейчас время дневного личного отдыха. У нас ещё минут двадцать есть до рукопашной.

– Хорошо, спасибо.

– Вернёмся к теме, – напомнил о себе Тиберий, пихая худой рукой высокого эльфа в бок, – я не думаю, что Девять вообще существуют. Мы молимся Акатошу... которого вообще может и не быть. Наша задача – сражаться, а не верить.

– Согласен, – в спор вступил новый человек, золотоко-

жий эльф обернулся и увидел позади себя высокого смуглого парня, с широкими квадратными чертами лица и короткой стрижкой. – Этот мир... вообще мог быть рождён из газа и пыли и нет основательных доказательств существования высших сил.

«Ахмат», – сокрушается в мыслях юноша, – «опять умничаешь».

– Но в сражении без веры никуда. – Парирует Азариэль, приложив ладонь к подбородку. – Без мысли, что тебя не ждёт пустота, без мысли, что все твои свершения во имя высшего мы – обречены. Нам нужна опора в форме веры, так же как и Тамриэлю Империя.

– А ладно, – отмахнулся Тиберий, смотря уходящему вдаль редгарду. – Нам не нужна опора, а тебе свободы не понять. Вот чует моё сердце наступит время, когда не будет ни Империи, ни церквей, и все мы станем свободны.

Такие слова показались Азариэлю странными и даже бунтарскими. Юноша понимает, что Тиберий ходит на обряды Ордена только лишь, чтобы не отхватить по голове от Ремиила.

– Только тише, а то тобой не только Туриил займётся, а ещё и имперские агенты безопасности.

– Ладно, буду ждать тебя на плацу. – Начиная сходить по лестнице, заговорил имперец. – Не опаздывай.

Смотря уходящему Тиберию под ноги, альтмер с печалью понимал, что его противность идеалам Ордена может при-

вести к чему-то плохому. Выгонят из Ордена или накажут – мелочи по сравнению с тем, что может ожидать Тиберия при встрече с губительными силами.

– Эх, Тиберий-Тиберий, – шепчет Азариэль.

Как ни странно, но имперец отличается странными и протестными для Империи Септимов мыслями, что не помешало ему встать на путь неофитов. Идеи его наполненными призраком мимолётной свободы и некоего духовного бунта, против всех постулатов Империи. Его можно сравнить с сепаратной группировкой, действующей в клочке Валенвуда, только с одной оглядкой, что он умело, скрывает от руководства ордена идеи бунтарства.

«Ну, ничего, тренировки и молитвы со временем выбьют из тебя эту маленькую скверну» – думает Азариэль, надеясь на то, что это не более чем юношеский максимализм, тщетное желание изменить жизнь, выросшее из неопытности.

– Ну что пойдём? – позади раздался низкий женский голос и альтмер повернул голову.

Рядом с ним стоит невысокая девушка, в таком же доспехе, что и он. Её светлый волос едва трепещется под порывами слабого ветра, а сапфировые глаза уставлены на Азариэля. Отточенный белоснежный лик с очертаниями вытянутого треугольника получил царапину на щеке. Последствие позавчерашней тренировки.

– И куда мы пойдём, подруга?

– Как куда? На плац конечно. – Тонкие бледные губы де-

вушки расступились в улыбке. – Куда ещё?

– Ну, пошли.

– Пойдёмте уже, – на крыльцо вышла неофитка, и мгновенно её чёрный волос был подхвачен потоками ветра, голос же был красив и певуч, а нос юноши ощутил приятный аромат розы. – Я н-не думаю, что вы будите возражать, если я пойду с вами.

– Ох, Лира, – обрадовался Азариэль. – Конечно же, присоединяйся к нам.

– А она с нами? – с тенью недовольства спросила Аквила.

– Пускай, Аквила. Все мы братья и сестры по Ордену.

Парень и девушки спустились с крыльца капеллы и пошагали в сторону плаца, возле которого и стоит храм, бросая тень и на рядом поставленный госпиталь. Азариэль посмотрел мельком на двухэтажное здание, представляющее собой монументальное строение из холодного тёмно-серого камня, с крышей из светлой черепицы. Парень не видел в нём ничего особенного, хотя каждый раз посматривая на постройку, его берёт желание не приближаться к ней и упаси Акатош, когда-либо туда попасть. В госпиталь по своей воле не привозят.

Они прошли высокий забор, выросший грядой чёрных двухметровых пик, и обувь ступила с брусчатки на землю, на короткую зелёную траву. Азариэль уже видел очертание тренировочного плаца, его преграды и ряды манекенов для боя, а за ним проглядывались далёкие образы деревеньки,

фермерских хозяйств, снабжающих Орден пищей и некоторыми ингредиентами.

– Азариэль, к-как тебе книга, которую я тебе дала? – робко спросила Лира. – Скажи, же что она хороша?

– Очень мрачная, – неловко ответил Азариэль. – Лира, у тебя странный вкус на литературу.

Девушка только поджала губы, то ли от неприязни, то ли от горечи ответа и опустила взгляд к земле.

– Я думала, тебе понравится.

Азариэль почувствовав неловкость момента, решил приободрить девушку:

– Нет, не подумай, что я как-то критикую, но мне нравится что-то жизнерадостное, а то описание смертей и некромантских ритуалов не очень вдохновляет.

– Так бы сразу и сказал. У меня есть ещё одна, я вчера в библиотеке взяла и она про что-то хорошее. Обложка уж точно жизнеутверждающая.

– Я смотрю, ты любишь книги, – утвердительно речью вклинилась Аквила.

– Очень люблю. В книгах есть какая-то завораживающая черта. Изюминка. А ещё я люблю цветы.

– Тогда, – Азариэль потянулся к кисету на поясе и опосля секунду в его ладони скромной красотой блекнет красный цветочек. – Я хотел показать его нашим учёным-алхимикам, но подарю тебе, Лира.

– Ой, спасибо, это так мило, – приняла цветок Лира. –

Азариэль...

– Эй, а как тебе первые дни, Азариэль? – неожиданно вопрошает девушка, перебивая Лиру, на что черноволосая леди незаметный шаг в сторону, будто отстраняясь от компании.

– Неплохо, Аквила, неплохо. – Сухо отвечает парень и грузно продолжает, коснувшись собственного плеча. – Только трудновато. Кажется, мышцы потянул.

– Ничего страшного. Это поправимо.

– Понимаю. Кстати, как щека, не болит?

– Нет, – Аквила коснулась длинными худыми пальцами кожи на лице, проведя по месту ранения. – Теперь всё в порядке.

– Я думал, тебе гвоздём кожу сдерёт, когда ты упала с преграды. Слава Маре, всё в порядке.

– Да... слава ей. А как, кстати, как рёбра? Не слишком болят?

– Знаешь, что удивительно – всё не так плохо, как я думал. Заклинания, – вдумчиво начал Азариэль, – кто бы мог подумать, что магия неوفита окажется такой сильной.

– Ты уж меня прости, если что. Я даже не думала, что воздушный удар будет таким мощным.

– Это даже хорошо. Ремиил говорил, что у тебя есть задатки к магии. И он даже надеется, что у тебя всё получится в Академионе, – пнув небольшой камешек, сказал Азариэль.

– Ты с ним общаешься? – удивилась девушка. – Я думала,

он к себе никого не подпускает.

– Да. Он – хороший человек, открытый, но суровый. Вчера отправил меня к Сафраксу. Никогда от Кодекса меня ещё так сильно не тошнило. Да и у нас, по-моему, только один закрытый. Туриил.

– О да! Он-то уж точно. А что Ремиил, кстати говорил обо мне?

– Да всякое. Что ты хорошо колдуешь, что у тебя отменные успехи в магии разрушения. Я ему так же рассказал про тот случай. Помнишь, как ты подпалила ножки стула у управителя? Ну же, тогда был ещё праздник и он со своим троном выперся на площадь. Как он тогда грохнулся!

– Зачем? Ты же знаешь, что я не люблю этого. Азариэль, – в наигранной обиде покосился голос дамы, и она с отпечатком незначительной улыбки продолжила, – не нужно про меня рассказывать такое!

– Это же так прекрасно. Не каждый может похвастаться таким талантом... и способностью испортить отдых имперскому чиновнику.

– Я тогда несмышлёной была.

– Это было месяц назад. Когда я только вернулся из дома сирот, – с ехидством произнёс парень и, выдохнув, закончил. – Зато есть, что вспомнить.

Они почти подошли к плацу, но их остановило обращение, прозвучавшее подобно грому. Азариэль с Аквиллой не дошли пару десятков метров, смотря на линии окопов и воз-

вышенных, сделанных на расчищенном участке земли. Они и видели ровный строй ребят, в такой же броне, как и они, готовившийся получить задание на рукопашную тренировку. Выдержанные лица парней и девушек со всего Тамриэля, отмеченные усталостью и блестящие от пота.

– Неофиты! Азариэль и Аквила! Ну, и Лира.

Юноша моментально обернулся, содрогнувшись душой, когда услышал грубый громкий возглас. Два воина предстали перед ним, а позади пары виднеется фигура, укутанная в водно-синие облачения. Два человека – один светловолосый, с едва видимой просединой, а другой с волосом цвета тёмного-тёмного пепла. Их доспехи так же различны – первый в блистательной броне, с ярким символом солнца на нагруднике, второй же предпочёл угольно-чёрные доспехи, с высоким горжетом, который прикрывал края шрама, прошедшего через лицо.

– Да господин Ремиил, да господин Туриил? – почтенно, преклонив колена, обратились Азариэль, Лира и Аквила.

Между тем, Азариэль испытал прикосновение холодка на душе при виде Ремиила. Старый рыцарь ему кажется грозным, холодным и неотзывчивым, помешанным только на правилах Ордена.

– Встаньте, будущее Ордена, – потребовал рыцарь в светлой броне, – побыстрее.

– Ремиил, – низким хриплым голосом прозвучало обращение. – Ты уверен? Они пока ещё просто мясо. Не больше,

чем приманка.

– Да уверен, – хладно ответил воитель и обратился к паре. – У вас есть возможность отправиться с нами на задание. В Валенвуде, в одном из селений всплыл артефакт и мы должны его изъять. Всё осложняется тем, что селение было атаковано, но я не думаю, что это нечто страшное.

– Да их даже громовые жуки изжарят. Рано ещё.

– Тише Туриил, – гаркнул рыцарь. – Там пара насекомых и это не так страшно, – и обратив взор светло-стальных очей на Азариэля, Лиру и Аквилу, воитель сказал. – Я желаю вас взять, что бы вы посмотрели, как работают рыцари.

– А почему мы? – удивился Азариэль, тепло ощущающая возможность поучаствовать в операции.

– Вы – первые кто нам попались. – Сухо и как-то неприязненно ответил Туриил.

– Неважно, – заговорил Ремиил. – Так вы согласны?

– Да господа, – Азариэль, Лира и Аквила склонили в почтении головы, и их души накрыла волна радости и гордости за себя, но в то же время дух подтачивает и ощущение страха перед неизвестным.

– Вот и славно, – кивнул Ремиил и отступил назад, приказывая. – Все в круг. Приготовьтесь, в первый раз это бывает неприятно.

Азариэль хотел уточнить, что сейчас будет неприятным, но не успел. Чародей провёл пару взмахов руками, которые объяла тёмно-синяя энергия и последнее, что успел выхва-

тить парень, так это недовольные лица своих товарищей, подаваемых завистью и неприязнью... ведь им ещё до упаду тренироваться.

Остров, зелёные луга и плац – всё в один момент растаяло и смешалось в дурной поток красок, фантазмагория изображений каруселью встала перед глазами Азариэля. Его мозг стала покалывать острая боль и с неприязненным ощущением он засвербел. Юноша зажмурился, что есть сил. Жгучее болезненное пламя возникло в желудке, и ком тошноты подкрался к горлу, что вкупе с болью сильно ударило по голове. Азариэль не чувствовал тверди под ногами, его руки и ноги плыли в воздухе, но так было не долго. Через секунды пять путешествия они очутились на мягком земляном покрове подле высокого древа.

– Вот скотство! – выругался альтмер, когда очутился на земле.

Парня и девушку опрокинуло наземь, на четвереньки. Они не в силах были даже подняться, словно по голове ударили дубиной. Аквила подняла ладонь, и её худые пальцы, измазанные в грязи, сию секунду окутались в ласковое свечение, подобное слабому сиянию солнца, прикосновению света. Лира проделала тоже самое, дабы избавиться себя от головокружения. Азариэль же был вынужден самостоятельно справиться с последствиями грубого телепорта. Он за что-то ухватился и со всех сил потянулся, в попытке встать. В ушах раздаётся жуткий треск, перед глазами всё плывёт, а

свет... он пропал, только пелена мрака пленила взор. Эльф попытался сделать шаг вперёд, но ноги самопроизвольно подкосились и он буквально повис на ладони, закованной в сверкающую сталь.

– Да, – сотрясая головой, захрипел Туриил. – Что-то сегодня он грубовато сработал. Ну, ничего... я с ним сегодня поговорю. Сапог по самое ни хочу...

– Тише. – Оборвал Ремиил рыцаря и ставя на ноги Азариэля. – Всякое бывает. Ты просил побыстрее нас перенести, вот и получи.

«Вот это пол-полный капец» – думает гневно Азариэль, пытаясь сохранить равновесие, и что-нибудь разглядеть. Мучения высокого эльфа были недолгими. Бретонка и нордка провели одновременно рукой возле головы Азариэля, и парень ощутил прикосновение тепла, как его тело наполняют новые силы и мрак отходит, как чувства к нему возвращаются и он ощущает прохладу дикого леса.

– Аквила, Лира, – держась за голову, тяжело молвит эльф. – Спасибо вам огромное.

– Я всегда рада тебе помочь, – щегольнула Лира.

– А девочки справляются, – довольно отметил Туриил. – Может они не так...

– Идёмте, – сурово прервал Ремиил.

Лира, Азариэль и Аквила заняли позицию позади рыцарей, дав возможность воителям, первыми встретится с возможной угрозой.

– Спасибо, Акви... я не забуду. – Благодарно произнёс парень, чем вызвал укоризненный взгляд Лиры.

– Всё в порядке, Азри.

Их путь лежит через лес. Всюду и везде стелется лес, кроны которого переплетутся в плотный потолок из веток и листьев, слабо пропускающий лучи света. Оттого тут так темно и прохладно. Деревья – гигантские исполины, столбы, удерживающие своды леса, которые и дарят этой части Валенвуда томную обстановку полумрака.

Азариэль аккуратно ступает по земле, лишь изредка хрустя ветками, да с шуршанием ступая на низкую поросль, побаиваясь того, что может быть дальше. Они крадутся в низких растениях, в небольшом подлеске, стараясь быть как можно тише и незаметнее, только шум металла о растение едва доносится до уха. Ремиил и Туриил держат полторные клинки, охваченные слабым пожаром, да внутренним свечением, как будто сама структура металла воспылала солнечным светом. Огненное и святое зачарование, наложенные на оружие делают оружие рыцарей лучше, мощнее, эффективнее. У Азариэля и Аквилы обычные мечи из железа, простые и надёжные.

Группа миновала маленький ручеёк, журчание которого скрыло их приближение к пяти огромным и широченным деревьям, образовавшим круг, с диаметром метров двадцать.

– Чувствуете тонкий запах? – втянул ароматы леса Туриил, ощутив, как привкуса металла стал поигрывать на его

языке.

– Кровь... – прорычал Ремиил.

Группа прошла через круг, и представшему ужасу не было описания. Рыцари ощутили неладное, когда впервые нос уловил нотки железа в запахе лесной свежести и приготовились к худшему, а неофиты оказались не готовы.

– О Мара! – в страхе воскликнула Аквила. – Где же твоё милосердие?!

– Заткнись! – рявкнул Туриил.

Кровавое месиво тошнотворной пастой покрывает подножья деревьев, которые оказались домом для босмеров. Лесные эльфы порой селятся в деревьях и эта деревушка была бы отличным олицетворением их быта, если бы не страшное пришествие. Азариэль с оцепенением, смотрит на рассечённые тела эльфов, одежда которых неразличима – она изрублена и залита кровью, измарав подножье деревьев багровыми тонами. Двери, некогда скрывающие вход в дома, валяются разбитые, окроплённые алой жидкостью.

Посреди небольшой площади валяется разбитое дерева, суда по всему, это был какой-то идол.

– Смотрите, – прошептал Азариэль, держа руку у носа, и серебряное лезвие его клинка уткнулось острием на голову статуи, смахивающую на лик бородатого мужчины. – Символ И'ффере.

– Что мальчики и девочки, – заметив, как юноша и девушки зажмурились, заехидничал Туриил. – Кровь в нос удари-

ла?

– Здесь поработал настоящий мясник. – Констатировал Ремиил, обхвативший меч в две руки.

– Это сделали громовые жуки? – язвительно кинул Турил и обвёл рукой неофитов. – Если сегодня они станут колбасой, сам будешь отвечать перед Регентом.

– Что-то тут не так, – на руках Аквилы образовался огонь, жаркое боевое пламя, готовое пуститься в пляс в любой момент, – почему И'ффере разбит? – склонившись перед деревяшкой, замазанной в крови, которая раньше была элементом руки, девушка неуверенно сказала. – Похоже... похоже статуя что-то держала.

– Ты это только заметила? – в руках Лиры вспыхнуло электричество, разрядный огонь, способное прожарить любого врага. – Тут был либо оборотень, либо...

– Вы не это ищите!?! – мертвенно-мрачный голос донёсся из-за одного дерева.

Из-за ствола вышел кровавый охотник, чья бытность – совершать противные мессы во имя лорда Бала. В его когтистых пальцах сжата верёвка, кончающаяся слегка покачивающимся амулетом. Его одежда – рваные потрёпанные рубашка и штаны, цвета ледяных пустынь, стали нечистыми, багрово-коричневыми, впитав в себя кровь и грязь от земли.

– Вот холера! – выругался Азариэль, сделав шаг назад; парень ощущал, как сердце стало колотиться чаще, как стук стал слышим в ушах, как начинает бурлить кровь и, посмот-

рев на подругу, он понял, что она испытывает точно такое же чувство.

Амулет – медный диск, на котором вырисована пентаграмма кроваво-красными красками. Само существо – низкого роста, с мертвенно-бледной кожей рук и лица. Острые уши верный знак эльфийского происхождения. Осунувшееся лицо, прикрытое длинными заляпанными в крови волосами, рот измаранный багровой густой влагой и бездонно-пустые глубоко впавшие глаза – вот признаки, увидев который, Ремиил хладно сказал:

– Это вампир. – Широкие глаза мужчины сощурились, и он смог рассмотреть искомый артефакт. – А-а-а, ты убил всех ради амулета скорости?

– Нет! – голодный рык раздался из окровавленной пасти твари. – Я был голоден. Сильно голоден!

Азариэль понял, что это вампир из клана Кирилт, когда тело существо распалось, перестало существовать, а на его месте возник пар, дымчатое белое облако. Удивительный штамм вируса Сангванаре Вампирис дал твари растаять и превратиться в облачную массу, которая за долю секунду сплотилась у Туриила.

Рыцарь попытался отбить удар лапы, но и без того не медленные рефлексy, скорость вампира многократно усилились от амулета, и когтистая ладонь расчертила броню полосами, рука с дикой силой отшвырнула рыцаря. Туриил рухнул прямо в кучу сваленных жителей, которые приняли его в свои

холодные мертвенные объятия, и рыцарю пришлось приложить усилие, чтобы подняться.

Нежить бросилась к первой жертве. Молнии устремились быстрой стрелой с рук Лиры, но враг умело увернулся от первой, подставив тело для второй, которая не причинила никого вреда. Монстр перешёл в прыжок, и его окровавленные когти вот-вот вопьются в девушку, а зубы припадут к аппетитным венам на шее.

– А-а! – вскрикнула Лира, снова высекая из воздуха молнию за молнией.

Азариэль инстинктивно бросился на помощь. Тварь была у девушки, оставалось всего пара сантиметров, и оно изорвёт Лиру на части. Плечом Азариэль ощутил плоть, а носом страшную вонь от существа, но это его не остановило. Он отпихнул вампира от Лиры и тварь, не долетев, упала в кровавую кашу под ногами, истошно прорычав.

– Я убью тебя! – рыкнул кровосос.

Вампир настолько быстр, что Азариэлю, кажется, будто он перемещается сквозь пространство, прыгает с места на место. Страх и паника сковали юношу, и он беспомощно смотрит за тем, как Ремиил рассекает воздух, оставляя черту пламени в бесполезных попытках убить вампира. Когти впились в броню нагрудника, а зубы уткнулись в руку, с силой сжимая и до скрежета металла продавливая пластины, но доспех крепок и вампир в один шаг метнулся назад, оставив клык в пластине брони, так и не прокусив её.

Тварь была опрометчива и встала спиной к неофитам, на расстоянии удара. Азариэль неумело рассёк железным полотном воздух, и лезвие впилося в ключицу кровососа, но крови не потекло. Вампир одним резким движением провернулся и невероятной силой опрокинул Азариэля.

Альтмер оказался на земле. Его светлый волос покрылся алой влагой от покрова площади, а тело буквально вжимается в землю. Сердце бьётся бешеной птицей в ожидании скорой смерти, руки беспомощно елозят по земле, утопая в останках лесных эльфов. Пасть смерти разинула жуткие объятия пред ликом юноши, и он с болью в сердце, обидой от скорого поражения ждёт, что единственный клык вот-вот пронзит его кожу. Кровавые холодные слюни падают на лицо Азариэля, марая его и заливая глаза дурно пахнущей жижей.

Лёд. Холодное ледяное копьё пронзило мёртвую плоть, и тварь отпрыгнула от Азариэля. С ладоней Аквилы сорвались ещё копыя, пробившие брюхо и грудь монстра, а затем раздалась реплика, боевой клич:

– Заклинаю тебе Аркеем, уйди! Святое пламя испепелит тебя!

У тебя нет силы! И он нам ничего не сделает, ибо он есть ложное божество! – порычал монстр. – У Того, кто раньше давал покров вашему Ордену есть сила нас изгонять, но вы Его забыли, – сказала тварь и бросился на девушку, которая едва-едва успела произнести заклятье. Поток сверхгорячего пламени ярким жарким потоком обласкал кожу мертвеца.

Верёвка, на которой держался амулет, испепелилась, и медный диск приземлился под ноги, в лужу крови.

Ощувив скорую окончательную смерть, тварь бросилась наутёк. Её одежда горит, кожа чернеет, и раны дают о себе знать. Теперь, когда амулета нет, она медлительней, слабее и уязвимее.

Азариэль, желая поквитаться с врагом за практически нанесённое поражение, сделал единственное, что ему казалось возможным – он метнул клинок. Железное оружие, явившись секундной матово-металлической лентой, преодолело расстояние и рукоятью промяло затылок. Кровосос не удержался и рухнул наземь, его ноги покосились, а нос с лицом впечатался в кору дерева.

Пронзительный жалобный рык был последним, что сумело издать существо, прежде чем удар пылающего клинка Туриила не рассёк мёртвую плоть и не пробил безжизненное сердце, в ту же секунду расчертив воздух огненным порезом у головы, отсекая вместилище безумного рассудка.

На весь лес раздавалось тяжёлое дыхание Лиры, Азариэля и Аквилы.

– Аз-аз-Азариэль, – не веря тому, что выжила, как-то отстранённо начала Лира. – С-с-спасибо тебе.

Девушка смотрит на парня так, как никто не смотрел раньше. Её взволнованный взгляд направлен к Азариэлю и может показаться, что там за тревогой горит что-то томное, приятное. Азариэль лишь с измученной натянутой улыбкой

кивает и поворачивается к другой девушке.

– Ты-ты... спасла меня, – держась за грудь, ошарашенно выдал юноша. – Я по гроб жизни тебе обязан.

– Ни-ничего... страшного, – Аквила, обессиленная, от большого для неё, выданного количества магической энергии, сплюнула на землю, продолжая. – Мы же... фу-у-х... друзья. Уверена, ты поступил бы также.

– Вы молодцы, для первого раза, – отпустил холодную похвалу Ремиил и его клинок раздался звоном лязга о стены ножен у правого бедра.

– Доставай свитки обратной телепортации, – поднимая с земли медный амулет, требовательно попросил Туриил.

– И всегда так будет? – слова, сказанные Азариэлем, наполнены усталостью.

– Что ж, это только начало вашего пути.

В стороне раздался низкий хриплый голос Туриила:

– Весьма неплохое начало для вас. Даже никто не умер.

Часть вторая. Жизнь изнутри

Глава 7. Команда

Спустя два года. Сиродил. Середина дня.

Волосы медленно, постепенно лишаются жизни, теряя золотистый оттенок и приобретая расцветку пепла похожего на тот, которым посыпает Красная Гора склоны Вварденфелла. Каждая волосинка утрачивает расцветку, которой хвалятся многие из рода альтмеров, становясь похожими на старушечью капну.

Причина резкой потери цвета волос далеко не в бегу лет и не в страшной болезни, она более приближена к реалиям Тамриэля. Магия – вот причина бед, чародейство – неиссякаемый источник, как и чудес, так и соблазна получить могущество. Только за манящей тягой стать сильнее, величественнее, могут стоять твари, которые только рады дать эльфу или человеку, аргонианину или катжиту мощи. Но цена порой бывает слишком высока, непомерна и оплачивается одной лишь валютой – душой.

И сейчас, в этот момент решается судьба одного из тех, кто продался холодной голодной тьме за одну лишь мечту стать могущественным. Ярро-фиолетовое свечение озари-

ло стены ослепительной вспышкой, и молния некро-энергии снова окутала тёмным вихрем воителя. Его волосы становятся светлыми, с каждой секундой седея всё сильнее и сильнее. По мышцам пробежала болезненная усталость, и он готов рухнуть наземь от хвори, что вот-вот проломит его суставы.

Но заточив позывы сдаться в железной клетке воли, он приближается. Неумолимо, беспрестанно и хладно парень, облачённый в крепкий толстый жилет из кожи, сияющий пластинами чёрного металла, идёт навстречу смерти. Его крепкие тёмно-коричневые штаны и длинные сапоги испачканы в зловонном ихоре и гное, рукава белоснежной рубашки превратились в окровавленные лохмотья.

– Умри! Умри! Умри! – возопила жертва и с её рук слетела вспышка, поток чёрной энергии, проникший в одно из тел, лежащих у ног мерзавца.

В идеально прямоугольном помещении старого имперского форта раздалось пронзительное воздыхание. Вздувшиеся уста раскрылись, выдавая хриплый крик, а разбухшее прикрытое серо-тленными домоткаными одеждами тело, покачиваясь, двинулось на противника. Воля заклинателя такова, что мёртвый человек идёт воевать, его единственное оружие при этом – чёрные потрескавшиеся ногти.

В помещении ещё много трупов и страшный жуткий смрад забивается в нос, отчего становится дурно. Некромант отступает назад в жалкой попытке спасти свою никчёмную жизнь, оживляя всё больше и больше тел.

Но воителя не остановить. Его оружие – посеребрённый двуручный меч, выкованный по типу клейморы. Этим клинком Азариэль крушит врагов, вознося и опуская оружие, совершая вихревые, почти не пританцовачные пируэты и выпады, отгоняя одну волну нежити за другой, едва ли не задыхаясь в смердящем помещении.

– Тебе всех не убить! – рычит некромант и заносит руку, чтобы приготовить заклятье.

Снова тёмная сущность магии берёт борца за справедливость в фиолетовый кокон и слабость, чёрная болезненность сжимает конечности, а волос ещё сильнее окрашивается в тона благородной седины.

Парень опускает руку, и его пальцы ухватываются за горлышко маленького цилиндрического флакона. Через мгновение в руках сжимается тара с красной жидкостью. Пробка отлетает, и парень отступает к противоположному краю, чтобы восполнить силы. Нежить медлительна и тупа, а поэтому воин успевает опустошить бутылку с зельем и восполнить силы.

– Почему вы меня преследуете? – спросил чародей.

– По закону, – флегматичный голос доносится до ушей некроманта, чем вызывает вспышку гнева.

– И каков же твой закон, падла?!

– Мой меч – закон!

– Так сдохни ради жалкого закона, пёс Ордена! Я выше тебя!

Воин перешёл в наступление. Его клинок разрезал горло первой твари и отбросил кусок мёртвого мяса в изодранном платье. Второй удар пробил череп существу и мертвец в лохмотьях пал ниц, а затем воитель снова отошёл назад, заводя руку к поясу и вытаскивая бумажный свиток. Магия, заключённая в бумаге такова, что в руках заклинателя расщепляет материю, высвобождая убийственный потенциал.

– Ты не смо...

Некромант не успел договорить слово. В комнате будто загорелось второе солнце, когда эльф пустил в бой заклинание – энергия восстановления, потоки избавления от нежизни коснулась рукой жизни несчастных существ, превращая их кожу в пепел. Мертвенная-зелёная, желтоватая и фиолетово-багровая кожа стала терять цвет, становясь серой и осыпаясь кучами пепла под ноги. Твари зашатались, теряя магический заряд, который их удерживал и стали падать, одна за другим, пока между некромантом и воином Ордена не стало пусто, лишь тени, отбрасываемые эльфом и человеком, заполняли помещением. Пламя четырёх факелов ровно пылает, отчего и тени слабо танцуют.

– Попробуй-ка вот это отрази!

Некромант поднял в руки копьё. Одно движение и палка, с металлическим, наконечником уже летит в парня. Он приготовился увернуться и только его мышцы готовы сорвать тело с места как волна огня, плотная струя ударила справа по оружию и копьё отлетело в стену. Следующим в альтмера

полетела магия – огромный огненный шар за секунду преодолел расстояние и врезался в цель.

Взрыв, оглушительный возглас смерти магического шара, окутал место, где стоял эльф, и враг уже ликовал в предвкушении, что смог улизнуть. Но стоит пламени развеяться, как вся радость некроманта сменяется болью и разочарованием. Прозрачный щит, исторгаемый из рук молодой девушки-нордки, остановил смертоносный болид в сантиметрах от парня.

– Ты как Азариэль? В помощи не нуждаешься?

Магия рассеяла вражеское ударное заклинание, защитив парня и обернувшись, он увидел распрекрасную черноволосую девушку с широкими синими глазами и безупречным ликом. Стойки сладкий запах аромат розы пробился сквозь гнильцу. В чёрной выглаженной рясе, где каждая нить пропитана чародейской силой, сапогах и перчатках стоит леди и готовится молнией снести голову некроманту.

– Спасибо, Лира.

– Попробуйте это! – рассвирепел некромаг и швырнул сноп острых ледяных осколков, нацеленных в сердца двух.

Но лёд разбился об ещё один магический блок, выставленный уже другой девушкой.

– Всё хорошо, Лира? Ты справляешься?

Опуская клинок к полу, высший эльф с мрачной улыбкой на губах, покрытых царапиной, ответил:

– Мы только беседовать начали, Аквила.

Азаризель посмотрел на напарницу. В тусклом свете факелов видно, что её одеждой стала не броня, а лёгкие одеяния магов. Тканевые серые штаны у голени уходят под северные сапоги, цвета угля. Торс укрыт под туникой, ткань которой пропитана потоками магии, многократно усиливая возможности носителя, а всё тело окутано светло-синим сиянием, защищающим от клинков, магии и стрел.

Они сменили походный доспех не так давно, чтобы их умения лучше сочетались с экипировкой, но даже сейчас броня и оружие идеально вписались в динамку недолгой битвы.

– Давайте... поговорите с ним.

– Лира, а что ты не поговоришь, – ухмыльнулась Аквила. – Как-никак собрат по делу. Ты же у нас большой любитель учений некромантских, так вот посмотришь, к чему это ведёт.

– Я не практикую некромантию! – подняла робкий голос Лира. – Изучаю, но не практикую. Не нужно меня ровнять с этими гадами, – указала на поверженного мага девушка.

– Тише Лира, – Высший эльф перехватил руку девушки, ласково её, сжав, чтобы она случайно не устроила магический переполох, – я прошу тебя, успокойся. Мы все братья и сестры. Аквила просто не так выразилась.

Почувствовав тепло и приятный трепет у сердца, Лира успокоилась, много выдохнув и глубоко вздохнув.

– Я посторожу дверь. Снаружи, – буркнула Лира и вышла

из помещения.

Двое направились к врагу.

– Можешь позвать сюда Туриила? – попросил Азариэль, став заходить на некроманта справа, вознеся меч перед собой.

– А тебе зачем? – аккуратно спросила Аквила, подходя к чародею слева, в её полусжатых ладонь зловеще трепещет пламя.

– Думаю, он будет рад находке, – всё ближе приближаясь к врагу, сказал юноша.

– Он там был занят, когда отправил меня к тебе. Весь форт, полный нежити. Туриил, скорее всего, занят.

– Ну, кто ж знал, что этот маг-некрофил пол кладбища выкопал, да ходил, трупы по деревьям собирал. Вот и набит форт этим дерьмом, как и его душонка, – показав острием меча на некроманта, выпалил парень.

Маг пятится и пятится назад, пока ткань рваного балахона и спина не коснулись холодного шершавого камня. Лысый череп уткнулся в непреодолимую преграду, и идти дальше некуда. Это тупик.

– Что-что ва-вам ну-нужно? Кто вы-вы такие? – заикаясь от страха, пролепетал некромант.

– Нам нужно кольцо магии, которые ты спёр у жены графа. Теперь мы берём его под свою юрисдикцию.

– Я вам его не отдам, сволочи. Оно – моё! – возопил чародей и плюнул в лицо Азариэлю, парень утёр молочно-белую

владу и зловеще тихим голосом вымолвил:

– А кто тебя спрашивать будет...

Некромант прикрывал лицо ладонями, потакая нужде защищаться и прятаться. Лезвие клейморя лихо рассекло воздух у головы человека и конечности, от подушечек пальцев до середины кисти рухнули наземь, а руки залила багровая кровь.

– Что будем с ним делать? – спокойно спросил Азариэль и его голос едва не потонул в криках и стенаниях мага.

На что золотоволосая девушка убрала волос, выстриженный под каре, назад и спокойно ответила:

– Законы Империи, Сиродила и местечковое право Чейденхола гласит, что за некромантию и разорение могил, убийство и воровство у аристократии, действия против власти может быть только одно наказание...

– Понятно.

Резко, только сверкнув серебристым полотном, клеймора опустилась на врага. Её заточенное лезвие с лихвой рассекло чёрную ткань, и впилося в тело, выдав острием дождь каменной крошки и оставив глубокую царапину на стене. Неудержимый натиск оружия таков, что лезвие погрузилось глубоко, рассекая грудь, напиваясь крови противника. Ещё одно движение и меч отведён назад, а некромант сполз по стене, лишившись жизни, оставляя кровавый маранный след.

Тем временем леди сумела найти в обрубке, на указательном пальце правой руки золотистое колечко и стянула его,

ловко забросив в кисет на поясе. Уходя от места последней битвы, Азариэль вытянул левую руку, выставив ладонь вверх. Тут же помещение наполнилось звуком хлопка ладонь об ладонь.

– Ой, а кто тебя так? – раздался вопрос голосом низким, женским, но с достаточной заботой. – Что у тебя с рукавами? Почему ты изранен?

– А-а-а, тот урод. Швырнул в меня кучу ледяных частиц, а они, твари, как стекло оказались. Вот и порезался.

– Давай я тебе помогу. Сейчас, обожди.

– Стой, – взял девушку за запястье юноша, прежде чем она стала творить магию. – Спасибо, но не трать силы на меня.

– Как пожелаешь.

Азариэль коснулся ручки двери, и они покинули строго прямоугольное помещение, в котором раньше был арсенал. Ночная прохлада приятным холодком тронула тело эльфа, и он ощутил лёгкость, а грудь наполнилась чистым свежим воздухом, выбрасывая из памяти неприятную вонь мёртвых. На кровавых мазках доспеха и на полированных пластинах брони отразилось свечение двух лун, переливаясь в формах.

– Ты... ты посидел! – воскликнула Аквила. – Как же так?!

На что парень с задором ответил, касаясь длинного, скрывающего остроконечные уши, волоса:

– А колечко-то с сюрпризом оказалось! Вон, какой магией наделяет.

– Да, – к ним присоединилась и Лира, выйдя из форта. –

Я читала о таком некромантском эффекте в одном редком издании. Кольцо дало магу возможность старить живых существ вместе с высасыванием жизни.

– И теперь мне нужно будет сбривать волосы к черту.

– Азариэль, тебе так даже идёт больше, – вступилась за новый цвет волос Лира и малость улыбнулась. – Придаёт... особый шарм.

Азариэль бросил усталый взгляд на широкий внутренний двор форта, сжимаемый древними покосившимися башнями и порушенными стенами. Всюду валяются рассечённые тела мертвецов и разбросанные кости скелетов, которые некогда жили, поддерживаемые нечистой магией. Азариэль вспомнил, что пока Туриил на себя отвлекал внимание, они и Аквила оперативно зашли сзади и разметали орды нежити, дав юноше возможность проскользнуть в арсенал.

– Мы же лучше в триаде работаем. – Кивая, говорит юноша и проводит рукой по заросшему травой двору. – Ты посмотри, как хорошо повоевали сегодня.

– Это та-а-ак, – хрипло протянула слово Аквила, – об этом даже Ремиил говорил.

– А, так это после того задания в борделе Хаммерфелла? – усмехнулся Азариэль. – Так мы с тобой и актёры ещё неплохие. Как в принципе и в Скайриме, когда нам пришлось играть роли крестьян, чтобы попасть в ту чёртову секту... эх, если бы не Орден, пошёл в бы театр.

– Только смотри, что бы тебя Туриил не услышал. А то он

устроит тебе представление в трёх частях вместе со шваброй – Кухонные Залы, Кельи и туалеты.

– Ах-аха! – тихо просмеялся юноша. – Точно.

– Что завтра делать собираешься, в личное время вечером?

– Собирались встретиться в Научном Обществе.

– Может, как-нибудь зайдёшь к нам? Ну, в Ложу? – услышав это Азариэль опечаленно насторожился, ибо ему не нравилось новое увлечение многих неофитов.

– Не знаю. Как-то подозрительно всё это, – мрачно бросил парень.

– Знаешь, ничего страшного в этом нет. Свободные члены Ордена общаются на свободные темы. Мы там обретаем истинное братство.

– Вот это мне и страшно.

– Ты против, чтобы я туда ходила?

– Нет, что ты нет, – запротестовал Азариэль, опечаленно добавив. – Я просто не хочу, чтобы наша команда развалилась.

– Лира, – задорно обратилась Аквила. – Что ты в стороне всё молчишь да молчишь.

И в действительности. Азариэлю даже неловко стало от того, что девушка, с которой он сдружился за последние годы, стоит где-то в стороне, как чужая.

– Вам и без меня хорошо. Да и мне, боюсь, не о чем с вами говорить. Я же... некромантка.

– Да ладно тебе будет! – повернулся в сторону Лиры, Азариэль. – Иди к нам. Расскажи про что-нибудь.

– Раз ты просишь, – улыбнулась Лира и подошла к ребятам. – А что вам рассказывать?

– Я кстати дочитал ту книгу, которую ты мне дала?

– И как она тебе? – с волнением прозвучал вопрос, и Лира устала взгляд прямо в глаза юноше. – Азариэль?

– Чудесно. Очень хорошее описание ритуалов древних нордов.

– Я знала, что тебе понравится, – обрадовалась Лира. – Если захочешь, я помогу тебе достать ещё книг.

– Спасибо Лира, ты так добра.

С левой стороны послышался грузный шаг, шелест травы об металл. Азариэль понял, кто это идёт, а поэтому привстал, чтобы поприветствовать человека, полностью закованного в чёрную угловатую броню, с орнаментом серой астры на высоком горжете.

– Господин Туриил, – склонились ребята в почтении, – миссия выполнена. Кольцо наше.

– Чудесно, просто чудесно. Теперь вы хоть и ломаный септим стоите, но расслабляться рано, – в сухой манере принизил достижение неофитов Туриил и требовательно запросил. – Так ребятки, собрались! Мы отправляемся обратно, – и прежде чем Лира вознесла руки и сотворила заклинание телепортации, старый рыцарь сипло и слабо выдавил из себя каплю бездушный ностальгии. – Как же вы изменились...

Глава 8. Бремя тени долга

Цитадель Ордена. Следующий день. Ближе к вечеру. После занятий.

Палящее солнце постепенно уходит небосклона, уступая место прекрасной вечерней прохладе, что готовится ласково укутать Цитадель Ордена холодным покрывом. В некоторых местах на небосводе даже проступали маленькие серебристые звёзды, ставшие вестниками скорой ночи. Ещё немного и серебристо-золотистый песок усеет тёмно-синее, сумрачно-фиолетовое небесное полотно богатой россыпью.

Воздух пропитался приятными ароматами цветов и благовоний, смешавшись с раскалённым амбре горячего металла из Горячих Кузней, но фантазмагории запахов практически никто не замечает, ибо нос столько раз сделал вдохов здешнего воздуха, что он стал обыденностью, незаметным атрибутом Цитадели. Ветра практически не ощущается, лишь лёгкое, эфемерное дуновение коснётся кожного покрова дланью слабой прохлады. По расположению природы эти места посетила приятная тёплая вечерняя погода, свойственная для южного Тамриэля.

Время тянется к вечеру, а поэтому большинство обитателей Цитадели либо заняты своими личными делами, либо исполняют обязанности по приготовлению по подготов-

ке Цитадели к ночи. С центра внутреннего двора, где ровные струи воды нашли выход из медных трубок среди мраморного ансамбля, чудесно видно происходящее. Как прислуга в мешковатых одеждах ходит туда-сюда, носится с мётлами, инструментами или горшками, исполняя бесконечные обязанности по поддержанию порядка. Неофиты в панцире кожаного доспеха-формы шныряют по внутреннему двору. Кто-то из них занят выполнением поручения орденской власти, а кто-то просто гуляет, отдыхая после тяжёлого дня.

– Седой!

– Да что тебе нужно, Мартин?! – ответил высокий юноша с пепельной шевелюрой, поджавшись вперёд, в сторону выкрикнувшего плотного невысокого парня с тёмно-коричневым волосом.

– Как тебя так угораздило, Азариэль? Чай врага испугался?

– Иди, давай!

Присев на высокую толстую, в полметра шириной, круглую перегородку ложи фонтана, высокий эльф наблюдает за Цитаделью, сложив руки на груди. На исхудалых сухих губах, отмеченных трещинками, проступила эфемерная, рождённая из натуги, улыбка. Слабый ветер принёс к носу тонкие приятные ароматы шикарной розы.

– Лира, дорогая моя, ты ли идёшь? – спросил юноша, слегка обернувшись.

– К-как ты понял?

Повернувшись, Азариэль обомлел от узренной иконы красоты. Ветер треплет чуть закрученные волнистые локоны смольных волос; чуть бледное лицо треугольной формы покрыто лёгким слоем пудры, а выразительные глаза подчёркнуты угольной тушью. Юноша до глубины души потрясён тем, что Лира решила сменить чёрную магическую рясу на простое, но весьма красивое лиловое нибениейское платье, подчеркнувшую её осиную талию. В руках Леры зажаты пару книг, с чёрной обложкой.

– От тебя пахнет твоими духами, – с перехваченным духом от вида дамы, говорит Азариэль. – Ли-Лира, как ты их делаешь и зачем?

– В Академионе. Я всегда любила аромат розы и мне позволили из неё делать духи.

– Т-ты прекрасн..., нет по-царски выглядишь. Если бы я не знал, кто ты, то подумал, что передо мной знатная леди или даже... посланник богов.

– Спасибо, – смутилась Лира.

– Кстати, а откуда у тебя платье? Где ты его взяла?

– Подарили в Академионе. Одна из учёных. Историк.

– Какой роскошный подарок. А-а-а, это Миробела?

– Да, она сказала, что ей оно больше не нужно, и я могу забрать его.

Азариэль обрадовался появлению Леры. Как-никак за время службы в Ордене они успели немного сдружиться и стать хорошими приятелями, хотя в глубине души высший

эльф догадывается, что девушка питает к нему далеко не товарищеские чувства. Но что поделать – Кодекс Ордена запрещает, значит, так тому и быть.

– Лира, – с обращением Азариэль встал. – Ты так похорошела за годы в Ордене.

– Спасибо. Т-ты тоже... возмужал, – язык Лиры при виде и разговоре с Азариэлем невольно тяжелел и слова вязли. – Годы в Ордене текут незаметно.

– Это так. Но с другой стороны, тем лучше. Время пройдёт быстрее, и мы будем теми, кем хотим. Ты – магом, а я, возможно, рыцарем.

– Да почему «возможно»? Ты только вспомни, как того некроманта отделал. А три дня назад? Азариэль, кто ещё мог так рой скампов истребить?

– Ну, давай будем справедливы. Если бы не твоя помощь с барьером, от меня горстка пепла бы осталась.

– Ой, это так... почти и не помощь.

– А что за книги? – перевёл тему юноша, сложив руки на груди. – Опять по мёртвым?

– Нет. На этот раз я взяла почитать «Оккультные практики сект Нактюрнал». Очень интересные тома.

– Если тебе нравится, прекрасно. Мне даже приятно, что ты нашла то, что тебе по душе. Скажи, почему при мне ты... оживлённая. А на учениях и в тренировке поникшая?

– Давай лучше сядем, – дрогнув, предложила девушка.

Азариэль и Лира уселись на перегородку фонтана, и де-

вушка упёрлась в юношу чуть ли не впритык. Ещё секунда и её рука ладонь касается золотистой щеки юноши. Прикосновение бархатной кожи Лиры, тёплой руки, понудило юношу содрогнуться, и он поёрзал.

– У тебя просто была... м-м... перинка. Я её и убрала, – словно оправдываясь, сказала Лира, молниеносно сведя разговор от «перинки». – Помнишь, как полгода назад мы в Саммерсете под Алинором сражались против культов даэдра? – томно спросила Лира. – Помнишь, как ты меня спас? Ты помнишь, как меня почти не убила визжавшая тварь? А ты? – сердце леди дрогнуло. – Я не забуду, как ты рассёк ту гадину.

– Но прежде ты помогла мне, Лира, – вздохнул Азариэль. – Я думал, умру, когда меня охватила сумасшедшая тревога. Я думал, у меня лопнет сердце и выпрыгнет душа. Проклятое заклятье, – с подавленной ненавистью выдавил Азариэль и моментально успокоился. – Помнишь сам Алинор?

– Да. Там было красиво. Ох, вот бы там нам остаться. Хоть на пару дней. Жалко, что Орден запрещает... ты понял, – упаднически прозвучали слова, и Лира склонила голову от нахлынувшей печали.

– Почему?

На вопрос Азариэль получил странный ответ вместе с печальным взглядом красивейших глаз:

– Очень печально.

Приятный дружеский разговор прервала надменность од-

ного из неофитов:

– О, некроматка и седой. Как же вы дополняете друг друга.

– Шагай отсюда, Мартин!

Дальнейших укоров, шуток и выпадов не последовало.

Вместо этого Лира и Азариэль продолжили общение:

– Ты сегодня придёшь? – спросил юноша даму.

– Куда? На ваше собрание? А ты там будешь?

– Да, – улыбнулся эльф. – Я там буду. И ты приходи, мне будет очень приятно. Лира, за два года жизни в Ордене ты мне стала близка, как сестра.

– А Аквила? – нервически прозвучал вопрос. – Она...

– Старая подруга детства, – губы Азариэля расписала лёгкая улыбка, когда он прервал робкую речь Лире. – Она и я из одного города. Да блин, ты же знаешь!

– Конечно, знаю... просто... просто...

– Что просто?

– Неважно, – отмахнулась Лира и повернулась в сторону Келий. – Мне нужно в казармы.

С замешательством на прекрасном лице девушка устранилась, направив шаг к большому холодному зданию, оставив парня одного.

«Седой» – пробежало в мыслях юноши, и он переключил внимание с Лире.

– Как же вы все меня достали, – срывается с уст шёпот.

За то время, пока неофит с последнего задания находится в Цитадели, расспросы и шутки про седой волос льют-

ся нескончаемым потоком. Каждый норовит по-товарищески подтрунивать над резкой потерей цвета.

Однако подняв взгляд вверх, парень видит не место, где над ним будут шутить, а второй дом. Его лицо обращено к казармам или Кельям, в которых он провёл последние два года.

В его памяти отразились долгие, практически нескончаемые тренировки, переходившие резко в магическую и научную практику. И единственной отдушиной становились редкие миссии, на которые Регент отправляет неофитов, чтобы те набирались опыта. Стена, огромное многометровое возвышение из блоков стало грозной чертой между прошлой, вольной и свободной жизнью и бытием нынешним, наполненным испытаниями и тягостями службы.

– Как же бы хотелось... – грудь Азариэля наполнилась, и раздался тяжёлый выдох, в котором чувствуется горечь печали.

Его съедает желание, берёт страсть вернуться хоть раз домой. Увидеть тот городок вблизи Гринхарта, снова поговорить с Ульффриком или посмотреть на старый дом. Но указами Регента, воспрещено неофитам самовольно покидать Цитадель до их первой инициации в Рыцари, Маги или иную структуру, в которые появится желание пойти.

«Я – воин Ордена, я – исполню долг. Я служу этому миру и не могу нарушить клятвы» – пытается исторгнуть словами долга Азариэль печаль из души, но она волна за волной про-

должает напирать.

Он знает, что всё делается для того, чтобы сберечь души неофитов, оставить их в чистоте и не подвергнуть их искушению зла, ибо никто не желает, чтобы слуга Ордена, покинув Великую Цитадель, совратился дурными идеалами и поставит своё мастерство против бывших братьев и сестёр.

В попытке уйти от печалей по лишению частички прошлого, он прокручивает у себя в голове все, что произошло за долгие дни тяжёлого пребывания в Ордене. Юноша больше не взирает с восхищением на броню и оружие рыцарей. Его не приводит в восторг вид Цитадели и красота природы вокруг, это всё стало настолько приевшимся и привычным, что удостаивать вниманием всю красоту было бы сущей глупостью, которая была не позволительна верному слуге Ордена.

Однако хоть и восхищения более нет, Азариэль с флегматичностью отмечает, что ни одна постройка, ни потеряла шика или красоты, которое было ранее. Он переводит взгляд с величественных каменных Келий, в три этажа на Академион. Высоченное здание, единственное, которое так же царственно устремляется в поднебесье острыми шпилями трёх башен, вырастающих из черепичного покрова крыши. Узкие и маленькие окна шести этажей в дневное время пропускают очень мало света, а башни и вовсе практически без вырезов для лучей солнца. Всё компенсируется чредой магических светильников, беспрестанно озаряющих стены Академиона.

В животе парня раздался звук голода, урчание потревожило его, и Азариэль перевёл взгляд к крайнему строению левой от башни чреды построек. Это кухонные помещения Ордена – два этажа просторных помещений. Широкие больше прямоугольные оконные рамы настолько огромны, что, кажется, будто вся кухня ордена выстроена из стекла и камень положен лишь как формальность.

– Кольцо...

Шёпот, тихий голос стал предтечей приятных мыслей. Разум юноши посетили воспоминания, как сегодня на рассвете он торжественно вознёс кольцо на тёмно-синее полотно одной из витрин, хранящихся в Зале Трофеев. Голова повернулась вместе с частью торса и Азариэль, через пелену водных завихрений фонтана, увидел Зал Трофеев, и его губы украсила улыбка самодовольства. Он и его подруга смогли отбить артефакт у некро-мага, они его убили и принесли мир да покой на земли Чейдинхола. Сам Ремиил назвал их молодцами и призвал удерживать такую же планку.

Но что за этим стоит? Где-то внутри души Азариэль чувствует великую печаль от того, что Тамриэль погружён в вечное кровопролитие и таким останется навсегда и ему придётся нести на себе тяжесть из убиенных чугунным грузом. Эта земля великого стона и горя, которой не хватает чего-то славного и жизнеутверждающего, того, что придало бы смысл бессмысленному существованию всем жителям Нирна. А сейчас? Азариэль сквозь меланхолию осознал, что без

спасительной правды, победившей греховную смерть не ему, не кому-либо из его братьев и сестёр не спастись от зла.

Тем временем Зал Трофеев готовится принять ещё одну реликвию. Его друг – Готфрид смог добыть древний меч данмеров, несущий в себе страшную чуму. И четыре этажа, смахивающих на гротескное здание Имперского Города, обзаведутся ещё одной реликвией.

– Вот молодец, – отметил своего друга парень и с лёгким уколом вспомнил, что жизнь в Ордене накладывает свои особенности на старое общение с друзьями.

Азариэль помнит, отлично помнит, что всё началось с первой тренировки, когда валясь с ног и умывшись потом, он с остальными прошёл три раза полосу препятствий, а потом выслушивал гневные поучения от Ремиила, яростно убеждавшего, что их результаты худшие. А потом Азариэль попал, словно в безумно кружащийся водоворот событий, что захлестнул его на два года, что практически полностью вырвало его из старого образа общения с друзьями. Магические практики, уроки истории и риторики, бесконечные дуэли на деревянных мечах и топорах и изматывающие тренировки, и несколько километровые пробежки по плацу каждый день слились в один единый вихрь событий, из которого было трудно что-то вычленишь. Для общения, тёплого задушевного, оставались лишь краткие вечера, которые тратились на отдых и подготовку ко дню следующему.

Ладонь Азариэля опустилась под воду фонтана, тёкшую

из ртов грифонов, образующих крест. Прозрачная, чистая журчащая жидкость наполнила ладонь юноши, переливаясь тусклыми отблесками уходящего светила. Он попытался её превратить в кусочек льда, но всё тщетно и бесполезно, как бы он не направлял ментальную силу, вода остаётся водой.

– Вот проклятье, – обида резко вырвалась с губ юноши, который вновь и вновь тужится сотворить лёд из воды с помощью магии, но жидкость лишь стекает слабым ручейком сквозь светлые пальцы. – Да это скотство какое-то! – выругался Азариэль и нервно потряс ладонью.

На удивление чародеев Ордена, несмотря даже на своё происхождение Азариэль почему-то стал абсолютным профаном в искусствах тонких энергий, показав, что виртуозным магом ему никогда не быть. Но это не помешало ему занять достойное положение в научной организации Академиона, который занимался независимой научной деятельностью, главной целью которого было наставление неофитов в их самостоятельном занятии самыми различными науками.

– Азариэль! – снова обращение радостным голосом раздаётся откуда-то со стороны кухонь.

– Люсия, рад вас видеть! – отсалютовал юноша, потирая мокрую руку, в сторону высокой черноволосой девушки в сером платье.

Ещё одним прекрасным моментом в жизни парня было то, что он сумел найти общий язык с некоторыми слугами Ордена, став приятелем и обычной обслуге. У него появи-

лись прекрасные знакомые среди крестьян и прислуги Цитадели, что весьма радует парня, ведь у него появились новые собеседники из числа простых обитателей Ордена, с которыми можно поговорить не только об алхимических формулах и строении магического посоха.

Хоть жизнь в Ордене не была лунным сахаром, став воплощением тяжелейших невзгод и лишений, помешанных на изматывающих физических подготовках и труднейшем обучении, Азариэль понимает, что всё это только к лучшему. Тренировки и испытания, операция и ограничения поставлены не только для улучшения тела. Долгое время назад его вела в Орден мысль о славе и почёте, о том, что его озарит свет лавр великого воина, и в его честь будут петь победные гимны. Сейчас такой мысли нет. Он понимает, что Орден сражается в тени, остаётся неизвестным для многих и о славе придётся забыть. Он готов к этому, его обучили здесь, приготовили к вечному забытию. Он будущий страж Тамриэля, защитник от тёмных сил и свет почёта ему ни к чему. Хмурым грузом ответственности эта мысль отягощает разум молодого эльфа, но он с безнадёжной радостью встречает её.

Азариэль настолько погрузился в мысли, что не слышал, как рядом журчит фонтан и переговаривают люди. Все его мысли направлены к одному – о тяжести того долга, который он понесёт. Многие рыцари и чародеи до него приняли его с честью, с достоинством...

«Не сломлюсь ли я?» – сам себя спрашивает Азариэль,

стоило его только посетить бедственной мысли. Его седая прядь лишь начало испытаний и изменений, которые предстоит вытерпеть, кольцо – тот маленький незначительный артефакт, который он добыл по долгу, а дружба и тягости – вуаль эмоций и чувств, что низойдёт со временем.

«А что останется? – спросил про себя Азариэль и его разум находит единственный ответ. – «Долг. Один лишь долг».

– Салют! – приветствие раздалось подобно грому в Винтерхолде зимой, и Азариэль от неожиданности едва не опозорился – его спина резко подалась назад, а пальцы соскользнули с мрамора и вес потянул юношу назад.

– Эй-эй! – ухватив друга за шиворот белой рубашки и потянув на себя, забеспокоился товарищ. – Только ещё не хватает, чтобы ты в фонтан рухнул. Что, так сильно напугал?

Азариэль привстал, сделав шаг от фонтана и коснувшись седого волоса, решил ответить шуткой:

– Ты же видишь, что я уже запуганный. Хочешь, чтобы меня инфаркт хватил?

Смуглое лицо высокого юноши обращено прямо на Азариэля. Его черты со временем стали более отточенные, высушенные на солнце долгими испытаниями. А на щёках проступила едва заметная щетина чёрного цвета.

– Опять размышляешь о жизни?

– Да. А что ещё тут я могу делать, а Ахмат? – легко ответил вопросом на вопрос ему Азариэль, тоже исказив губы в эфирной улыбке. – Я смотрю, ты хочешь, чтобы моя жизнь

оборвалась. Утопить меня вздумал?

– Нет, что ты... только искупать решил. Ты уж в следующий рад будь внимательней.

– Прости я... я задумался.

– Снова об Ордене?

– Да... как-то всё становится минорно. А я даже не рыцарь, – затянул печалью Азариэль и в эту же секунду встряхнул себя, перейдя на другие темы. – Но ладно, что ты хотел?

– Ты, когда ты собираешься доделать доклад по доимперской истории? Завтра же? – заинтересованно спросил Ахмат, на что альтмер ответил сарказмом:

– Списать хочешь?

– Да что ты, – возмущённо ответил ему редгард, но неожиданно вкрадчиво продолжил. – Всего лишь хотел взглянуть на основные положения.

– Хах, – негромко усмехнулся эльф. – Не знаю, у меня ещё проблемы с магической теорией, не говоря уже о практике, так, что тебе самому придётся основные положения делать, – сухо ответил на скрытый намёк Ахмата Азариэль. – А доклад я всегда успею сделать.

– Это бравада или гордыня? – наигранно начал друг. – Разве ты не помнишь слов дядюшки Гюнтера. – «Гордость есть поганое чувство, способное погубить вас в схватке с самыми отвратными слугами тёмных сил, что потянут за эту ниточку и размотают вас как клубок ниток», – и после момента театрально–шуточного воспроизведения одного из

профессоров бесстрастно констатировал. – Мда, а с историей у тебя всё было хорошо, я бы сказал прекрасно.

– Прощу, хватит этой сухой лести, – исказив лицо в гримасе секундного отвращения, парень решил сменить тему. – Лучше скажи, ты сегодня идёшь на наше философское обсуждение?

– Не знаю, у меня много дел, – немного с толикой печали в голосе ответил редгард.

– Да у тебя всегда много дел, и не все они важные, – возмущённо начал юноша. – Не забывай, ты в нижнем научном совете Академиона. И ты должен был хотя бы участвовать в его делах

– Не забуду, как туда попал. – Сказал Ахмат, стараясь уйти с неудобной для себя темы.

– Ты туда попал лишь по счастливому стечению обстоятельств, так что не обольщайся насчёт этого и не смей уходить с темы, – поняв мотивы своего друга, грозно и напористо стал говорить Азариэль, желая получить внятный и чёткий ответ, за что его бы и похвалил Ремиил. – Так ты идёшь сегодня на философское обсуждение?

– Не знаю. – Последовал недовольный ответ. – Говорю же, много дел. Да и к тому же самому придётся делать доклад.

– Ничего. Может из тебя что-то хорее выйдет, – саркастично заключил Азариэль.

– Ох, лучше вспомни свою вчерашнюю боевую подготовку, перед тем, как Туриил тебя на миссию выхватил. То-то

ты был не столь празднословен, – с толикой обиды, но стараясь всего лишь по-дружески поддеть парня, сказал Ахмат.

– Конечно, как такое забыть, когда тебя на дуэль вызывает сам паладин. Ладно бы это был простой рыцарь, но натренированный до совершенства воин, владеющий с неповторимым мастерством клинком, это был явный перебор. – Недовольно, потирая бок, высказался Азариэль.

– Да ладно тебе, – праздно начал Ахмат. – Первые секунд десять ты явно доминировал. Но потом...ну подумаешь, он перекинул тебя через плечо, предварительно выбив меч. Каждый бы проиграл паладину.

– Но из-за поражения Охтхере заставил меня преодолеть полосу препятствий два раза. Чтобы я: «стал более устойчив и силён, раз слаб в магии».

– Вот вы где! – прервала разговор друзей яростная реплика, наполненная гневом и нетерпимостью. – Нечего прохлаждаться у фонтана. Нужна помощь в архивах. Ахмат займись этим, – не унимая гневного тона, приказал рыцарь, чьё тело прикрыто чёрной развивающейся волнами туникой.

– Да, господин Сафракс.– Покорно и с толикой повинности отведя взгляд от зелёных глаз рыцаря, ответил Редгард, не желая даже смотреть в лицо приказчика.

– Давай-давай! Не оскорби статей кодекса неповиновением!

В сию секунду редгард обернулся к другу и его уста что-то проговорили, не слышимое рыцарю, как казалось самому

парню.

– И, да я всё-таки возможно приду на вечернее обсуждение, – тихо вымолвил Ахмат, стараясь, чтобы высокий черноволосый бледнокожий нордлинг с острыми чертами лица его не услышал.

– Давай, вперёд, недофилософ! – громко и с недовольством гаркнул Сафракс, стараясь как можно быстрее неофита пристроить к делу. – Теперь ты, – указав пальцем уже более спокойно начал рыцарь. – Ты уберёшь трапезную.

– Один? – удивлённо спросил Азариэль и выполнил шаг назад, едва не споткнувшись о перегородку ложи фонтана.

– Конечно же, нет, тебе помогут сестра-швабра, и брат-веник, – с гневным сарказмом пояснил Сафракс, однако, более вкрадчиво продолжил. – Но это потом, а теперь ответь мне на очень важный вопрос.

– Какой, господин? – Азариэль, со страху, почтения или неприязни уставил лицо вниз, рассматривая каменную брусчатку под ногами, образующую средь зелёного моря травы внутреннего двора белый квадрат.

– Что ты знаешь о таком внутреннем обществе в нашем Ордене, как Ложа? – при этом голос рыцаря стал более жёстким и суровым, смешанным с хладностью, а в его глазах читается решимость узнать правду вкупе с пламенной праведной яростью.

После того, как вопрос прозвучал, сердце Азариэля сжалось от страха, тяжесть и щекотливое ощущение одновре-

менно сдавили грудь, дышать стало намного труднее. Он просто не знает, что ответить – соврать или изложить правду.

– Ну?! – голос рыцаря раздался на весь внутренний двор.

Юноша знал, что Ложу создали его знакомые и друзья под руководством какого-то рыцаря, причём поддерживаемы кем-то сверху, что пугает альтмера. Азариэль знает, что ими руководит юношеский максимализм и ярое желание привнести что-то новое, как всегда и бывает с молодыми, но они ничего крамольного не замышляют. И эта Ложа стала воплощением тех амбиций, которые так сильно старались подавить рыцари, учёные и маги Ордена, называя их губительными. Однако Регент пошёл на уступку, и не многие воители и чародеи, профессора и мастера выразили неприязнь к объединению юношей и девушек, назвав его «игрушечным». Да и разве сопротивление горстки консерваторов Ордена остановит подростковый душевный жар, если за них большая часть? Их дух прожигает пламенная жажда, что вызывает к свежим преобразованиям, которые создадут что-то новое, уникальное и непохожее на старые схемы и механизмы.

– Ладно... что ты знаешь о её структуре? – на плечо Азариэля легла широкая ладонь рыцаря, чуть сжав пальцы, порождая незначительную боль, как аргумент вопроса. – Как она называется полностью?

– Ложе нет ни званий, ни иерархии, ибо там все объявлялись «равными братьями и сёстрами», что общаются и существуют на равных.

– Ещё!

– Да ничего особенного, – Азариэль сжал губы от боли в плече, которая с каждой секундой усиливается давлением пальцев Сафракса, – знаю лишь, то, что в неё может войти любой желающий. Что в ней неофиты делятся своими мыслями идеями, что различия в рангах между нами исчезают, что там витает дух равенства, – с непрекращающейся дрожью в голосе ответил юноша.

– Я понимаю, – рыцарь убрал ладонь с плеча, расцепив хватку, – молодая и горячая кровь, охота реформаторства и всего прочего, мы порой даже готовы поддержать ваши инициативы, – неожиданно выразив нотку лояльности и пойдя на встречу, сказал рыцарь. – Но вы должны понимать, что многие вещи подрывают дисциплину в Ордене, ставя его на грань распада. – Поучительно и важно заключил Сафракс.

– Они всего лишь хотят усилить наши узы братства, чтобы нас навсегда связала нерушимая дружба, – с осторожностью пояснил юноша.

– Вы найдёте своё братство в первом совместном бою, и единство почерпнёте в кодексе и медитациях, вот истина. – Не повышая голоса с фанатичными нотами, благоговейно сказал рыцарь.

– Мы...

– Вы должны свято следовать Кодексу, – перебил Сафракс Азариэля и добавил. – Вы даже на своих собраниях Ложи должны его чтить!

Однако, по воле богов или просто счастливо «выпала карта» в разговор со стороны вмешивается низкий мужской голос:

– Сафракс, иди тебя ждёт бронник, забери у него перчатки, которые ты повредил в последнем бою. – Послышался голос Ремиила, который подошёл как раз вовремя, чему и ликовал Азариэль, отчего на его губах проступила лёгкая улыбка.

– Хорошо, но знай, юноша, мы с тобой этот разговор ещё продолжим когда-нибудь. – Несколько хладно сказал рыцарь и бросает напоследок. – Чти Кодекс и дисциплину, это тебе и укажет путь во тьме.

Азариэль стоит ошеломлённый, от такого поведения фанатичного напора рыцаря, который выпытывал из него информацию, а всё узнав, просто приказал следовать кодексу как какому-то культу. Взгляд его нефритовых очей сделался углубленным, потерянным и уставился в землю. В то же время Азариэль мгновенно развеял нотки хладности слабого страха, которые его охватили при виде Ремиила, поскольку альтмер два года в Ордена всё ещё не привык к «машинности» старого рыцаря.

Подошедший рыцарь заметил это недоумение на лице юноши и решил хоть немного его развеять и вернуть к происходящему:

– Прости его, но чтение догм Ордена для него – это всё, – сказал юноше, подошедший Ремиил. – Он у нас что-то вроде

глубокого духовного ориентира, моралист чистой воды...

– О, Акатош, как он меня достал.

– И не только тебя. У рыцарей есть одна из привилегий – привлекать к суду без специального указа Совета Владык. Маги, учёные, мастера – все его недолюбливают за то, что он пол Ордена по судам затащил за несоблюдение Кодекса.

Парень обратил внимание на своего неожиданно спасителя, что уберёт юношу от праведного фанатизма Сафракса. Сам рыцарь стоит без своих наполированных до блеска доспехов, будучи облачённым в простые серые одежды – балахон да сапоги. Серые волосы Ремиила снисходили до плеч, как водопад, будто бы сливаясь с одеждой. За последнее время частого пребывания в стенах цитадели и став как можно выходить на миссии рыцарь несколько набрал в весе, отчего его исхудавшие черты лица стали более «живыми». Но закончив разглядывать своего наставника всё же не теряя удивлённого голоса, решил озвучить своё мнение юноша:

– Я не понимаю, насколько сильно нужно чтить кодекс, чтобы преклоняться ему подобно сакральной книге культуры? – возмущённо спросил Азариэль.

– У него была трудная жизненная ситуация, когда его привели в Орден, – тяжело стал объяснять историю Ремиил. – Его нашли на улице Скингарда, одинокого и голодного. После вступления в Орден он стал искать свои ответы в кодексе, стараясь прояснить некоторые вопросы на жизнь, и почему так несправедливо с ним поступили.

– А как же друзья? – снова присев на перегородку фонтана и сложив руки на груди, спросил Азариэль.

– Да среди неофитов тех времён у него практически не было друзей. – Мрачно проговорил Ремиил. – Вот со временем он и дошёл до этого, оставшись практически в одиночестве один на один с кодексом. Он просто искал свой смысл жизни, вот он его и нашёл... в кодексе, слившись с ним. – Окончив тяжёлый краткий рассказ о жизни Сафракса, рыцарь более жизнерадостно закончил. – Кстати, можешь не идти убирать трапезные, я отослал туда прислугу. Пусть займётся работой.

– Спасибо. Кстати, я слышал от самого Сафракса, что он из тех счастливых, которые выжили, в бытность неофитом. Я знаю, что вам говорить об этом не положено, но всё же что там случилось? – заинтересованно спросил Азариэль. – Мы спрашивали, он лишь становился ещё мрачнее и заканчивал разговор на эту тему, отправляя нас чистить... – лицо скривилось в неприязни юноша. – Отходники.

– Ох, это очень давняя история, – груз и свинцовая тяжесть в словах собеседника поразили Азариэля, но в то же время пробудили интерес. – Это было лет десять назад, когда перед вступлением на следующую ступень Ордена, а большинство тогда метило в рыцарство, должны были пройти испытание. Обычно Регент отправляет на лёгкие задания, где нужно всего лишь подтвердить свои навыки. Это зачистка небольших руин от бандитов или уничтожение мелких кове-

нов. И тогда практически всех кандидатов в рыцари он отправил в Скайрим на зачистку одного из старых фортов, где по слухам был небольшой магический конклав отступников из Гильдии Магов и Коллегии Винтерхолда.

– Так понимаю, это был не самый обычный ковен. Ты был с ними?

– Да. Я, вместе ещё с двумя магами под командованием паладина был назначен надсмотрщиком на задании. Мы тогда расположились в километре от форта и стали ждать возвращения неофитов, чтобы объявить их прошедшими испытание. Всё началось как обычно: мы в семь часов утра прибыли, разбили лагерь и отправили на задание неофитов. Прошёл час, два, пять, а они не возвращались.

– А почему вы не проверили их сразу? Может сейчас Сафракс был бы нормальным человеком, а не фанатиком.

– Мы не имели права. Это было их задание и только их. Уже под вечер мы обязаны были пойти и посмотреть, почему их столько времени нет. Когда мы пришли на место, даже бывалого паладина поразило произошедшее. Сначала нас обдало мерзким запахом жжёной плоти, от которого могло стошнить. Потом возле форта мы увидели лужи талой воды и столбы пара, который укутал всё место подобно савану, хотя в Скайрime была зима. Мы поняли, что нужно спешить и когда мы прибежали к месту задания, то встретили одного Сафракса. Вся его броня было опалена и изодрана в клочья.

– Мара милосердная. – Беспокойно вымолвил Азариэль,

но Ремиил не заметил этого и продолжил.

– Как сейчас его помню. Кожа местами пузырилась от ожогов, а часть волос на виске была выжжена. Все его лицо было в саже, пропитанной кровью и потом. Но страшнее всего было смотреть в его опустевшие глаза, из которых пропала вся жизнь. Мы осмотрели форт. Оказалось, он уходил, на несколько уровней в землю, но поразило не это.

– А что?

– По всему форту были разбросаны разрубленные трупы магов вместе с изуродованными и сгоревшими телами неофитов. Мы стали расспрашивать у бедного парня, что случилось. Он нам, сквозь дрожь, постоянно прерываясь и пояснял, что здесь собралась самая крупная секта огнепоклонников-пиромантов, желавшая захватить один из городов Скай-рима и создать своё королевство.

– Он сорвал эти планы, – покачивая головой, медленно сказал альтмер.

– Ты прав. Неожиданное появление слуг Ордена сорвало эту задачу. Но здесь их тут ожидал самый настоящий ад. От массивов огня, которые против них обратили, буквально вскипал снег и плавился камень на стенах форта. Против них кинули самые страшные призванные существа огненной стихии, которые только могло вызвать могущество мастера-призывателя. Только потом мы увидели, что Сафракс плотно сжимает какой-то непонятный амулет в руках.

– И что он вам рассказал?

– Он нам поведал, что сорвал его с главного жреца культа. Оказалось, что этот амулет дарует практически неограниченные возможности по отношению магического применения огня. – И уже начиная клонить к концу, Ремиил сделал ностальгический оттенок в своём голосе. – Вот так вот Сафракс добыл свой первый артефакт и потерял всех своих знакомых, хотя особо ни с кем и не дружил. И эти воспоминания стали для него отличным уроком того, что сначала нужно проверять местность, а потом уже идти в бой. Хоть паладин его похвалил за отвагу, но Регент выразил недовольство, что он пренебрёг некоторыми статьями кодекса.

– Поэтому он его так и читит?

– Именно! – воскликнул рыцарь. – Эти воспоминания стали для него болезненной иглой, что заставила почитать его кодекс на уровне священных книг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.